АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 6 (21)
июнь, 2018

Содержание журнала для лиц старше 16 лет
16+
Содержание журнала для лиц старше 16 лет

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами июньский номер литературно-исторического журнала «Александръ», который стал результатом литературной экспедиции Союза писателей России, организованной избранным на 15-м съезде председателем правления Николаем Ивановым и сопредседателем Сергеем Котькало. Особую благодарность хочется выразить председателю Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России Владимиру Казмину, непосредственно помогавшему в сборе и отборе литературных работ писателей Донбасса.

В настоящем издании опубликованы произведения талантливых и смелых людей, умеющих жить полноценной жизнью в условиях войны и блокады, бороться за свою свободу и независимость родной земли и, что немаловажно, творить. Несмотря на общую тяжесть и трагизм произведений июньского номера журнала (война и смерть, бесспорно, не могут быть весёлой темой), они обладают жизнеутверждающим смыслом, художественно выраженным в русском слове.

Удивительная земля и сильные люди, проживающие на Донбассе, показали беспрецедентный пример патриотизма, сплочённости и самопожертвования для всех людей, живущих в России. И совершенно не случайно, что в июне, месяце, когда в нашей стране отмечаются День независимости и день рождения Александра Пушкина, вышел номер, посвящённый героям и земле героев.

Дорогие читатели! Поздравляем вас с днём рождения великого русского поэта и Днём независимости России! Русский справедливый уклад, сильная Россия являются оплотом мира на Земле!

С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Настоящий номер журнала посвящён 75-летию изгнания гитлеровцев из Луганска, а весь листаж отдан произведениям из Луганской Народной Республики. Редакция стремительно набирающего популярность «Александра» как бы подхватывает через годы всесокрушающую атаку красноармейцев-освободителей и системно знакомит самый широкий круг российских читателей с малоизвестной им Луганской писательской организацией имени Владимира Ивановича Даля. Чем не прорыв клеветнической медиаблокады укрофашистов?..

Наш Луганский национальный университет имени Владимира Даля постоянно сотрудничает с писателями в своих мероприятиях. Это презентация новых изданий, проведение Далевских и Гаршинских чтений, организация круглых столов, смотр-анализ школьных медиа на республиканских и международных конкурсах... Отрадно осознавать столь мощный творческий потенциал университета именно сейчас, когда мы отмечаем 98-летие со дня его основания.

Признаемся, всё это было бы невозможным в нынешних тяжелейших условиях без искренней человеческой и информационной поддержки со стороны рядовых членов СП России и его правления, а также Новороссийской академии русистики. Иначе и не могло быть на родине великого народолюбца, известного под псевдонимом Казак Луганский, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка»... Поэтому всякая русофобия осознаётся местными жителями как шулерское действо, направленное, прежде всего, именно против Луганска – исконного форпоста Русского мира.

Примечательно и то, что Казак Луганский был другом, сподвижником и побратимом Александра Пушкина. А это придаёт особый, пророческий смысл майскому выпуску.

От души поддерживаем основное направление журнала «Александръ», нацеленное на единение всей многообразной русской литературы. Желаем редакции и авторскому коллективу новых творческих успехов! Низкий поклон тамбовчанам и тамбовской земле.

В. РЯБИЧЕВ,
врио ректора Луганского национального университета им. Владимира Даля

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург), член Союза писателей России;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).
Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (21), июнь 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.06.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск»,
393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ПОЭТИКА ПУБЛИЦИСТИКИ
4 Андрей Медведенко. Возвращение

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ
8 Алексей Ивакин. Донецкий исход 1918 года

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ
17 Александр Сигида. Вместо репортажа

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КУЛЬТУРУ
20 Александр Сигида. «Неолит», или Новороссийская литература

ЗАПОВЕДНОЕ
28 Игорь Мартынов. Область Войска Донского – земля предков, дарованная Богом

ПРОЗА
32 Любовь Бондаренко. Вопреки судьбе
41 Андрей Кузнецов. Ангел на плече

ПОЭЗИЯ
52 Алина Башта
53 Александр Сигида-младший
55 Антонина Волобуева

РОДНОЕ
57 Александр Сурнин. Один день

СКВОЗЬ ЗАРЕВО ПОЖАРА
66 Кирилл Часовских. Младшая сестра
73 Ксения Распорская. Мы войны никогда не простим вам...

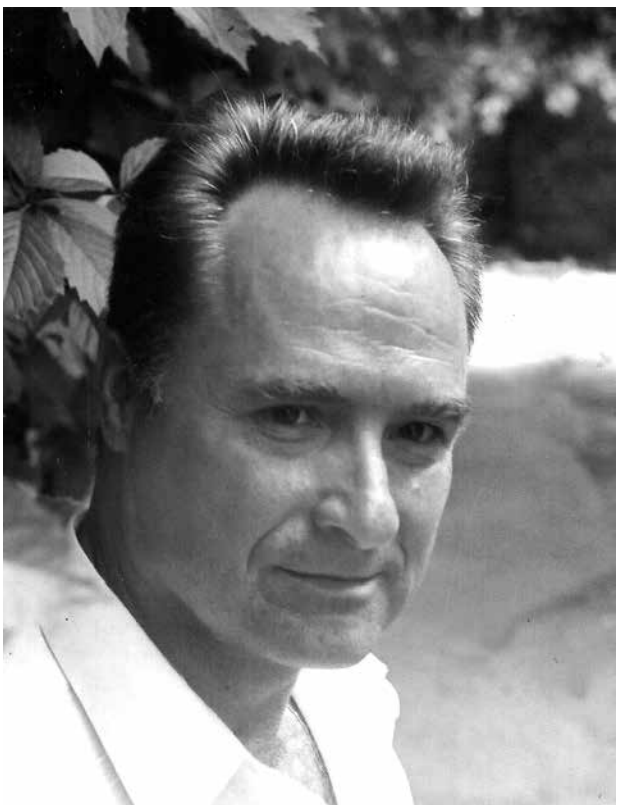
СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ
74 Анна Вечкасова
75 Сергей Прасолов
76 Людмила Гонтарева

ВРЕМЯ
79 Ирина Черниенко. Дневник необъявленной войны

МЫСЛИ О НАСТОЯЩЕМ
86 Марк Некрасовский. Сепар

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ
88 Анатолий Труба. От увлечения – к бизнесу

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ
91 Шаги «Александра»



Андрей МЕДВЕДЕНКО

Андрей Ефимович Медведенко родился в 1951 году в семье шахтёра. Работал на шахтах Донбасса. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Более пятидесяти его книг, включающих поэтические и прозаические сочинения, вышли в издательствах Киева, Донецка, Луганска.
Тонкий лирик и психолог, он умело улавливает движение человеческой души и времени.
Член Союза писателей СССР и России. Лауреат Международной премии им. Григория Сковороды и премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Эдуарда Володина. Заслуженный работник культуры Украины.

Возвращение

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вновь вернулся в край родной.
Вдали стреляет кнут подпаска.
Туман измазал белой краской
Отрожину горы крутой.

И умилённые, как зыбка,
Ирисы млеют у ручья.
И кажется, что жизнь – ошибка,
Коль долго их не видел я.

У придорожного куста
Синь захлебнулась тишиною.
Тень от отцовского креста
С погоста тянется за мною.

И жаворонок увлечённо
Твердит, бросая тело в дрожь:
– Ты песню до конца споёшь,
Когда постигнешь обречённость.

Стирает мать слезу украдкой,
Меня увидев на крыльце.
Рубаху, память об отце,
С нужды пустила на заплатки.

А слёзы катятся и катятся.
Всё молит:
– Главное терпеть.
Когда берёзонька наплачется,
Тогда и станет зеленеть.

Хлопочет, полная участья.
Глядеть без грусти не могу.
И мак цветёт остатком счастья
На недокошенном лугу.

* * *

Заискрило в глазах.
Показалось,
Что на крылья сверчков напорюсь.
И о чём-то таком размечталось,
Чего я никогда не добьюсь.

Нет в природе цветов-хулиганов.
Только разве же в этом беда?
Посрединочке стайки тюльпанов
Распустила листву череда.

И, покрытый дерюжною ложью,
Гнётся кроной дубок на ветру.
Налилась вечеровою дрожью
Молодая осина в бору.

Жизнь – потёмки. И всяко бывает.
И под жабу поёт соловей.
Разве кто-нибудь в точности знает
Час и место кончины своей?

Что ни куст – чистотела обитель
Или зайца забавного прыть.
Пусть хранит тебя ангел-хранитель,
Кто глаза мои сможет закрыть!

Как тревожен в груди на закате
Золотого томления взрыв!
Человечьего сердца не хватит,
Чтоб постигнуть рыдание ив.

* * *

Всё суетно, а многого жалко.
Опалились заката края.
Пахнет осень на мокрой лужайке,
Как забытая нежность твоя.

Надвигается гром издалече.
Чем гордился, уже не горжусь.
Всё пекусь о бессмысленной встрече
И тоскою до рвоты давлюсь.

Всё безрадостней тропка и уже.
Кто-то хочет, чтоб шаг мой затих.
Разве стало кому-нибудь хуже
От радушных объятий моих?

Разве плохо, когда у окошка
Веселятся смешно воробьи?
Собираю, как косточки кошке,
Я для сердца крупицы любви.

Капай, капай в ладошку, росинка.
Не могу я прожить без мечты.
В человеке любом есть глубинка
Изначальной земной чистоты.

* * *

Забудьте, милая,
Нам вместе быть нельзя.
И в том, что ангел я,
Не убеждайте.
Пусть со стезёй
Разлучится стезя,
Но вы в моей судьбе
Не убывайте.

Пусть будут в ней
Степные облака,
Плывущие за обрий, не скучая,
И на заре –
Припухлых губ тоска
С запёкшейся горчинкой молочая.

Пусть будут ночи светлые, без гроз.
Не плачьте, милая,
И не судите всуе.
Ведь ничего иного,
Кроме слёз,
На этом свете
Вам не принесу я.

Пусть вечера
Разлущится стручок
И вновь, как зёрна,
Высыплются звёзды...
Прощайте, милая!
Разлуки облучок
Развеет в вас
Случайной встречи
Роздымь.

* * *

Кто-то к обочине выволок
Старый сиреневый куст.
Мимо ухабистый изволок
Тянется, долгий, как грусть.
Вечер. Ни жабьего крика,
Ни птичьего свиста в листве.
Раздавленной земляникой
Закат дотлевает в траве.
Вечер. И облака тень
Тает на глинистом взгорье.
И позади уже день
И пережитое горе.
Вечер. Глазам воспалённым
Свет больше видеть невмочь.
Ягодой чёрной паслёна
Вызрела летняя ночь.

* * *

– Окрылись! – кричат мне властелины. –
Будь скромней – и станешь выше всех.
Отряхни кошмар мещанской тины,
Счастье ведь не только в колбасе.

Окрылился.
Грудь в восторге млеет.
Только разве стало жить легко?
Пыль – она и крыльев не имеет,
А летает ох как высоко.

* * *

Я день оставил прожитый – векам.
Отдал его открыто и покорно.
И, растолковав тоску по уголкам,
Сумел вздохнуть достойно и свободно.
Домой я через кладбище иду.
Из прошлого встречают меня лица.
Во мне не раз поступкам их свершиться
На радость, ну а может, на беду.
Вон тот, с усами,
В окруженье пташек,
Рельефен и осанист,
Как петух,
Имел успех у молодых торгашек
И томных раздражительных старух.
А этот, из бордового гранита,
Что пересёк мне в полный рост тропу, –
Гроза базаров и вожак бандитов,
Он разделил с собратьями судьбу.
А чуть в сторонке –
«Зубр» державной силы.
Ему гордыня разорвала грудь.
Почил. И вровень
С братскою могилой
Подельники воздвигли ему бюст.
Иду. Взирают с памятников лица,
Тая в глазах застывшую мечту.
Но тянет меня, тянет поклониться
Сосновому
Подгнившему кресту.

МОНЕТА В БЕСКОЗЫРКЕ

Леониду Вышеславскому

Родина – мать объегоренных, сирых!
Стою на ступеньках у входа в метро.
Навстречу поток нескончаемой силы
И только грядущее в лицах мертво.
В кроссовках сморчок
Снисходительно зыркнул
На нищего деда
В сторонке от масс.
И бросил монету ему в бескозырку,
В которой ходил он в атаку не раз,
В которой поверг несусветные беды!..
С которой подачку берёт, как во сне,
Рукой, водрузившею Знамя Победы
В самой жестокой войне.

* * *

Всматриваясь в будней кутерьму,
Я себе твержу под небом Млечным:
– Если я не вечен, почему
Так душа болит моя о вечном?

Ночь. Безмолвье. Звёздный мадригал...
Боже, это ты всему виною!

Мне зачем такое сердце дал,
Что не в силах сладить я с собою?

Вечно мысли с чувством не в ладу.
Принимая хитрость за обузу,
По терпенья борозде бреду,
Согнутый любви кандальным грузом.

То взнуздаю пошлость, как коня,
То обрушусь в тишину растений...
Нет, не тленность мучает меня,
Откровенье новых впечатлений.

Ночь. Мерцанье и безмолвье тьмы.
Расправляю крылья понемногу.
Потому и мучаемся мы,
Что без боли нет на свете Бога.

* * *

...Вновь возвращается весна.
Последний снег сошёл со стрехи.
Благословенна тишина
Зерна, пустившего побеги.

Подснежник вдаль глядит несмело.
А там, где стайка голубят,
Стоит буркун окостенелый,
Не в силах старость осознать.

Не всё цветет, но всё линяет,
На волю рвётся из клещей.
Но время внешность лишь меняет,
Нам оставляя суть вещей.

ЖЕНЩИНА ЗАЦВЕЛА

Всё подвластно осени дыханью.
Мокрый лист роняют тополя.
Но назло сплошному увяданью
Женщина взяла и – зацвела!

Мир взметнулся, как на карусели.
Ветра вой беспечен – ну и пусть!
Светится в шагах её осенних
Откровенья сладостная грусть.

Смотрит взглядом, из тоски воскресшим.
Нипочём ей колкое жнивьё.
Даже те, кто с сердцем ожиревшим,
С восхищеньем смотрят на неё.

Зацвела. Погоды не спросилась.
Вся в дождинках. Ну и хороша!
Наконец-то чудо совершилось –
Родственная встретилась душа.

Зацвела. Легко. Неудержимо.
Что ни вздох, то бодрости глоток.
Свежестью никем не постижимой
Пахнет тела каждый лепесток.

В нём кипит бунтующая сладость,
И грохочет вешней силы гром.
Потому не всякая ведь радость
В жизни объявляется грехом.

И – пустяк, что мизерна зарплата,
Кризис – цен наращивает лёд,
Что на небе месяц как заплата!
Грязь кругом.
А женщина – цветёт!

* * *

Только жгучая память нахлынет –
Вспоминаю, сгорая в пылу,
Терпкий запах осенней полыни
И порывистый твой поцелуй.
И на самом высоком кургане,
Что не грезился даже во сне,
Вся ты редкость и благоуханье,
Разливаешься песней во мне.
И паришь не воздушною феей,
А ромашкой,
Где в сини высот
Соревнуется зобник с шалфеем,
Кто из них веселей зацветёт.
О мечтаний свершившийся миг!
О любовь! Совершенство даруя,
Искупай меня в ласках своих,
Иссуши золотым поцелуем,
Чтоб не стал опустелым наш дом.
И, сминая в бурьяне тревоги,
Мы, как ветер, пошли напролом,
Суету отвергая дороги.

ДОНЕЦКИЙ ИСХОД 1918 ГОДА

Нет, это не о гражданской войне на Украине сегодня.
Это о Гражданской войне столетней давности.

ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД». НАДО ОТДАТЬ ДОЛЖНОЕ БЕЛОДЕЛЬЦАМ И ЛИБЕРАСТАМ – ОНИ ПРОФИ В ПРОПАГАНДЕ, РАЗРЕКЛАМИРОВАЛИ СЕБЯ И СВОЁ БЕГСТВО КАК ПОДВИГ.

КОГДА-ТО И Я БЫЛ ЛИБЕРАЛОМ – МОЛОДОСТЬ. ЭТО НОРМАЛЬНО. ЗАУВАЖАЛ Я КРАСНЫХ ТОГДА, КОГДА ПОНЯЛ ОДНУ ВЕЩЬ. ЧТО ДЛЯ БЕЛЫХ БЫЛО ПОДВИГОМ, ТО ДЛЯ КРАСНЫХ БЫЛО ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ. НУ ЭТО ВОТ ВЫВЕЗТИ МОСКОВСКОГО МАЛЬЧИКА В ЛЕС НА ШАШЛЫКИ – ОЙ, ВЕСЬ ТВИТТЕР ЗАГАДИТ ГЕРОИЧЕСКИМ РАЗЖИГАНИЕМ МАНГАЛА. А ДЛЯ СИБИРСКОГО МУЖИКА ЭТОТ ПОХОД БУДЕТ... НУ Я ДАЖЕ СЛОВО НЕ МОГУ ПОДОБРАТЬ. В ТУРИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ЭТО «МАТРАСНИЧЕСТВО» НАЗЫВАЮТ.

ТАК ВОТ. СЕЙЧАС Я РАССКАЖУ О ПОХОДЕ, О КОТОРОМ ЗНАЮТ ЕДИНИЦЫ.

В феврале-марте 1918 года гайдамаки Центральной Рады и войска кайзеровской Германии начали продвижение на восток. Немцы и украинцы. Запомните это сочетание.

Современные белодельцы и либералы, потерявшие Россию, обвиняют большевиков в Брестском мире. Это я напоминаю. Мол, если бы не этот похабный мир – а он был действительно похабным, но неизбежным, – Россия была бы в стане победителей. (*Фу так писать* – это я себе.)

Именно в марте 1918 года в Луганск приехал «первый красный маршал» Ворошилов. 5 марта он обращается к рабочим Харькова, Донецка, Луганска, Кривого Рога. Полностью приводить не буду текст. Пару строк.

«Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством Петлюр, Винниченко и прочих предателей украинского народа».

Клички, порошенки и прочие ляшки современности – тоже предатели украинского народа.

Был сформирован отряд из 640 луганских рабочих. Шестьсот сорок. Командир – Климент Ворошилов. Против этого отряда шёл 27-й германский корпус. А именно: 89, 92, 93, 95, 98-я и 2-я ландверная дивизии. Каждая дивизия – 11–12 тысяч штыков. Это раз так в сто побольше, получается.

Старая царская армия к этому моменту расходилась по домам, с Румынского фронта шли.

У Луганского отряда была разведка. Целых 19 человек конных.

Разведка наткнулась на отряд с Румынского фронта – около 500 бойцов. Был проведён митинг, на котором выступал Ворошилов.

«Ребята, – говорил он, – мужики. Против немцев идём биться. Не за царя, за Родину».

Ни один не вступил в отряд. «Навоевались».

Позже солдаты Румынского фронта начнут идти и в Красную армию, и в Белую. И к анархистам примыкать.

Артиллеристы и инженерно-технические станут инструкторами. Но это ещё впереди.

Климент Ефремович Ворошилов

А пока, 27 марта, луганчане впервые столкнутся с немцами.

В 15 км от Конотопа разведка наткнётся на передовые отряды немцев. У Ворошилова были две бронеплощадки. У немцев – бронепоезд.

На тот момент самым старшим по званию в штабе был ефрейтор. Не было ни оперативных планов, ни письменных приказов. Телефонов не было. Сплошная импровизация. Подобное я видел в апреле 2014-го в Славянске. Сланцы и дробовики против БТР.

Естественно, что немцы начали давить.

Луганчанам удалось подбить немецкий паровоз из шестидюймовки. Возможно, это их спасло. Возможно. Немцы попали в вагон со снарядами. Профессионально отсекали и окружали небольшие отряды луганчан. Несколько дней 640 луганских ополченцев держали удар немецкого корпуса. Попадавшие в окружение стрелялись, как, например, командир Чудновский. Сиверс, Киквидзе – ранены.

Они держались до 8 апреля.

А вот сейчас помолчите секунду.

Отходить они начали, когда ударил ещё один немецкий корпус – 1-й германский резервный корпус в составе 16, 45, 91, 215,

224-й ландверных дивизий и 2-й баварской кавалерийской дивизии.

Только тогда, 9 апреля 1918 года, Харьков был взят немцами.

Через Чугуев луганчанам удалось пробиться в родной город.

14 апреля. Сватово. Немцами взят Купянск. Дончане отходят на Дебальцево и Иловайск.

В Сватово стоит 5-я Украинская советская армия. 400 бойцов, 100 сабель, два орудия, бронеплощадка. И Ворошилов.

Немцы методично осуществляют обходы и охваты.

В наших частях митинги.

Моральное состояние было никакое. Сами понимаете. Один-два боя – и воевать будет некому. Необходимо было отступать. Постепенно к армии Ворошилова подходили разбитые отряды красных. Ворошилов, Пархоменко, Руднев жёстко подавляли анархию среди командиров этих отрядов. Попали в район действия 5-й армии? Всё. Подчиняетесь штабу 5-й армии.

В конце концов было принято решение отходить на Лисичанск.

И вот проблема – эшелоны нельзя оставлять. Имущество потому что. Военное.

Гуманистам надо понимать, что на войне патроны и снаряды важны точно так же, как и

Красногвардейский отряд во главе с Р. Ф. Сиверсом

15 апреля.

Ворошилов назначен командующим пятой армией. Ага. Батальоном, блин.

На Екатеринослав наступают австрийцы – 5, 11, 59-я пехотные дивизии.

По побережью Азовского моря двигаются 7-я и 15-я ландверные и 4-я кавалерийская.

Повторю: каждая дивизия – 11–12 тысяч бойцов.

живые люди. Потому что чем больше имущества, тем больше жизней удастся спасти.

На одном из полустанков два эшелона зацепились. Броневик неправильно на платформу погрузили. Пробка. Нетерпеливые – привыкшие к бардаку периода Временного правительства – начали митинговать: бросить всё и расходиться. Прискакал Ворошилов. Мужик он был крепкий, слесарь, а слесарь тог-

да – это как сейчас айтишник. Думаю, что там было сказано много мата. Официально следующее: «Ни одного гвоздя вильгельмовским грабителям! Что стоите? Немедленно поднять платформы на рельсы! Дрючки, домкраты, верёвки! Живо!»

Удалось за час восстановить движение. Удалось вовремя выйти из-под немецкого флангового удара.

В это время в Лисичанске власть в местном Совете держали меньшевики. Меньшевики, чтобы вы понимали, это как современные хипстеры, Ахеджаковы там всякие и прочие рукожопы.

Поэтому когда меньшевики залегли на холмах сверху и начали обстреливать эшелоны – убили только одного бойца Красной армии.

В ответ красная бронелетучка открыла огонь по «хипстерам». Заодно накрыла содовый завод. Оттуда прибежали перепуганные делегаты, попросили огонь прекратить, ибо обстрел эшелонов – это была не рабочая инициатива. Климент Ворошилов отматерил командира летучки Алябьева и взял обещание, что содовики накажут меньшевиков. Наказали ли и как – история умалчивает.

К 20 апреля Ворошилов продолжил отход своей 5-й армии.

Донецкая армия была фактически разгромлена в районе Бахмута. Отдельные отряды влились в Пятую.

3-я армия отступила через Славянск в район Дебальцево.

4-я армия отошла к Таганрогу.

1-я армия – уничтожена.

К 24 апреля армия Ворошилова оказалась единственной силой на территории Донбасса.

Донецко-Криворожская республика была провозглашена 12 марта 1918 года. Через три дня после подписания Брестского мира. (Все даты по новому стилю.)

Сделано это было для того, чтобы не пустить немцев в Донбасс. Артём (Сергеев), председатель Совнаркома ДКР, бился как лев на дипломатическом фронте. На протесты кайзеровское правительство внимания не обратило.

В дипломатии прав тот, у кого дубинка.

23–25 апреля на станцию Родаково стали прибывать эшелоны 5-й армии Ворошилова.

В это время там находились деморализованные отряды красных – Донецкой армии, Тираспольского отряда и других.

В зале ожидания вокзала Ворошилов собрал командиров.

Учиться у немцев и овладевать искусством отступления – смысл выступления Ворошилова.

Да. Надо учиться и отступать тоже.

Во время совещания немцы начали обстрел тяжёлой артиллерией. Нанесли несколько бомбовых авиационных ударов.

Ворошилов уехал в Луганск, готовить эвакуацию заводов. 5-я армия получила задачу держаться до последнего.

Никто до сих пор не знает, сколько было луганчан, дончан, тираспольцев и одесситов в те дни. Может быть, тысяча, может быть, две. Немцев под Родаково было около 22–25 тысяч «зольдатен».

И это были первые бои, где красные начали воевать по-новому. Держать удар и беречь соседа. Они умудрились два самолёта сбить. Захватить в контратаке до 20 пулёметов и две батареи полевой артиллерии.

В Луганске в это время шла круглосуточная погрузка эшелонов.

«Не оставлять и ломаного гвоздя врагу!»

Тысячи вагонов со станками, оборудованием и людьми. А именно 80 эшелонов, 3000 вагонов, 100 паровозов.

Если какой-то дурак скажет, что Ворошилов сбежал в Луганск с фронта, ну... Ну, он дурак. Организовать эвакуацию около 50 тысяч человек – это очень тяжело. И это не бойцы. Это женщины, дети и рабочие. Не солдаты.

28 апреля оставшиеся в живых бойцы 5-й армии и жители Луганска двинулись в скорбный 400-километровый путь к Царицыну.

Почему скорбный?

Вот тут-то и появляются в этой истории белые.

15 тысяч полковников Денисова и Быкадорова. 5 тысяч генерала Мамонтова. 10 тысяч Фицхелаурова.

Начиная с Миллерово красных луганчан били – СОВМЕСТНО! – немецкие дивизии и белые казаки.

Три месяца. Восстанавливая мосты и пути. Аэропланы уже не пугали.

«Над нами, как ястреб, всё время летал немецкий аэроплан. Паники он уже не наводил, к нему привыкли. Только изредка постреливали из винтовок».

Представьте себе 80 эшелонов.

Каждый паровоз надо кормить углём. Поить водой.

Водокачки разрушены.

Останавливались у рек.

Выстраивалась из детей и женщин живая очередь длиной 2–3 километра. Мужчины брали оружие и отбивались в это время от казаков и немцев.

Когда удавалось отрываться – немедленно разводили костры и готовили еду. Когда поезда трогались – хватали горячие котелки с недоваренным кулешом и бежали следом.

Средняя скорость – 2–3 километра. Не в час. В день.

Рождались дети, кстати. Помните фильм «Офицеры»? Ну вот...

В авангарде шли бронепоезда. Ну как бронепоезда... Присобачили на столыпинские вагоны стальные листы – вся броня.

И умудрялись брать станции и станицы с боями.

Как? Жить захочешь...

Станица Гундоровская.

Луганский отряд, в котором почти все депутаты Луганского совета, ударяет по левому флангу.

Харьковский отряд бьёт по центру.

В атаку бегут цепями, почти не стреляя, экономя патроны. Психическая, да.

Казаки Краснова в этот момент договариваются с немцами. Объединённым ударом отрезают Луганский отряд от Харьковского и Одесского.

Ворошилов лично прорвался на коне к луганчанам. И успел вывести их из-под удара немецкой кавалерии. Опоздал бы на полчаса – всё. Он и Пархоменко держали людей в стрелковых цепях, отражая удары немцев и казаков, чтобы эшелоны прошли через станицу. И чтобы цепи отступали, а не бежали.

Прорвались. Удалось поднять скорость эшелонов до 20 километров. В день, я напоминаю.

Прошли станцию Каменскую. Вот узловая – Лихая.

А к ней отходили разбитые отряды других армий. Они вливались в 5-ю армию. Это усилило её боевой потенциал, но и увеличивало нагрузку на дорогу.

Но ведь и присоединялись не все. Некоторые начальники эшелонов подчиняться Ворошилову не хотели. Вспыхивали стычки между красными. Царил невероятный хаос. Артиллерийский обстрел. Бомбардировка с воздуха. Горят вагоны. Взрываются боеприпасы.

К немцам подтянулись украинцы.

Пожалуй, на Лихой были самые критические минуты. Бойцов и их семьи надо было выводить со станции. Как через игольное ушко, шли один за другим эшелоны и эшелоны. Одни горели, спасая других.

Руднев, Артём и Ворошилов сделали невозможное. Под ударами немецко-украинско-казачьих войск они вытащили людей из огненного мешка. Ушли они со станции одними из последних.

Те вагоны, которые возможно было оставить, подожгли на путях.

И рванули в район Белой Калитвы, за эшелонами.

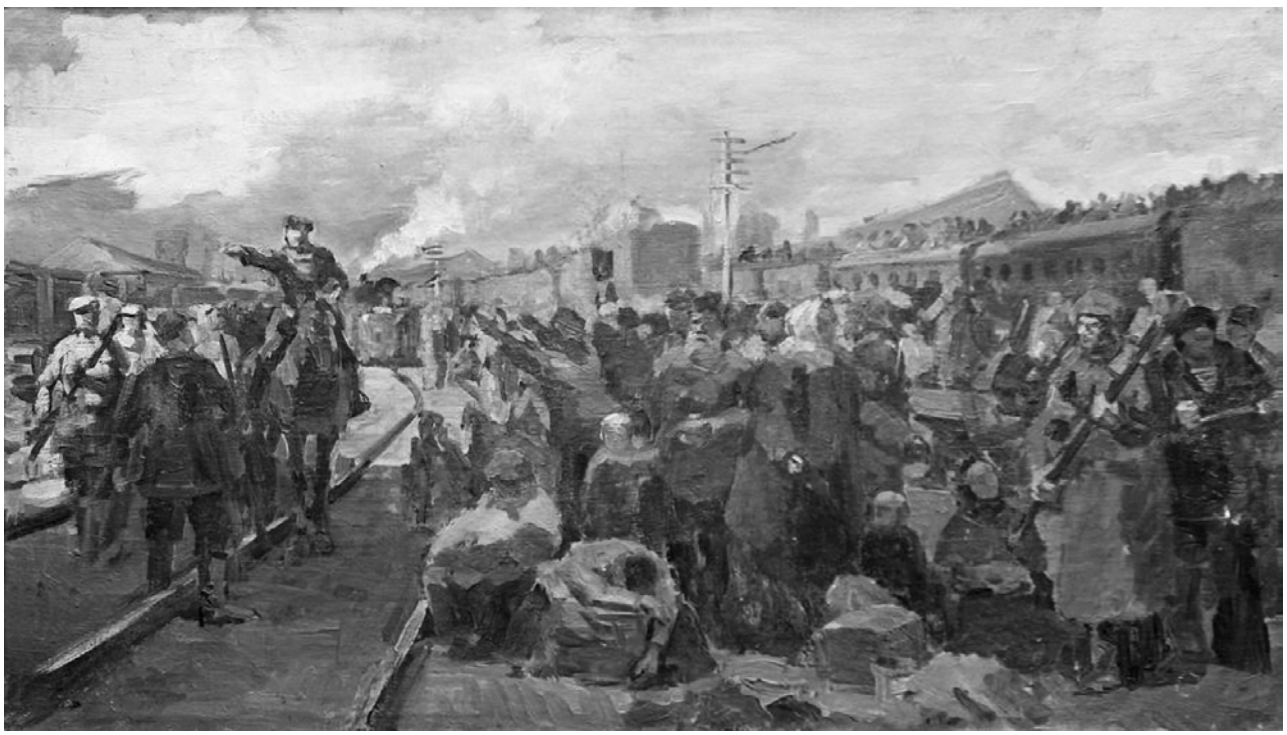
А там новая ловушка – взорван мост. Железнодорожники Луганска сказали, что на восстановление нужно 3–4 дня.

Этого времени у красных рабочих не было.

По-честному – выкидывали пулемёты, чтобы бежать быстрее.

Парадоксы Гражданской войны – Ворошилов со штабом отступали последними. И штаб – сколько мог – собирал эти брошенные пулемёты.

А в Белой Калитве в это время опять началась паника. Командиры отрядов склоня-



Восход. Командир Луганского отряда Клим Ворошилов. Л. В. Трофимов

лись к тому, чтобы бросить эшелоны и оборудование, находящееся в них, и разойтись по степям в сторону Царицына.

Ворошилов, Пархоменко и Руднев резко воспротивились этим планам.

Необходимо держаться вместе и ни в коем случае не оставлять противнику эшелоны с боеприпасами, станками и оружием.

Какими методами – я не знаю, но Ворошилову удалось удержать дисциплину.

7 мая армия приняла бой под Белой Калитвой.

С запада шли немцы. С севера – украинцы. С юга белоказаки.

Увидите белодельца – спросите... Спросите, как это так получилось, что красные подписали мир с немцами – и они предатели. А белые в одном строю с немцами убивали соотечественников – это они молодцы, да?

Тем не менее ворошиловцы, мечась как тигры в клетке, по очереди разбили сначала немцев, потом казаков полковника Быкадорова. Гайдамаки заложили национальную «свидомую» традицию благоразумно сбежать от греха подальше.

В этот момент штаб Ворошилова наконец-то сообразил, что движение надо планировать. «Энтузиазм» масс не отменял никто. Моральное состояние войск – это очень важно. Важна и организация. 80 эшелонов – не баран чихнул.

Между прочим, общая протяжённость этой гигантской змеи 75 километров была, так-то.

Во второй половине мая были взяты на строгий учёт все эшелоны. Всё их содержимое. Устанавливался строгий контроль над снаряжением, вооружением, продуктами и прочими припасами. Была организована культурно-пропагандистская работа.

В авангарде этой колонны шли луганские рабочие.

В арьергарде – отряд Питомина, моряки и биндюжники из Одессы. Ворошилов мотался как маятник – от головы колонны до хвоста.

Я уже говорил, что к 5-й армии примкнули отряды других армий.

Поклонники «Вархаммера» воспринимают такие слова примитивно – о, всё, пришло подкрепление.

Только вот командиром 3-й армии, например, был правый эсер Вишневский. Он начал рассказывать своим бойцам, что ворошиловские собираются у Третьей армии отобрать имущество.

Вишневского арестовали.

К Ворошилову явилась делегация – отпустите Вишневского или восстание поднимем. Угадайте, что сделал Климент Ефремович. Да шлёпнул к херам Вишневского.

Наверное, Вишневский сейчас невинная жертва, да?

В районе Морозовской слияние 5-й и 3-й армий было окончательно оформлено.

12 500 бойцов, два дивизиона тяжёлых гаубиц, четыре батареи трёхдюймовых полевых пушек.

Это уже была сила.

От Морозовской до Царицына был всего день езды.

Вроде бы всё?

Отнюдь.

Дальше начался геноцид. Не красный. Белый.

Вечером 22 мая санитарный поезд 5-й армии Ворошилова прибыл на станцию Суровикино.

В поезде было около 600 человек. Точное число неизвестно.

Первая причина – толком не велась документация.

Вторую причину поймёте из текста.

Помощник начальника станции Чиликин был агентом белоказаков. Ночью, под предлогом обслуживания поезда, отцепил паровоз от поезда и маневровым отправил санитарный в тупик. Параллельно сообщил в штаб полковника Попова, что охраны практически нет. Можно действовать.

Утром 23 мая станцию атаковали казаки.

У охраны поезда было десять (!) винтовок. Никто и подумать не мог, что соотечественники атакуют именно санитарный поезд.

Раненые выползали из вагонов. Кто выживал у эшелона – полз в степь, спасаясь от шашек казаков.

Рядом со станцией оказался самостийный отряд казаков – ни красный, ни белый. Потом, в советской историографии, этот отряд Михея Ивановича Сысоева и Иосифа Кондратьевича Варламова назовут красным.

Увидев, что творится на станции, эти казаки атаковали белых. 12 из них погибло. 18 было тяжело ранено.

В этот же момент к станции подходила бронелетучка, в которой находился штаб с Ворошиловым, Пархоменко и Рудневым.

Угу. Паровоз и вагон.

Они прорвались к санитарному поезду. Пытались прицепить к паровозу. Не получилось. Начали под градом пуль затаскивать в вагоны раненых и гражданских. Люди цеплялись за колёса, за рессоры, лезли на буфера, на тендер, висели на трубе.

Часть раненых и их семей удалось вывезти.

Около 500 человек были зарублены. Некоторых вешали прямо в вагонах. Некоторых – вверх ногами.

Кто-то из читателей скажет, что это, типа, пропаганда.

Очень рекомендую вам зайти в Центральный музей Вооружённых сил РФ (г. Москва, ул. Советской Армии, д. 2, стр. 1). В экспозиции Гражданской войны хранится кожа, снятая с руки красноармейца. Перчатка такая.

Гражданская война – это очень страшно. Поверьте.

27 мая белых выбили из Суровикино подошедшие части 5-й армии.

За эту резню полковник Попов получил от атамана Краснова звание генерала. Сам Краснов в это время получал оружие от немцев. В обмен на продовольствие.

Отвлекусь от истории.

Вот скажите мне – кто заслуживает большего уважения: красные бойцы, спасавшие от немцев станки Луганска, или белые казаки, бравшие оружие у этих самых немцев?

Цитата из газеты «Донской Край» (номер 97 за 1918 год). Атаман Краснов: «Я вошёл в переговоры с германцами. Благодаря весьма искусной политике генерала Черячукина в Киеве, Николая Эльпидофоровича Парамонова и Владимира Александровича Лебедева за шерсть и за хлеб мы получили орудия, винтовки и патроны».

Понимаете, почему я в своё время проникся уважением к красным?

Вернёмся в май 1918 года.

5-я армия приближалась к Царицыну. В это время городом руководил Сергей Минин – член РСДРП(б) с 1905 года. Сторонник Троцкого. При этом – примиренец. Изо всех сил старался найти общие точки зрения между буржуазией и рабочими в Царицыне. В чём-то он прав, с позиции общечеловеческой, гуманистической. Но примиряться с теми, кто тебя убьёт...

22 мая 1918 года Минин взорвал мост через Дон. До того, как переправилась 5-я армия Ворошилова.

Понимаете? Отступающие части красных опять оказались в ловушке.

Орджоникидзе отправляет панические телеграммы в Москву. Всё. Если 5-я армия не перейдёт Дон, Царицын возьмут белогвардейцы. Или белоказаки. Для Москвы – никакой разницы.

Надо понимать, что на тот момент взятие Царицына означало конец советской власти. И не просто советской власти – это означало блокаду всей центральной красной России. Блокаду от продовольствия. Хлебом единым сыт не будешь, но вы понимайте, что под словом «хлеб» часто имеется в виду мясо, молоко и прочее.

Вот, белодельцы и либералы, готовы ли вы вместе стать на сторону атамана Краснова? Уничтожить голодом всех ваших соотечественников, которые думают по-другому? Или вы готовы провести референдум, например, по вопросам федерализации? Вон майданутые живьём сжигали сторонников референдума. Вы с ними? А белоказаки раненых вешали.

А теперь – ВНИМАНИЕ! – когда начался красный террор?

Кто ведь как считает. Давайте, например, возьмём одну из официальных дат – введение смертной казни в Советской России. 13 июня 1918 года.

А события, которые я описываю, – это МАЙ. Санитарный поезд в мае уничтожили. До красного террора.

Я это повторяю для белодельцев, а не для красных. Красные-то понимают. Память у красных есть.

Итак, 5-я армия перед мостом через Дон. Взорванным.

На ремонт моста требуется 1,5–2 месяца.

Это равнозначно смерти.

Остаётся либо умереть, либо бросить вагоны. А до Царицына всего 100 км. И в самом Царицыне около 4 тысяч бойцов без тяжёлого вооружения. Некоторые полки ещё восстанут потом... ОСВАГ работал.

А у Ворошилова было уже 30 тысяч бойцов. К нему, как к магниту, стягивались железные опилки будущих освободителей Донбасса. И он настоял на своём снова. Никакого распыления.

Вручную строили мост через Дон. Ремонтные поезда из Царицына не выпустил Минин.

Вручную.

Дико. Нелепо. Упрямо. Никчёмно. Руками насыпали островки в реке. Вбивали сваи. Клали шпалы и рельсы. На воду.

Никчёмно, да.

Через 20 дней эшелоны пошли в Царицын.

Все эти 20 дней армия Ворошилова держала удары всех, кто по ней бил. От Суровикина до Лапичева шли беспрестанные бои. И даже в полном окружении – слева-справа Мамонтовы да Фицхелауровы. Сзади Дон. Между окопом и Доном – бабы, дети и раненые.

Каким-то чудом они даже в контратаки ходили. Аж на Нижне-Чирскую пошли. Едва не взяли. Хотя дело было не во взятии, а в том, чтобы связать белые полки боями под Нижне-Чирской, чтобы дать тем мужикам, что тонули в Доне, спасти детей и женщин.

После того санитарного поезда все уже понимали – белым сдаваться нельзя.

Воевали с немцами красные. Раненных в боях с немцами красных вешали белые. Повторил ещё раз – для пробегающих глазами.

19–24 июня белые уже перешли в контрнаступление. Но было поздно.

Луганские металлисты, донецкие шахтёры, одесские биндюжники, приднестровские солдаты, харьковские рабочие сдержали удары казаков, гайдамаков и немцев.

Эшелоны ушли в Царицын.

Все белые попытки уничтожить ворошиловскую армию провалились.

Лежит красная цепь в степи. На неё летит лава казаков. Клим кричит: «Не стрелять! Ближе! Ближе!» Командиры передают приказы по цепи. Пыль. Топот копыт. Визг казаков. Русская конная атака на русскую цепь. Блестят шашки, уже видны бешеные глаза и чубы из-под фуражек.

ПЛИ!

Валятся кони. Валятся люди.

В атаку!

И пехота резким броском идёт в штыковой на смешавшуюся конницу.

Русская пехота. На русскую конницу.

Где-то в это время немцы вывозят с Украины хлеб. А белые стремятся уничтожить красных.

Бои были такие, что Ворошилов умудрялся на броневике въехать на позиции белых. Казаки пытались взять бронемашину врукопашную. Шашки, наганы. Говорят, даже штыками кололи. Не сообразили дорогу перекопать – иначе кранты. Ворошилов был ранен в шею осколками отлетевшей брони.

В это время цепочки раненых передавали камни для постройки моста. Хотя нет, не только раненые. Дети тоже. Под обстрелом, разумеется. Сколько их там полегло? Бутовскому полигону и не снилось. Шпалы клеткой стлали.

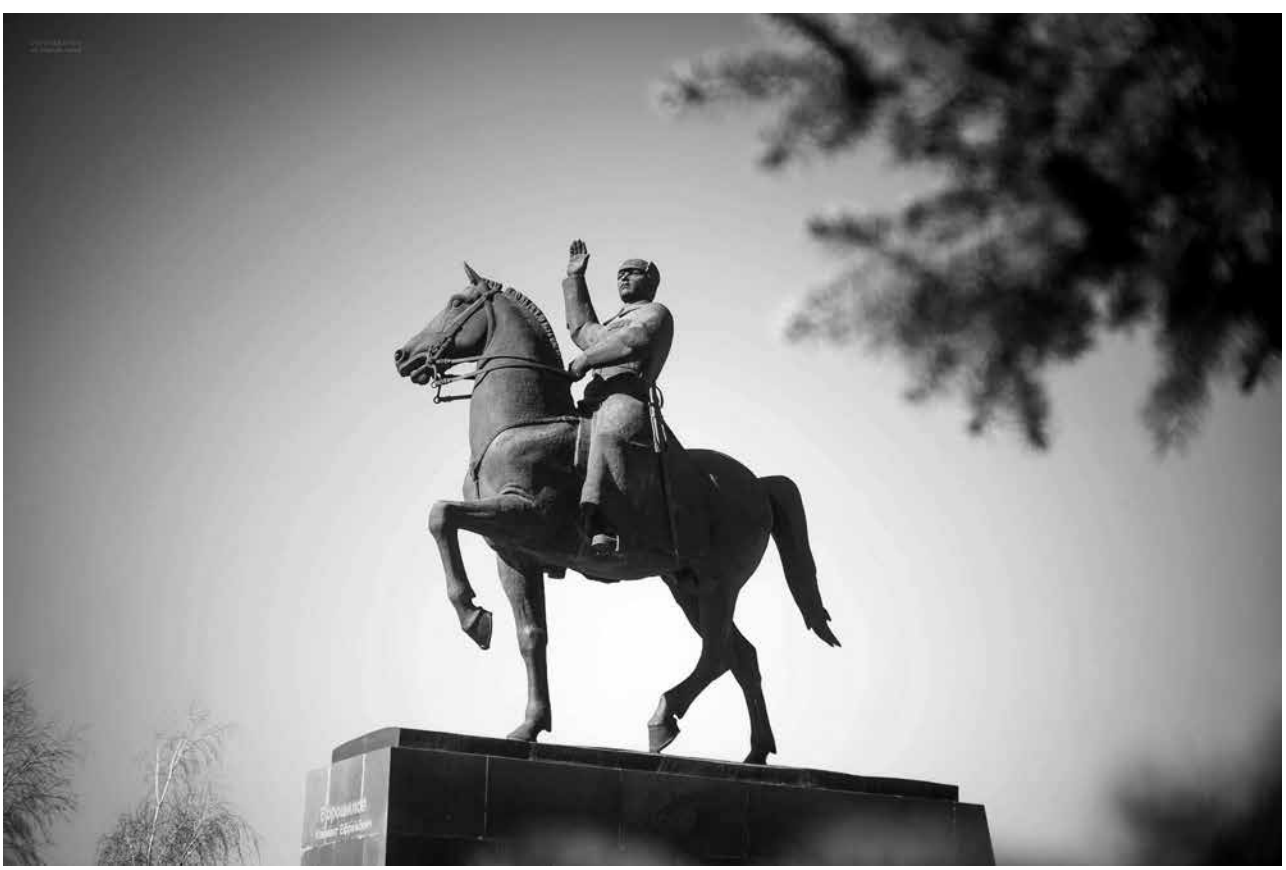
Группа войск бывшего слесаря и будущего маршала товарища Ворошилова вошла в Царицын в конце июня 1918 года.

Началась оборона города.

Но это уже совсем другая история...

Ой, чуть не забыл. Товарищ Минин, взорвавший мост, спокойно дожил себе до 1962 года, репрессий не было.

Алексей ИВАКИН



Памятник К. Е. Ворошилову в Луганске

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 6 (21) июнь 2018

Александр СИГИДА

Родился в 1963 году в Донбассе.
Историк по образованию. Поэт. Член Союза писателей России, ДНР, член правления Союза писателей ЛНР. Лауреат премий имени М. Матусовского, «Молодой гвардии». Автор 11 сборников стихотворений.
В 1999 году основал ТО «СТАН» (г. Луганск). Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009».
Печатался в альманахах ТО «СТАН» и «Радуга», журнале «Склянка Часу», альманахе «Свой вариант», антологии «15 веков русской поэзии» (г. Москва), сборниках «Ожог», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «За други своя», «Время Донбасса»; журналах «Родная Ладога», «Невский альманах», «Всерусский собор» и др.

Вместо репортажа

ЦИКЛ «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

* * *

Светлой памяти А. А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014 года

Там, на картинках, красивые горы,
Гордые профили дремлющих скал.
Тут – бесконечное личное горе
И бесконечный смертельный оскал.

Головы молча склоняем над гробом,
Нам остаётся продолжить борьбу.
(Звонкий салют отзывается громом,
Сопровождая жизнь и судьбу.)

Вот и дожили до грозного часа –
К нам возвращается время потерь...
Горы Афгана и степи Донбасса
Соединились навеки теперь.

НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ

Бороздят «кукурузники»
Окаянный простор.
Защищают союзники
Купола и построй...

Перекрёстки и улицы
Прикрывает наш взвод.
(Не хватает Кустурицы,
Чтобы снять эпизод.)

Бородатые всадники
Набивают кули...
(Закупались десантники
В день пророка Ильи.)

* * *

Натуральная околесица
Надоела в конце концов.
Повзрослевшие за три месяца
Пополняют ряды бойцов.

Тучи тянутся вереницами...
(Возвращаясь на год назад –
Надо справиться с небылицами,
Надо всё как есть рассказать.)

Как мы вовремя успокоились,
Почивая в богатырях...
(Как полгода они готовились
В тренировочных лагерях –

И послушные указаниям
Руки тянутся на восток...)
Мракобесие – в наказание –
Попадёт-таки под каток.

(Получается – эти «пальчики»
Отпечатались в том году...)
Наступают русские мальчики,
Повзрослевшие на ходу.

* * *

От помощи гуманитарной
Не заразиться гуманизмом.
(Жить захотели в «унитарной» –
Перемудрили с механизмом.)

Кому пойти поставить свечку?
Кому ещё «спасибо» скажем
За рис, муку, пшено, и гречку,
И булку хлеба с камуфляжем?

ВМЕСТО РЕПОРТАЖА

Будем рыть землянки и стараться жить –
Миром в Атаманке надо дорожить.

Открываем лица – тянем провода.
Появились птицы, и пошла вода.

Холода всё ближе, что ни говори...
Залатали крыши – сушим сухари.

Выясним, кто круче, через телефон
И на всякий случай варим самогон.

Гречку да овсянку дали на паёк.
Не согрев хозяйку, тает огонёк...

* * *

Месяц не было связи –
Ни грошей, ни воды.
Выбирались из грязи,
Как Москва из Орды.

Ни к чему разговоры –
Ложь ловили на слух...
(Узаконить поборы
За войну и испуг?!)

Оправдавшие нападение
Снова точат клинок.
(Ляжет солнце на Запад,
Если встанет Восток.)

ПО СЛОВАМ ОЧЕВИДЦА

Нет ни Варяга, ни Грека,
Ялта убит разрывной.
(Чтобы достать человека,
Нужен тебе позывной?)

«Милая» девушка-снайпер,
Ты же невеста и мать...
Хитросплетения найма
Нам никогда не понять.

ЛАСТОЧКЕ

Тают наши города
Накануне долгой осени –
Наступают холода.
(В роковом многоголосии

Догорает огород –
Перелётные снимаются...)
Разбегается народ...
Телезрители свыкаются

С монотонной чехардой –
Канонада да рыдания.
(Жить с технической водой
Можно долго...)
До свидания!

Далеко видать с горы
(Как не вспомнить здесь про Воланда).

Из-за жажды и жары
Притупилось чувство голода.

* * *

Здесь не сено, а манна.
Застилая лиман,
Солнце в сети заманит
Серебристый туман.

Утро тянет волынку,
Но блеснули лучи,
И прохладную дымку
Заключают в ночи.

Так, приветствуя просинь
Переливами рос,
Входит в раннюю осень
Золотой сенокос.

ЧЁРНО-БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

(песня)

I

Двери закройте – чёрная масса –
Дети Одессы и дети Донбасса –
Новую расу выдал халдей.

Бьёмся и курим с первого класса –
Нам не досталось зрелищ и мяса,
Нам не хватает светлых идей.

II

Вам непонятны наши заботы?
Без перспективы и без работы –
Шахты закроют, заводы стоят;

Взвейтесь кострами, чёрные ночи!
Мы – добровольцы, дети рабочих,
Братья таких же точно ребят.

III

Тонны добычи – метры проходки...
Те, кто постарше и одногодки,
Те понимают важную речь.

Что-то неладно в товарищах, если
Мы забываем старые песни,
И остывает русская речь.

IV

Юмор – отдельно, в сторону шутки;
Жить в этом городе попросту жутко –
Годы лихие всё ещё тут.

Нам не хватает надежды и веры,
Полусвятые и полузвери –
Все мы готовы на подвиг и труд.

V

Вольному – воля! Землю – народу!
Нам наплевать на вашу свободу,
На радиацию, раду и дым.

Деньги и злато где-то в столицах,
А в подворотнях хмурые лица.

В этой державе жить молодым?

«НЕОЛИТ», ИЛИ НОВОРОССИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Нас слишком долго убеждали, что надо «читать между строк», «слушать между нот», а телевизор смотреть совсем вредно. Нам самим представлялось, что литература как составная часть «высокого искусства» «страшно далека от народа», что её влияние на процессы, происходящие в мире, крайне незначительно. Но где-то в глубине души мы надеялись, что вечные истины – «в Начале было Слово» и «Слово правит Миром» – работают со всей силой.

Отбросив разговоры об объединяющей роли искусства, мы верим, что пришло время прямых высказываний. Пора занимать определённую позицию!

У «неолита», или новороссийской литературы, есть исключительный шанс стать боевым оружием революции – словом и делом бороться за честь и достоинство восставшего народа и показать образ нового русского героя перед лицом реальной опасности. Надо говорить правду!

Настоящему читателю безразлично, какая эстетика торжествует в данный момент: левая или правая, радикальная или демократическая, национальная или буржуазная и т.п. Народу нужна «живая» книга, которая преодолеет словоблудие дегенеративных политиков и агрессию мертворожденной идеологии.

Случайно ли, что различные слои русского общества называли сословиями? Умение договариваться было отличительной чертой жизни определённых групп населения.

Условия существования и уровень жизни коренным образом влияют на уклад речи и мышление народа. Жители Донбасса (Новороссии) имеют законное право общаться на своём языке и читать литературу на «живом великорусском языке» (смотрите словарь В. И. Даля – Казака Луганского).

Разнообразие и инакомыслие должны стать основными понятиями «неолита». Родная речь имеет уникальную возможность развиться в явление, способное обновить весь строй русского языка. Создание «новояза» позволит «неолиту», используя всё многообразие стилей и жанров русской словесности и опираясь на могучую традицию великой русской литературы, оказать помощь в написании произведений настоящей, «живой» литературы.

К сожалению (так получается), что сегодня больше ценятся не творцы, а исполнители

(о существовании творцов просто забывают), и тем не менее мы уверены, что в народе есть здоровые духовные силы, которые сумеют проявиться во всей красе и величии.

2. ЗАМЫСЕЛ НОВОГО ИСКУССТВА

«Неолит» – это явление подлинного народного творчества. Текст в «неолите» всегда сильнее суеверий и предрассудков. Народные авторы в определённой мере способны воздействовать на ход возможных событий, ибо между человеком и искусством стоят стихийные силы природы, соприкасаясь с которыми художник создаёт образную картину мира. Умение заглянуть в прошлое и предвидеть будущее – это оттуда, от знания истории родины и веры в великое предназначение народа.

«Умножая силы», авторы создают достойные произведения, а книги «неолита» в своей совокупности станут настоящим народным достоянием.

Несмотря на то, что общество потребления всё чаще говорит на языке денег (который доступнее), родной язык живёт своей жизнью и продолжает неумолимо развиваться.

«Неолит» – это свобода слова во всех смыслах.

«Неолит» – это реальная возможность доказать нашу творческую состоятельность, и здесь чрезвычайно важны результаты творчества – книги, журналы, встречи с читателями и т.д.

Интерес к Новороссии в огромной степени будет зависеть от того, насколько грамотно она сумеет доказать, что сам факт её создания является исторической необходимостью. Для того чтобы жители Донбасса стали новым народом – «новороссиянами», – необходима долгая и кропотливая работа «говорящих голов»: учёных, мыслителей, писателей, общественных деятелей и т.п. Нужна конкретная программа изучения истории и литературы родного края – от Геродота и «Слова о полку Игореве» до Владимира Даля и «Молодой гвардии». Эта программа поможет донести до населения объединяющие идеи и будет способствовать формированию модели новороссийского патриотизма.

3. ВРЕМЯ РОМАНТИКИ

Новая романтика возвращает человека к человеку. Благородство и героизм изначально присущи человеческой природе. Возвышенным понятиям нужна благодатная почва, на которой появятся высокохудожественные произведения, составляющие славу нового искусства. Народная культура формирует свои незыблемые идеалы. Необходимо в очередной раз вернуться к абсолютным понятиям, ибо справедливый мир невозможен без героизма, без чёткого разделения добра и зла! Возвышенные идеалы нуждаются в достойном воплощении.

До сих пор постсоветское пространство находится в состоянии неопределённости. Народы, оторванные от славного прошлого, лишены исторической перспективы.

НА ЗАРЕ «НЕОЛИТА»

С допотопных времён «человеку разумному» присуще стремление к изменению действительности (или к преображению окружающего мира – если не возражаете). Приобщение к искусству – одна из возможностей на этом пути.

Постоянное стремление человечества к саморазрушению (даже к самоуничтожению) само по себе указывает на то, что так называемый материальный прогресс невозможен (и не нужен), поскольку с развитием средств производства всё более совершенствуются средства уничтожения.

И только произведение искусства обладает тем универсальным языком, который (хотя и в разной мере) понятен людям с развитым эстетическим вкусом.

4. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Мы называем новое движение в искусстве «неолитом» из-за его близости к первобытной культуре. С незапамятных времён

человек использует в обиходе камень – тот природный материал, который наиболее доступен, который всегда под рукой. Поэтому новороссийская литература – «неолит» – использует только естественные средства и стремится определить своё место в природе.

Задача «неолита» – подготовить нового культурного героя, одним из подвигов которого станет создание нового образного языка – «новояза». Произведения «неолита» напрочь лишены следов подражания и повторения. Творческая личность в «неолите» видится как боевая единица в борьбе за торжество созидательных идей.

«Новая книга» (или «Живая книга») откроет новую страницу в истории искусства. Мы ощущаем естественное единение с духовным миром нашего далёкого предка, одетого в звериную шкуру, и потому сознательно готовы отказаться от авторства (и от авторских прав), чтобы уравнять шансы создателей. Пусть приобщение к прекрасному станет общим делом для всего народа.

В первые дни Творения человек был наиболее близок к Богу и природе, ибо был сотворён «по образу и подобию».

А пока «неолит» – это «дикая» литература, чуждая идеологическому диктату, цензурным ограничениям и спекулятивному заигрыванию с публикой. «Неолит» стремится к уровню «священного текста» и одинаково далёк от показухи (ритуальности) и «заказухи» (капиталистического реализма).

Возможно, человек каменного века заблуждался, когда верил в колдовство и магию, но он жил в таком мире, где эти вещи реально работали, воздействуя на грозные стихии и судьбы людей.

Писатели «неолита» возвращаются к живому слову. Очевидно, что мы стоим на пороге великих открытий в области искусства. Сила нового языка проявится в создании сказок и легенд (новой мифологии) и уничтожит отжившую структуру старой цивилизации.

Новая литература близка к священнодействию и по содержанию, и по ответственности, ибо художник настолько усердно подбирает слова, что по своему воздействию они приближаются к заговорам и заклинаниям.

За свои слова надо отвечать!

Светлый образ словесности нуждается в очищении, а тайны мира и могучие силы природы обретут своё звучание в Живой книге Земли!

«Неолит» – это своеобразное сочетание науки и религии, искусства и ремесла.

В докультурном состоянии человекообразному существу не знакомы муки совести, оно не способно к состраданию, но творческий порыв не чужд и полузверю. Варварская культура – это естественная реакция на продажную политику и прогнившую культуру.

И начинают появляться рукописи. Надо работать с авторами на местах. Пришло время собирать сильных авторов. Возможно, необходимо создать Союз писателей Новороссии.

Русские писатели всех стран, объединяйтесь!

Писатели в долгу перед литературой; её журнально-критические традиции необходимо поддерживать ради развития процесса. Мы уверены, что рано или поздно Новая книга заявит о себе. Полноценный текст имеет определяющее значение в формировании художественного пространства.

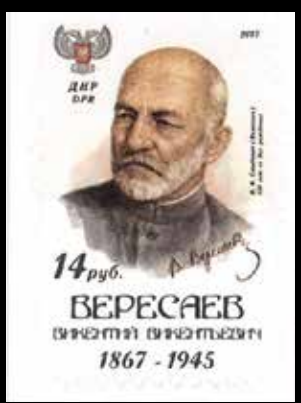
Досадно, что никакие финансово-промышленные группы не собираются делиться с народом. Новоявленные буржуи – племя, не обременённое культурой, – не будут платить за произведения искусства, даже даром не возьмут. А между тем писатель – это народное достояние (а где-то и богатство), его беречь надо и приумножать. А у наших политиков и чиновников чистые руки от безделия и бессилия. Бюрократия всегда выигрывает, но мы стараемся наладить «культурное сопротивление». Кто победит?

5. ЧЕРЕЗ РЕЧЬ

Искусство – это магическая практика, и человек, участвующий в создании художе-

ДНР
DPR
СЛАВА
ШАХТЕРАМ
ТРУЖЕНИКАМ
48°00'N
Донецк
37°48'E
ВОИНАМ
Y
2015

ПОЧТА ДОНБАССА
ДНР
DPR
Z
2015

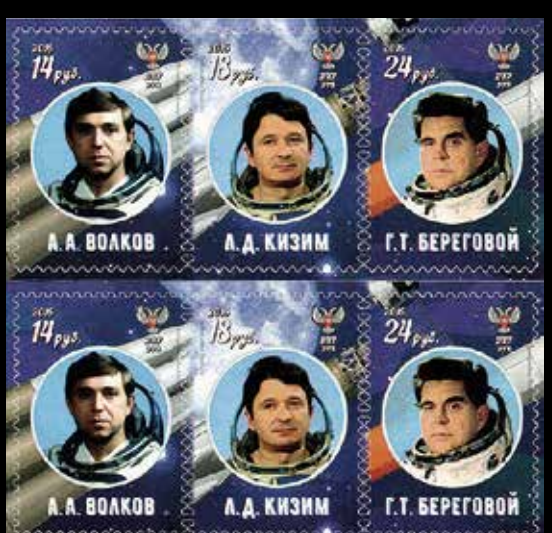

ДНР
DPR
14 руб.
ВЕРЕСАЕВ
1867 - 1945

50 лет
мемориальному комплексу Саур-Могила
«ДОНБАССУ ЖИТЬ!»
20 руб.
20 руб.

Первый выпуск стандартных марок
Донецкой Народной Республики
2015
ДНР
ДОНЕЦК
ГОРЛОВКА
ШАХТЕРОК
ДЕКАЛЬЩЕВО
ЕНАКИЕВО
First issue of definitive postage stamps
of the Donetsk People's Republic 2015

Почта ЛНР
2015
L
100 Михаилу Матусовскому

2016
1916
1945
ТКАЧЕНКО И.



Из коллекции
Александра
Николаевича СЁМИНА

ственного произведения, приобретает бесценный мистический опыт. Творчество – это такая же реальность (или, если позволите, сверхреальность), как политическая борьба, социальные отношения, экологическая обстановка и т.д.

Духовная ситуация времени катастрофична. Все природные катаклизмы и общественные потрясения – следствие правления буржуазных политиков, которых поддерживает порочная промышленно-финансовая система.

В какой-то мере сохранением духовной традиции занимается церковь плюс какие-то учреждения образования и культуры. Но в общем и целом процесс продолжается только усилиями самоотверженных бескорыстных одиночек.

Творцы создают высокохудожественные произведения, однако общество потребления навязывает свои убогие жизненные стандарты.

Пространство культуры шире и выше государственных границ, идеологий и даже национальных интересов.

Человек без текста мне неинтересен.

(Одностишие живёт своей жизнью, у него сложные взаимоотношения с автором.)

Продажная мелкобуржуазная среда порождает литературу определённого рода: достаточно яркие детали в сочетании с явным безобразием приводят к реальной пошлости.

Наряду с этим продолжаются спекуляции, связанные с «европейским выбором», «глобальными ценностями» и прочей мультикультурой. Реальная литература лишена благородства. Достойное будущее ожидает только народное творчество.

Творчество – это образ жизни. Необходимо восстановить устную традицию. Каждое племя имеет право на легенду. Пересказать исторические события можно с точки зрения мифа, сказки, что не противоречит природе происходящих явлений.

Если мы заговорили о «литературной жизни», то, очевидно, надо сказать несколько слов о необходимости журнала. В своё время (в 2009 году) вышел один номер «Северского Донца», и всё заглохло...

Работа с авторами – дело неблагодарное. У каждого – амбиции. Каждый знает «своё место». То, что простительно увлечённому литератору, никак не красит признанных мастеров.

Впитав мелкобуржуазную эстетику и социалистический сюрреализм, так называемая актуальная культура ведёт себя капризно и пафосно (по-чёрному). Она требует к себе внимания, но замыкается сама на себе.

Маргинальная культура проникнута явным натурализмом (на грани), и в то же время она не избавилась от дешёвого псевдоромантизма и агрессивного псевдопатриотизма. Её пытаются приручить (и не без успеха).

Манипулирование массовым сознанием требует огромных капиталовложений.

Карнавальную культуру используют авторы, которые стараются влиться в ряды *актуальной культуры*. Они не лишены дарования и наделены определённым культурным кругозором, но, занимаясь гламурным украшательством с элементом очернительства (бытовухи), стремятся к популярности любой ценой (и кое-чего добиваются...). В последнее время правящие структуры навязывают им культ нетерпимости и насилия, и они... соглашаются, ибо падки до наживы и позволяют себе...

Как жить, если не работает сама идея благородства?

Пока писалась эта книга (за 10 лет), ситуация изменилась. Анализ причин оставим кабинетным учёным, но очевидно, что мир разделился на «ваших» и «наших».

Как бы мы ни возражали, но «глобальные ценности», «евроатлантический шовинизм» и другие «евродушные ориентиры» существуют. Однако посаженные на «дикую» почву, они дают невероятные плоды. Кукловодам нужны марионетки, и легче всего ими управлять, используя образ врага. Это наглядно показали террористические атаки, «цветные революции», «экспорт демократии» и т.п.

Если помните, то «холодная война» закончилась «горячими точками» по всему миру. На данный момент понятия перевернулись – планету Земля нельзя назвать миром.

Колыбель человечества становится его гробницей...

Борьба за мир приобретает поистине планетарные масштабы. Будут ли при таком столкновении победившие и проигравшие?

Давно известно, что степень влияния одной культуры на другую определяется языковыми заимствованиями. Добровольное расширение словарного запаса полезно для развития разговорной речи. Все эти «биржи-брокеры» и прочие «украинизмы» и «полонизмы» – или приживутся, или нет.

Воздействие на литературный язык ощущается тогда, когда новые понятия используются в художественных произведениях: писал же Толстой по-французски – и ничего...

Выбор есть всегда: казино или игротека, лицей или училище, библиотека или читальня, вера или религия, поп-арт или искусство и т.д.

У нас есть возможность сказать проще или грамотнее.

6. ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Агрессивной саморекламой занимаются не только деятели шоу-бизнеса. Сегодня поп-индустрия объединяет торговлю и политику, культуру и СМИ и т.д. На службу нечеловеческим (виртуальным) отношениям пришли замечательные по своей сути изобретения. Через интернет и т.п. лжепророки всех мастей, используя достижения передовой науки «со скоростью тьмы», вещают о пороках и болезнях современного общества. В то же время на страницах газет и телеэкране царствует чудовищная ложь, что разумный выбор возможен в рамках буржуазной системы ценностей...

Так называемая евро-атлантическая цивилизация навязывает всему миру культ слепой силы, т.е. рекламирует путь достижения цели любой ценой.

7. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КУЛЬТУРУ:

– народное творчество не предполагает общественного неравенства; народное искусство «не продаётся и не покупается»;

– социальное расслоение – признак формирования буржуазной нации; в свою очередь, буржуазное искусство изначально имеет рыночную стоимость, и коммерческий продукт предполагает возможность реализации (т.е. не имеет никакого отношения к народному творчеству);

– естественная основа народного творчества – это ход календарных праздников, которые неразрывно связаны с явлениями природы и годовым циклом сельскохозяйственных работ;

– народная культура универсальна (трудовой ритм, повторяемый во время праздника, становится ритмом обряда, а оба они неразрывно связаны с природными ритмами);

– игровое начало значительно расширяет возможности искусства, так как позволяет в самой доступной форме познакомиться с общинными знаниями и умениями (общество учится в атмосфере единения и радости, и тем самым формируются устойчивые связи и складывается цельное художественное сознание, все видят, что хорошо, а что плохо); весь строй народного праздника позволяет участникам буквально перевоплощаться в культурных героев;

– «дикие» маски народного гуляния – не более чем ожившие игрушки, призванные прогнать «злых духов»; лицедейство обеспечивает выход за рамки привычного существования, вовлекает участников-зрителей в некое символическое действо, направленное на вызывание «добрых духов».

Совместные песни и пляски, а также совместная трапеза – залог единения и доверия всех членов сообщества, что говорит об их готовности к совместной жизни и к совместному труду.

8. ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Культурное самоопределение народа, населяющего Русь и Великую степь – украинско-российское порубежье, – предполагает

свободу и самостоятельность. Оно зависит от взаимодействия двух основных тенденций: с одной стороны, идёт наступление глобализации и мультикультуры, а с другой – появляются новые региональные культурные центры, в которых развиваются все виды народного творчества и создаются новые движения в искусстве.

Действительно, в начале XXI века культурная жизнь становится более доступной. Практически любые достижения современного искусства могут немедленно получить мировую известность (через СМИ и интернет). Однако этого не происходит. В ленте новостей культурные события занимают последнее место (в лучшем случае).

СМИ, принадлежащие олигархам, освещают только «правильные» новости.

Существует и другая опасность – идеология буржуазного национализма отличается острым неприятием народного творчества. В разных краях возникают новые творческие объединения и сообщества, но зависимые СМИ их не замечают, а поддерживают только те группировки, которые обслуживают интересы правящей верхушки.

Назрела насущная потребность в настоящем сплочении и взаимной поддержке всех творческих сил перед опасностью агрессивной идеологии.

Самоопределение новых «культурных центров» – явление закономерное и предсказуемое; никто не хочет жить под диктовку – идёт естественный процесс обновления общественного организма, который предполагает полезный и взаимовыгодный обмен достижениями культуры. Всем давным-давно «набрыдло» смотреть на вульгарный шоу-бизнес, навязываемый «сверху».

Сам по себе Луганский край – благодаря «Слову о полку Игореве», пушкинскому Лукоморью, В. И. Далю – Казаку Луганскому, краснодонской «Молодой гвардии» и т.д. и т.п. – служит для формирования вполне определённой модели патриотизма, которая обречена стать центром притяжения активных творческих сил.

«Луганскую художественную школу» (во всех видах искусства) отличает особое непосредственное отношение к природе, безмерное уважение к трудовому народу и беззаветная любовь к Родине. Люди ищут свою культурную почву и своё место в духовной традиции.

Природа – Родина народа.

Делегируя властные полномочия вооружённым людям, мы тем самым признаём, что мирная модель сосуществования не работает, что человеческие отношения зашли в тупик. Крах гуманизма (или нежелание искать общий язык) обусловлен бессилием простого человека перед лицом неминуемой опасности. Военная машина страшна и беспощадна.

Неумение жить напрямую связано с готовностью умереть (и как защищать себя в данном положении – непонятно). Народы, нации, племена и т.д. становятся пешками в глобальной политике. Мультикультурные ценности разрушающе действуют на государственные интересы, оправдывая «демократическое» вторжение. Слава богу, что ещё не забыт классовый интернационализм и тот кризис, к которому привело слияние всех наций и народностей.

Гражданское общество не контролирует гонку вооружений. Любая идеология лишена стремления к идеалу (слово «национальный» можно спокойно заменить на «советский», и ничего не изменится).

К сожалению, красота мира меркнет перед материальным изобилием. Нажива и насилие – вот те понятия, которые определяют состояние современного мира (мы всё ещё употребляем слово «мир», хотя на самом деле это что-то совсем иное). Уровень обеспеченности почти равен уровню агрессивности.

«Что нам делить?» – вопрос риторический. Это богатые нелюди стремятся к получению всё большей прибыли. Олигарх в любом случае бандит, ибо невозможно украсть миллион и быть порядочным человеком.

Народ имеет право на восстание. А

Александр СИГИДА
Атамановка, 5–14 сентября 2014 года

Область Войска Донского – земля предков, дарованная Богом

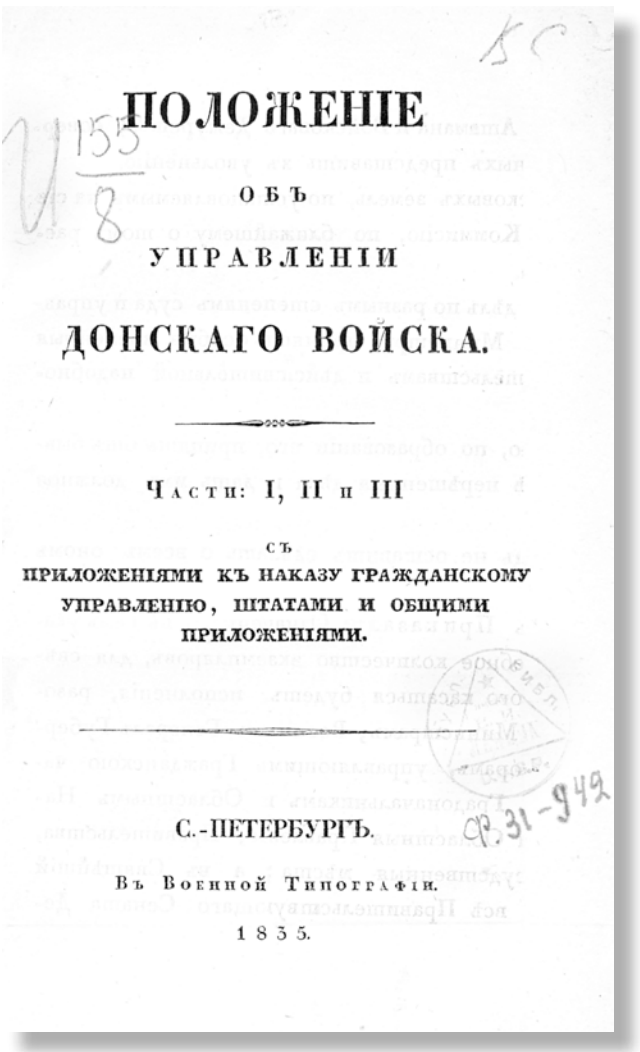
СО ВРЕМЕНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА, КОТОРОЕ НАСТУПИЛО В 90-Х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ, ПРОИСХОДИТ НЕ ТОЛЬКО «ВЕЛИКОЕ ОЖИДАНИЕ» ВОЗВРАТА ЕГО БЫЛОЙ СЛАВЫ, НО И АКТИВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЭТОМУ, ПОДМЕНА ИЛИ ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ПОНИМАНИЯ СВОЕЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЁННОМУ НАРОДУ ИЛИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ. КАЗАКОВ ПРИЗНАЮТ ТО НАРОДОМ, ТО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТЬЮ, ТО СОСЛОВИЕМ ИЛИ ПРОСТО ПОТОМКАМИ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН. НАИБОЛЕЕ ОСТРО СТОИТ ВОПРОС ВОЗРОЖДЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, КОТОРЫЕ КАЗАКИ НАЗЫВАЮТ ПРИСУДОМ, ЗЕМЛЁЙ ПРЕДКОВ-КАЗАКОВ, ДАРОВАННОЙ БОГОМ В ВЕЧНОЕ ВЛАДЕНИЕ, ЧТО ПОДТВЕРЖДАЮТ ЦАРСКИЕ ГРАМОТЫ И СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСЕЙ, АКТИВНО СКРЫВАЕМЫЕ СОВРЕМЕННЫМИ «ИСТОРИКАМИ».

ОДНИМ ИЗ ТАКИХ ПРИСУДОВ (ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ) ЯВЛЯЕТСЯ ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО. НЕ СЛЕДУЕТ ПУТАТЬ ЕГО С ВСЕВЕЛИКИМ ВОЙСКОМ ДОНСКИМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС ПОВСЕМЕСТНО.

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Дату зарождения казачества на Дону определить невозможно. Мы знаем, что в летописных источниках говорится о существовании военизированной общины в Придонье уже в начале XIV века. Некоторые исследователи утверждают, что началом образования донского казачества нужно считать 1265 год. В этом году в Золотой Орде была учреждена православная христианская епархия, которая охватывала территорию от Волги до Днепра. Есть упоминания в летописях о событиях Куликовской битвы, когда князь Дмитрий Донской получил от донских казаков икону Гребневской Божией Матери, именуемой впоследствии Донской.

«И когда благоверный Великий князь Дмитрий с победой в радости с Дону-реки, и тогда тамо, народ христианский, воинского чину живущий, зовомый казаций, в радости встретил его со святой иконой и с крестами, поздравил его с избавлением от супостатов агарянского языка и принес ему дары духовных сокровищ, уже имеющиеся у себя чудотворные иконы, во церквах своих. Вначале образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, крепкой заступницы из Сиротина городка из церкви Благовещения Пресвятой Богородицы» («Гребневская летопись или повествование об образе чудотворном Пресвятой Владычицы и Приснодевы Марии», составлена в 1471 году).



ПОЛОЖЕНІЕ
ОБЪ
УПРАВЛЕНІИ
ДОНСКАГО ВОЙСКА.

Части: I, II и III

съ
ПРИЛОЖЕНІЯМИ КЪ НАКАЗУ ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ, ШТАТАМИ И ОБЩИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Военной Типографіи.
1835.

Таким образом, время зарождения донского казачества и территорию его проживания невозможно точно установить. Российские историки считают, что официальное признание территориальное образование донских казаков Область Войска Донского получило в январе 1570 года. Грамота царя Ивана Грозного, датируемая 3 января 1570 года, адресованная донскому атаману Михаилу Черкашину, стала официальной точкой отсчёта истории Области Войска Донского и означала, что донские казаки теперь являются подданными Москвы и стоят на охране южных рубежей Руси.

Таким образом, донские казаки, имея свою территорию протяжённостью около 800 километров, стали первыми пограничниками на южных рубежах Руси. Официальная дата не свидетельствует о том, что именно с этого времени начинается история донского казачества. Царь Иван Грозный писал свою грамоту уже сформированной казачьей общине, живущей по берегам Дона и его притокам, имеющей свои законы, традиции и обычаи, свою автономию и самоуправление, сформированные годами становления и укрепления донского казачества. Казачества, которое спустя некоторое время стало главной вооружённой силой Российской империи.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

До конца XVIII века земли Войска Донского были автономными и управлялись согласно старым казачьим традициям. Управление деятельностью Войска Донского было у Войскового круга и выборных исполнительных

органов. Выбирали атамана, Войско делилось на сотни и полусотни, которыми командовали сотники, пятидесятники и хорунжие.

Серьёзные изменения в административном и территориальном управлении произошли после Булавинского восстания, когда Войско Донское стало подчиняться военной коллегии. 1773–1775 годы стали периодом окончания автономии донских казаков. Дон захватили царские войска.

С 1786 года территория донских казаков официально стала называться Землёй Войска Донского. В 1833 году под руководством Генерального штаба была составлена её подробная карта. На карте были обозначены города, станицы и слободы, хутора и посёлки, дороги, станции и другое. 9 марта 1833 года начальник Генерального штаба генерал-майор И. Ф. Богданович получил бриллиантовый перстень за поднесённую им карту Земли Войска Донского наследнику цесаревичу Александру Николаевичу. Таким образом, административно-территориальное образование Войско Донское официально имело не только карту, но и установленные границы. В 1835 году Земля Войска Донского была разделена на семь административных кругов («начальств»): Черкасский (окружное управление в г. Новочеркасске), 1-й Донской (станица Ведерниковская), 2-й Донской (станица Нижнечирская), Усть-Медведицкий (станица Усть-Медведицкая),

Донецкий (станица Каменская), Хопёрский (станица Алексеевская), Миусский (слобода Голодаевка).

Спустя почти 40 лет, в 1875 году, Земля Войска Донского стала официально называться Областью Войска Донского. Должности атаманов отделов были упразднены.

К началу XX века Область Войска Донского состояла из девяти округов. Миусский округ упразднён, и образованы Ростовский, Сальский и Таганрогский округа.

Во время Первой мировой войны (Великой войны) 1914–1918 годов Войско Донское выставило 60 конных полков, 136 отдельных сотен и полусотен, 6 пеших батальонов, 33 батареи и 5 запасных полков, что составляло более 100 тыс. человек.

К 1917 году население Области Войска Донского составляло 3,53 млн человек. Область имела 134 станицы и 163 крестьянские волости, население которых составляло: 42% казаков, 25,5% коренных крестьян, 30,6 тыс. калмыков, остальные иногородние.

В 1918 году из частей Усть-Медведицкого, Донецкого и Хопёрского округов образовали Верхне-Донской округ Области Войска Донского.

1918 год стал началом уничтожения казачества и его административно-территориальных образований. Особым историческим периодом борьбы за территории Области Войска Донского были 1918–1920 годы. В 1918 году было создано Донское войсковое правительство во главе с Войсковым атаманом А. М. Калединым. Силы Каледина были разгромлены, и Новочеркасск с Ростовом были заняты Красной армией. Атаман Каледин покончил жизнь самоубийством, а его преемник атаман Назаров был расстрелян. Территория Области Войска Донского стала именоваться Донской Советской Республикой. В мае 1918 года в Новочеркасске было объявлено о создании Всевеликого Войска Донского – временно независимого государственного образования. Всевеликое Войско Донское было провозглашено как наследие «допетровского казачества» и находилось в состоянии войны с РСФСР и в союзе с Добровольческой армией Деникина. Атаман П. Н. Краснов отменил принятые декреты советской власти и Временного правительства и создал Всевеликое Войско Донское как самостоятельное государство.

8 мая 1918 года на части оккупированной немецкими войсками территории Области Войска Донского при содействии Германии была установлена власть Украинской Державы гетмана Скоропадского. В начале 1920 года Всевеликое Войско Донское было разгромлено Красной армией, и на территории бывшей Области Войска Донского была установлена советская власть.

Дальнейшее разделение Области Войска Донского привело к тому, что часть отошла к Украинской ССР, в том числе к ней отошли станицы Донецкого округа. Область Войска Донского вплоть до 1924 года упразднялась и делилась, вследствие чего казачье население было разделено между административными единицами РСФСР и Украинской ССР. В дальнейшем к Украине отошли части Донецкой и Луганской областей, исторически входившие в территорию Области Войска Донского.

Область Войска Донского, оставаясь неприкосновенной в сердце каждого казака и казачки, всегда будет землёй отцов и прадедов, землёй казачьего народа, Присудом, дарованным Богом. Защита земли предков-казаков, казачьей чести и славы, достоинства и уважения завещана нашим потомкам и будет всегда святым делом во славу Отечества, казачества и веры православной.

Истинное понимание донского казачества должно быть неразрывно связано с его историческими землями – Областью Войска Донского, с культурой, традициями и обычаями донского казачества, становление которого было связано с политой кровью землёй отцов и прадедов, где в станицах и хуторах из уст в уста, от сердца к сердцу передавались предания и легенды о славе донцов.

Игорь МАРТЫНОВ,
войсковой старшина, заместитель атамана Тамбовского отдельского казачьего общества

Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года»

ВОПРЕКИ СУДЬБЕ

Любовь БОНДАРЕНКО

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ВЕСТОЧКА С ВОЙНЫ. НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Весна в этом году оказалась ранней, скороспелой. Солнце вмиг растопило снега, собрав грязный снег в ручейки и лужицы, которые быстро испарялись, подсушивались тропинки и дорожки. Первая травка несмело поднимала свою изумрудную головку, оглядывалась вокруг, а затем заполняла собой все проталинки и пригорки. Небо синело и становилось высоким. Прилетели первые птицы – скворцы – и напевали песни, устраиваясь на деревьях Настиного сада. Воробьи словно были не рады чужакам, оживлённо щебетали в саду, то ли приветствуя гостей, то ли выпроваживая их. Птичий говор человеку понять не дано.

Пока скворцы обустраивались на новом месте, воробышки старательно обновляли после зимы свои старые гнёзда, добавляя в них новые веточки и травинки. Прибавилось работы во дворе и у Насти. Надо было побелить домик снаружи, покрасить ставни, обработать известью стволы садовых деревьев. Забор тоже требовал ремонта и покраски, но это она решила сделать тогда, когда кто-то из детей приедет погостить. Пока внучка была в школе, Настя развела мел в ведре, добавила в раствор немного синьки, влезла на табурет (а это уже давалось нелегко) и принялась белить свой домик.

Дети жили своей жизнью, ждать их помощи, когда приедут в очередной отпуск, Настя не стала. Привыкшая работать всю жизнь, любой домашний труд, лёгкий или тяжёлый, она считала своей непременной обязанностью, от которой никуда не деться и которую переложить на кого-то не было возможности. Работа потихоньку двигалась, а Настя по привычке думала о детях, вспоминая прочитанные от них письма.

Володя и Валя писали матери, что всё у них хорошо. Девочки учатся, Володя пошёл на повышение и стал начальником участка на шахте. Настя рада была таким новостям, рада за Володю. Антонина и Жора собирались из Ростова перебраться с семьёй в станицу, трудновато выживать в большом городе, не всё хорошо складывалось у них с квартирой.

– Хорошо бы, и мне помощники были бы рядом, стара я стала, – вслух произнесла Настя, следуя своим мыслям.

Вот у Лиды жизнь не складывалась со вторым мужем. Частые пьянки заканчивались скандалом, а порой и мордобоем. У Лиды рос сын, и пример отца негативно на него влиял. Лида говорила матери, что однажды не выдержит и уйдёт от мужа куда глаза глядят. Настя соглашалась с ней и говорила дочери, что давно пора.

– Добрый день, Настенька! Бог в помощь! – услышала Настя за своей спиной и оглянулась. Это была соседка, живущая через два дома, возвращалась, видно, из магазина, так как авоська была набита всякими продуктами.

– Спасибо, Раечка! Вот решила красоту наводить, весна! Всё вокруг преображается, и домику моему пора стать красивее, – улыбнулась Настя.

– Смотри не упади, не молоденькая, поди, уже. Что дети пишут? Как дела у них? Любаша как? – засыпала вопросами соседка Настю.

– Да всё как у людей, Рая! Письма читать не успеваю. Почтальон ко мне одной, поди, на всей улице и ходит. День через день, всё шлют да шлют! И Любаша в порядке. В школе. Скорее бы уже каникулы, устало дитё от учёбы! Столько задают! – сообщила свои новости Настя.

– Пошла и я, пожалуй, дальше, не буду тебе мешать, да и у самой дел невпроворот, Настенька. Ты поаккуратней на скамеечку-то влезай, не торопись, – сказала соседка и поспешила домой.

– Не волнуйся, не свалюсь, – ответила соседке вслед Настя.

Сказать сказала, а сама подумала, что подустала и пора передохнуть.

Настя медленно опустилась с табуреточки. Придирчивым взглядом оглядела свою работу и осталась ею довольна.

– Подсохнет, будет ещё белее домик-то мой. Эх, постарели мы с тобой, друг мой дорогой. Да сколько с тобой повидали всего в этой жизни, – произнесла, вздохнув, Настя. Она погладила натруженной ладошкой ставни дома. – И вас покрашу, потерпите, родные, так не оставлю. Вон какие трещинки пошли по дощечкам, тоже морщинок прибавилось у вас, как и на моём лице, – с грустью произнесла Настя.

В палисадничке перед окнами буйно зеленела туя, радуя Настин глаз. Настя прошла в дом, вымыла с мылом руки. «Передохну пока да что-нибудь свеженькое приготовлю. Скоро Любаша из школы придёт, порадую», – подумала она. Настя почистила картошку и поставила её варить, а сама сделала тесто на оладушки. Через короткое время дом наполнился ароматным запахом свежеиспечённых оладьев.

– Хозяйка, хозяйка! Есть дома кто? – неожиданно услышала Настя голос

незнакомого мужчины и громкий лай Букета, Настиного пса. Собака рвалась с цепи, громко сообщая своей хозяйке, что на подворье появился чужак.

– Замолчи, Букет! Фу на тебя! – крикнула Настя собаке, а сама поспешила к калитке. Возле калитке стоял мужчина, прилично одетый, в модной шляпе.

«Городской, не здешний», – успела бегло оценить незнакомца Настя. Возрастом он был, может, чуть старше её сына Володи.

– Здравствуйте, – сказала Настя, подходя ближе и вытирая о фартук свои натруженные руки. Платок слегка съехал с её головы, и она спешно его поправила, затолкав под косынку выбившуюся седую прядь.

– Простите за беспокойство, – извинился незнакомец, – но здесь ли живёт Боровик Анастасия Тимофеевна?

– Здесь! Я это, а вы кто, простите, будете? – удивлённо спросила Настя, разглядывая незнакомца.

Вполне приличный с виду молодой человек, слегка загорелый, с русыми волосами, как-то сразу расположил Настю к себе.

– Вы не волнуйтесь. Мы с вами совсем не знакомы. Даже не знаю, с чего и начать, – смутился мужчина, глядя на Настю.

– Начни, как можешь. Проходи во двор, вижу, парень ты приличный, не бандит, – улыбнулась Настя.

Они прошли во двор, присели на лавочку под черешней. Настя строго запретила Букету лаять, и пёс улёгся мордой на свои лапы, не совсем довольный командой хозяйки.

– Я сам из Беларуси. Обещал своему отцу вас разыскать. Мой отец служил с вашим мужем. Борисом меня звать, будем знакомы. – И Борис протянул Насте руку.

Услышав эти слова, Настя на мгновение оторопела, растерялась и осталась стоять как вкопанная!

Видя растерянность на её лице, Борис поспешил объяснить ей всё дальше.

– Мой отец и ваш муж служили вместе, воевали в Крыму, за освобождение Севастополя. Муж ваш тогда погиб 5 мая, а отец был тяжело ранен через день после гибели Власа.

Намного позже, в боях за другой город, мой отец был снова ранен и попал в плен к немцам. Через такие мытарства прошёл!.. Вот когда его уже освободили, он мечтал вас найти, но время бежало, и не получилось вас разыскать. Раны не давали покоя, здоровье сильно подкосилось. Перед смертью своей взял с меня слово, что найду вас обязательно. И вот я здесь.

– Господи, вот это новость, проходите в дом, Борис, гость вы мой дорогой! Там и поговорим! – засуетилась Настя, едва придя в себя от такой неожиданности. – Я тут сегодня побелкой занималась, уж простите, что не совсем прибрано в доме. Как же я рада, как рада вам, проходите, присаживайтесь. Вы же с дороги, накормлю вас сейчас, благо и картошечка уже поспела. Это надо же, счастье какое, словно от Власа весточку получила, – вытирая фартуком слёзы, всхлипнув, произнесла Настя. – Раздевайтесь, Борис, мойте руки, вот вам полотенце чистенькое, а я сейчас мигом на стол соберу, и поговорим по душам, – суетилась Настя, не зная, как угодить дорогому гостю.

Ради такого случая на стол была постелена белая скатерть, вышитая самой Настей по уголкам и обшитая дешёвым кружевом. Нашлась у Насти и бутылочка кагора, припрятанная для праздника, на Пасху.

Во дворе послышались шаги. Это Люба вернулась из школы. Войдя в дом, она удивлённо взглянула на незнакомца, поздоровалась.

– Знакомьтесь, Борис. Внученька моя, Любочка. С ней век коротаю, да рада, что не одна. Дети разлетелись кто куда. Зовут к себе жить, да как от родного дома оторваться? Да не стара ещё совсем, управляюсь потихоньку пока сама. А там видно будет. Ну-ка, Любушка, беги к Марии, зови в гости её и Митяя! Скажи, радость у нас, гость дорогой. Вот все вместе и встретим его да поговорим, – дала она внучке распоряжение, и той тут же след простыл... – Соседи у нас, что родня, Борис. С ними и в горе, и в радости. Детей помогали на ноги поднимать. Мне тогда любая помощь была в радость. Митяй воевал тоже. Раны до сих пор болят. Но держится ещё. Юморной

мой соседушка, всё с душой прощается, а вот живёт, дай Бог ему здоровьица.

Между разговорами Настя дожарила оладушки, достала варенье из слив и вишен. На столе появилась вся крестьянская еда: отварная картошка, сало с аппетитными прослойками, солёные огурцы, помидоры и капуста.

– А вот и соседи пришли, – через окошко Настя увидела Марию и медленно идущего Митяя.

– Мир вашему дому! Здравствуйте. Где тут наш гость дорогой? Этот, что ли, Настенька? – только перешагнув порог дома, произнёс Митяй.

– Да, это я! Давайте знакомиться. Борис, – слегка смутившись от такой радушной встречи, протянул руку Митяю Борис.

– А я Дмитрий Петрович, можно проще, дядя Митяй. Жёнушка моя, Мария, – представил дед жену.

– Присаживайтесь за стол, гостя кормить надо. Издалека он, аж из Беларуси, вот весточку мне от Власа моего привёз. – И Настя неожиданно заплакала навзрыд. Вспомнилось ей многое. И то, о чём рассказывала детям и друзьям, и то, что с нежностью хранила в своей душе, запрятав от чужих глаз.

– Полно, соседушка, не реви, а то море из берегов выйдет. Вот уж эти бабоньки! Ну чего плакать, радость какая! Гость дорогой в доме, а она тут скатерть красивую всю слезами замочила. Не гоже так, – сказал дед, разливая кагор по рюмочкам. – За встречу, за знакомство. Угощайся, гость дорогой, потом и погутарим.

За первым тостом последовал второй, и тоже от деда. Старик взял в свои руки торжественный процесс приёма гостя.

– А теперь помянем наших земляков, погибших в боях за великую победу. За Власа твоего, Настя, за многих, кто победу не увидал, но отдал все силы, жизнь свою, приближая её. За тех ветеранов, что умерли от ран, за победу, за родину! Не чокаемся, – напомнил старик, выпил свою рюмочку и присел на стул. – Давай, дорогой Борис, рассказывай, каким ветром ты здесь, с какими новостями, – произнёс Митяй, доставая из старенького портсигара папироску «Казбек».

– Я говорил Анастасии Тимофеевне, что служили мой отец и её муж, Влас Филиппович, в одной части. Много чего вместе пережили. Поддерживали мужики друг друга. Друзьями были и, как говорят, на войне табачок один вместе курили.

– Без друзей не обойтись, знакомая история, – вставил Митяй словечко.

– Не мешай, старый! Не тебя пришли послушать. Дома наговоришься. Дай человеку рассказать, – одёрнула мужа Мария.

– Влас мне писал, делился, что друг у него замечательный, верный, да вот имя не писал, к сожалению, – вспомнила Настя.

– Так вот, отца моего звали Пронин Степан Иванович. Отец хорошо запомнил бой 5 мая 1944 года, когда Влас погиб. Да и я читал об этих боях в рассекреченных документах спустя много лет после войны. К юбилею Победы и открылся доступ к этой информации. Так вот, расскажу всё, что знаю. – Борис взял в руки стакан с компотом, сделал пару глотков. Во рту от волнения пересохло, ответственная миссия ему досталась – рассказать вдове солдата о последнем дне его жизни. – Прошу только меня не перебивать, волнуюсь очень, поверьте. Чтоб не забыл ничего.

Севастопольский укрепрайон создавался не один месяц. Немецкие войска начали усиленно строить оборонительные рубежи под Севастополем с начала 1943 года, сразу после разгрома их под Сталинградом. Назначенный командующим 17-й немецкой армией генерал пехоты К. Альмендингер в своём обращении к немецким войскам писал тогда: «Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Ни одно имя не произносится в России с большим благоговением, чем Севастополь. Здесь стоят памятники прошедших войн... В связи с тем что Севастополь имеет такое историческое значение, Сталин хочет вернуть себе этот город и порт. Поэтому нам предоставляется возможность обескровить здесь превосходящие силы красных. Я требую, чтоб не покидали свои окопы, оборонялись в полном смысле

слова, удерживали каждую траншею и окоп. 17-ю армию поддерживают мощные воздушные и морские силы. Фюрер дает нам достаточно боеприпасов, самолетов, вооружений и подкреплений. На один километр фронта мы имеем до 2000 солдат, 67 пулеметов, 50 орудий и минометов, 100 самолетов.

Общая длина обороны до 35 километров. Германия ожидает, что мы выполним свой долг».

Борис отложил в сторону записную книжку с выдержкой из статьи.

– Вот гады, надумали чего! Севастополь им подавай! Вот и получили по зубам, век помнить будут! – не сдержал своих эмоций Митяй.

– Продолжай, Борис, дальше, интересные подробности. А ты, Митяй, уж помолчи, сделай милость, правда, Настя? – сказала Мария.

– Так вот, – продолжил Борис, – чтоб сокрушить немцев в этом районе, советские войска к 5 мая 1944 года создали численное превосходство над противником. Бой начинался в этот день с 12 часов дня.

Влас и отец это время перед боем провели, как обычно. Позавтракав, помылись и побрились, оделись в чистое. Оба надраили пуговицы и пряжки на ремнях, начистили сапоги. Говорили на разные темы, больше о гражданском. О семьях и детях. Влас очень переживал, что не увидит своих детей, бой предстоял тяжёлый. На что отец ему посоветовал не думать о плохом, всё обойдётся. Но Влас как чувствовал, что его бой последний. Он вспоминал, как они с Настей сажали свой вишнёвый сад, вспоминал свадьбу и рождение своего первенца Николая! А вот Антонину они с женой зачали, когда Настя приезжала с детьми к мужу на свидание в часть.

– Так и было, всё помню, а Тонечка так и не увидела отца, – заплакала Настя навзрыд. Мария бросилась её успокаивать.

– Ты это, Борис, может, без этих подробностей, больно душещипательно для бабёнок наших, – растерялся от Настиных слёз Митяй.

– Нет-нет-нет, Борис, всё как есть рассказывай, каждую секундочку его жизни в тот день, для него последний, – запротестовала Настя.

Люба слушала с большим интересом рассказ о войне, о её дедушке. Бабушку было нестерпимо жаль, она так горько плакала.

– Хорошо, я продолжу. Выкурив не одну сигарету, они напряжённо ждали приказ наступать. И он поступил. Сначала началась артподготовка. Наши лупили немцев из всех орудий, но и те не отставали и поливали наших бойцов огнём артиллерии. Два часа шла мощная артподготовка. Потом начала работать авиация. Земля ровнялась с небом, ничего не было видно. Снаряды ложились одни за другим. Отец с Власом были в окопе и ждали свой черёд наступать. Только после поддержки артиллерии и авиации в наступление шли танки и за ними пехота со стрелковым оружием, но немецкие лётчики не давали поднять головы бойцам. В небе сталкивались немецкие и наши самолёты, некоторые падали огненным факелом, сбитые своим противником. – Борис глотнул компота из стакана. – Первой с северо-востока вступила в бой в районе Бельбек-Камышлы 2-я Гвардейская армия 4-го Украинского фронта, за ней 87-я Гвардейская стрелковая дивизия, в которой служили отец и Влас. Выдвинулись в наступление и многие другие стрелковые и танковые дивизии.

В бой пошли танки, а за ними пехота. Поднялись в бой и Влас с моим отцом. Шаг за шагом они продвигались вперёд с криками «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!», обстреливая противника, глотая дым и гарь от разорвавшихся снарядов. Падали их друзья, сражённые вражескими пулями, горели подбитые танки. Отец рассказывал, что в момент боя исчезает страх, обостряется чувство ответственности за жизнь других, за семью и свою родину. Это и есть чистой воды патриотизм.

Влас и отец двигались почти параллельно друг с другом, то отставая, то обгоняя один другого, непрерывно поливая огнём врага. И вдруг отец заметил, что Влас упал. Он подбежал к нему, хотел помочь подняться, но увидел, что Влас тяжело ранен. «Санитары, санитары!» – закричал отец, но их не было рядом. Обняв друга, он сказал ему, чтоб тот держался. Но продержаться Влас смог лишь несколь-

ко минут. Ранение оказалось смертельным. Последнее его слово было: «Настя...» Отец сам закрыл глаза Власу. Вот и поклялся мой отец разыскать вас и рассказать всё.

Настя снова заплакала навзрыд, ничего не говоря, низко опустив голову на свои руки.

– Пусть поплачет, тяжело мужикам слушать такое, а ей, солдатке, тем более, – сказал дед, жалея Настю.

В комнате на несколько минут замерла тишина, лишь вдова горько оплакивала своего погибшего мужа да слишком громко тикали часы. В такой момент никто не стал мешать Насте выплакаться. Люба тоже плакала, обнимая бабушку.

Митяй налил снова рюмочки, протянул их присутствующим.

– Полно убиваться, Настя. Слезами ты Власа не поднимешь. А вот память о нём в твоей семье пусть вечно живёт. Чтоб помнили и дети, внуки, правнуки и праправнуки, да и дети их, какой у них геройский отец и дед был. Голову сложил, чтоб победу стране добыть над фашизмом. Вечная ему пусть память будет. А земля ему давно пухом стала.

Митяй, никого не приглашая, выпил свою рюмку за помин души. Пришла в себя немного, облегчив душу обильными слезами, и Настя. Выпив свою рюмочку, она попросила Бориса продолжить рассказ.

– Только вы больше не плачьте, – сказал Борис и продолжил: – Так вот, только и успел отец прикрыть глаза своему другу, как услышал рядом крик командира: «Вперёд, Пронин, вперёд! За Родину, за друга, за Победу! Ура!» Умели командиры поднимать дух своим бойцам. Бой длился до самого вечера, ночью была короткая передышка с редкими обстрелами, а наутро бой продолжился. В этом бою мой отец был тяжело ранен и отправлен в тыл, в госпиталь. Всех погибших во время обороны Севастополя похоронили в братской могиле неподалёку от города, в селе Бельбек, на Братском кладбище воинов 2-й Гвардейской армии, рядом с теми местами, где шли кровопролитные бои за Севастополь. В Книге памяти города-героя Севастополя, во втором томе, на странице 246 есть и имя вашего мужа, Анастасия Тимофеевна. Вот и выполнил я долг перед отцом, а отец – перед другом, – закончил свой рассказ Борис.

Долго ещё сидели за столом и вели беседу, пили чай. Всех их объединяло общее горе, потеря родных и близких в той чудовищной войне и одна на всех Победа над фашизмом, доставшаяся такой большой ценой. И разговор бы этот не кончался, да гостю рано утром надо собираться в обратный путь.

У РОДНОЙ МОГИЛЫ

Жизнь у Володи и Валентины шла своим чередом. Настю встретили с распростёртыми объятиями. Две внучки давно не видели бабушку и были рады её приезду. Володя и Валя весь день пропадали на работе. Работа у Володи была ответственная, начальник участка на шахте отвечал не только за план на производстве, но и за человеческие жизни, жизни шахтёров. Совсем недавно Владимир сам работал шахтёром и хорошо знал все тонкости нелёгкого шахтёрского труда. Шахтёры с уважением относились к своему начальнику, так как он был справедлив и никогда не обижал простых работяг.

С полгода назад на шахте, где работал Настин сын, произошёл выброс метана, обрушение кровли в горной выработке. Володю и бригаду шахтёров, которые были в этот день на смене, засыпало горной породой. Много часов они вместе со своим начальником находились под завалом. Горноспасатели приложили максимум усилий, чтобы освободить людей из каменного плена.

Володя был тяжело травмирован, как и многие шахтёры, оказавшиеся в каменном мешке. Больше всего пострадали его глаза. В них попала угольная пыль. Также у Володи были сломаны рёбра, рука и нога. Врачи сделали операцию, и он постепенно выздоравливал. Своей жене Валентине Володя запретил сообщать матери о случившемся. Много горя выпало на Настину долю, и сын берёг мать от лишних переживаний.

В доме Володи после приезда матери чаще стало пахнуть свежей выпечкой. Настя с

удовольствием хлопотала на кухне. Ей, привыкшей к большой семье, снова было в радость проявить свои кулинарные способности.

Вечером за ужином собиралась вся семья, девочки заканчивали делать уроки и рады были пощебетать за ужином.

Володя сожалел, что Люба вернулась жить к Лиде. Он понимал, что матери тяжело расставаться с внучкой, которую растила с малых лет. Настя рассказала, как к ней приезжал сын сослуживца отца и поведал о последнем бое, в котором погиб Влас. Володя и его семья слушали Настю с замиранием сердца. Особенно впечатлились рассказом дочери Володи.

– Жалко дедушку, жалко, что погиб и мы его так и не узнали, – произнесла старшая дочь Юля.

– Володя, – обратилась Настя к сыну, – все мы спешим жить, дела нас подгоняют, заботы одолевают. Но все мы должны отдать свой долг вашему отцу, а моему мужу Власу. Давно я мечтала побывать на братской могиле, где он похоронен, да всё никак не получалось. То одно, то другое. Вас вырастила, потом вот Любушку, а теперь времени у меня много, вот я и решила съездить на могилку, поклониться, отвезти родной землицы, поди, скучает там по родной землице-то, в чужих краях. – Настя подняла уголок фартука и вытерла выступившие слёзы.

– Конечно, мама, нужно, обязательно нужно съездить. Давно нужно было это сделать. Но как ты сама говоришь, дела не отпускали. Одну мы тебя не отпустим, да я думаю, что и девчата наши поддержат эту идею. Я созвонюсь с ними, у меня скоро отпуск, выберем время и поедем все вместе, – решил Володя.

– Хорошо бы, сын, хорошо бы. Значит, звони или пиши сёстрам, определяйтесь со временем и поедем, – согласилась с сыном Настя.

Так и поступили. Настя ещё успела съездить домой, дать распоряжение соседям о присмотре за домом, набрала в холстину родной кубанской земли.

Спустя несколько месяцев Настя и Володя уже ехали в поезде Луганск – Севастополь. Сёстры-бакинки добирались из Баку самостоятельно, в Севастополе решили встретиться на вокзале. Володя с Настей приехали чуть раньше, сняли гостиницу и ждали сестёр.

Благодаря подсказке людей добрались до нужного места, отыскали Братское кладбище воинов 2-й Гвардейской армии. Оно находилось в Балаклавском районе, в селе Бельбек.

К памятнику от шоссе вела лестница, по обе стороны которой высажены вишнёвые деревья.

Надпись на памятнике гласила: «Вечная Слава Героям-воинам 2 гвардейской армии 3, 24, 87 гвардейских стрелковых дивизий 13 гвардейского стрелкового корпуса 126, 315, 387 стрелковых дивизий 54 стрелкового корпуса 33 гв, 87, 347 стрелковых дивизий 55 стрелкового корпуса павшим в боях при освобождении Севастополя 1944 г.».

В 87-й стрелковой дивизии служил и Влас.

Настя медленно, держась за Володину руку, поднималась по лестнице. Сердце в её груди трепыхалось, как птица, так и хотело вырваться наружу. В голове Насти загудело, сдавило затылок. Это давление подскочило, сказалось волнение, бессонная ночь в поезде. Она на миг остановилась.

– Мамочка, тебе плохо? – тут же забеспокоились дочери.

Володя взглянул на мать, она немного побледнела.

– Держись, мать, немного осталось. Больше ждала ты этого момента, – сказал Володя.

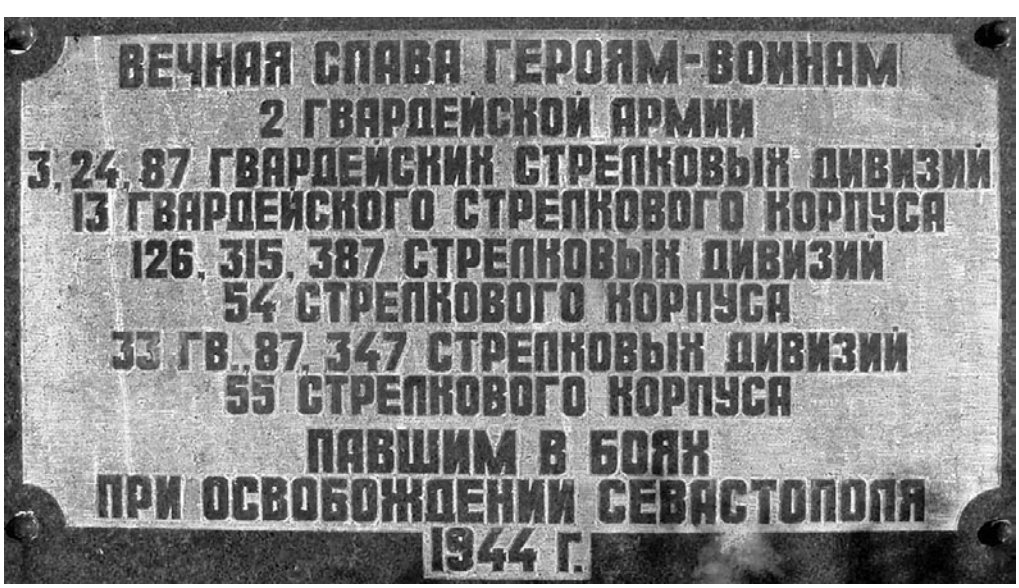
Настя ничего им не ответила и медленно стала дальше подниматься по ступенькам.

Вот и памятник. Все обступили мемориал, стали с интересом рассматривать. Дети возложили живые цветы, зажгли свечи.

Настя опустилась на колени. Степной ветерок нежно приласкал седые Настины пряди, выбившиеся из-под платка.

– Здравствуй, милый! Как долго я шла к тебе, прости, дорогой, прости. Но в сердце моём ты всегда, каждый день, каждую минуточку. – Настя горько заплакала, не стесняясь своих слёз.

1944г


ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ-ВОИНАМ
2 ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ
3, 24, 87 ГВАРДЕЙСКИХ СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ
13 ГВАРДЕЙСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
126, 315, 387 СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ
54 СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
33 ГВ., 87, 347 СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ
55 СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
ПАВШИМ В БОЯХ
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ СЕВАСТОПОЛЯ
1944 Г.

Дети стояли с низко опущенными головами и не мешали беседе матери с их отцом. Ведь это была последняя их встреча.

– Вот и свиделись мы, дорогой. Я знаю, ты видишь нас, ты рядом. – Настя подняла голову, посмотрела заплаканными глазами вверх. Там одиноко летал сизый голубок, кувыркаясь в бездонном синем небе.

Настя достала из кармана своего платья маленький свёрток с кубанской землёй.

– Вот всё, что могу для тебя сделать, Влас. – Она медленно высыпала землю у основания памятника. – Это землица с твоей родины. Посмотри, дорогой, какие дети у нас с тобой выросли, не все здесь, прости, но обязательно приедут навестить тебя те, кто не смог. В другой раз, прости их, Влас. Как не хватало мне тебя всю жизнь, твоих крепких и заботливых рук, твоей милой улыбки. Трудно мне пришлось, ты знаешь, но я не ропщу на судьбу. Тебе вон и того хуже. Голову сложил в боях за нас, за родину.

Настя на миг смолкла, тихонько поглаживая гранитную плиту своей шершавой ладошкой. Мысленно она гладила непокорный чуб Власа, до сих пор помнила его запах, цвет волос, цвет глаз своего любимого.

Дети замерли, боясь потревожить мать, слёзы катились из глаз Настиных дочерей, Володя нервно то прятал руки в карманы, то доставал их. Он не курил и по-своему справлялся с нахлынувшим напряжением.

Настя тихонько поднялась, обняла памятник. Она как бы обнимала своего любимого, навечно её покинувшего.

– Приезжал сынок твоего друга Пронина. Выполнил просьбу своего отца, рассказал о последнем твоём бое, Влас, о гибели твоей. Тяжко было узнавать о минуточках последних жизни твоей, дорогой. Я так долго не верила похоронке, всё ждала, всё надеялась, что откроется калитка – и вот ты, мой родной, вернулся. Не судьба... – И она снова заплакала.

Володя не смог больше выносить душевных страданий матери.

– Хватит, мама. Отца не поднимешь, а сама сляжешь. Вон бледная какая. Пойдём, тебе присесть нужно, хватит плакать.

Володя подвел её к лавочке недалеко от памятника. Валя накапала матери сердечных капель, дала ей выпить.

Дети каждый по-своему пообщался с духом отца, затем здесь же помянули его. На кладбище, где установлен памятник на братской могиле погибших воинов, ещё были люди. Им раздали конфеты и печенье, как и положено.

Ещё долго они были здесь, не решаясь уходить. Но время шло, и они должны были успеть на вечерний поезд.

– Прощай, родной мой, – снова прильнув к памятнику своей щекой, прошептала Настя. – Я знаю, скоро свидимся с тобой. Ты меня ждёшь, я знаю.

Вечерело, небо зарумянил багровый закат. В небе всё так же кувыркался одинокий голубок. Настя, глядя на него, удивилась, как это он не устал? Неожиданно к нему присоединился ещё один голубок, а может, голубка.

– Голубка... – сказала вслух Настя. – Дождался всё же свою любимую.

Поезд, стуча колёсами, изгибаясь змейкой на поворотах, увозил семью всё дальше и дальше. «Прощай, прощай», – стучали надоедливо колёса.

– Прощай, прощай, милый, – шептала в полузабытьи и Настя. Глаза её закрылись от усталости, и она погрузилась в сон.

Ей приснился их вишнёвый сад, весь в весеннем ароматном цвету, их свадьба, яркий солнечный день, а в синем небе кувыркающиеся голубочки. Голубь с голубкой.

АНГЕЛ НА ПЛЕЧЕ

РАССКАЗ

Старика Егорова в селе не то чтобы недолюбливали. Правильнее сказать, избегали по возможности. Сам Егоров это обстоятельство так понимал: правду про других все сказать готовы, а про себя правду услышать – это уже болезненно для человеческой натуры.

А старик имел свойство про всё иметь своё мнение. Когда в Киеве «майдан» начался, народ шушукался, дескать, в этом Киеве всё не слава богу, зато у нас в селе тихо и спокойно. Егоров же напоминал оптимистам историю, как ещё десять лет назад в соседнем районе кумовья друг на друга с топорами пошли, потому как один за Яныка был, а другой – за Юща.

Когда из области новость пришла о народной республике, народ по большей части вздыхал облегчённо: если «западенцы» могут от Киева отделяться, то чем на Донбассе люди хуже? А старик в ответ упорствовал: «И что, вам ЛНР пенсию, что ли, платить будет?!»

Борька, местный тракторист, всё над Егоровым подшучивал: «Вы, Николай Иванович, контрреволюционные вещи говорите. Да вас в 1917-м за это дело большевики к стенке поставили бы!» Старик в ответ хмыкал,

с Борькой спорил и даже «малолетним обормотом» называл, хотя Борьке на тот момент уже за тридцать было.

Когда война пришла, Борис, как шептались соседи, в ополчение ушёл. Позже уходили ополченцы через село, технику свою тянули, а Егоров все глаза проглядел, Бориса высматривая. Спросить боялся: хмурые брели ополченцы, потому как отступали. Мария Павловна, соседка Егорова через два дома, крикнула: «Что, хлопцы, навоевались, тикать теперь?! А нас тут оставляете?!»

Егоров Марии Павловне ничего тогда не сказал. Потому что женщина в отчаянии всегда в точку бьёт. Наотмашь.

* * *

Жену свою он аккурат на второй «майдан» похоронил. Через пару недель после похорон запил. Запил отчаянно, буквально заливался этой водкой поганой. Уже и соседи пытались усовестить, мол, Иваныч, тебе ж 75 лет, сгоришь ведь! А им невдомёк было, что жена для Егорова единственным якорем в этой жизни была. Она единственная старика и терпела, и слушала, и обнять могла, если тому вообще невмоготу было. И на огороде успевала порядок держать, и в доме.

В общем, спокойно они жили. А потом – простуда, три дня температуры, и нет жены! Вот так бы и пил он до самой смерти, ежели б в одно утро не сказала жена ему над ухом: «Коля, убьёшь ведь себя!»

Старик сперва решил, что белая горячка в дом пришла. Весь день от похмелья маялся. А к вечеру, как пришёл более-менее в себя, жена снова над ухом: «Ты бы порядок в хате навёл, Коля!»

Вот так с неделю они и общались. Понятно, что только в доме, скажи кому на селе, пальцем у виска крутанут, а любой другой и вовсе санитаров вызовет.

Но спустя неделю шепнула жена: «Пора мне, Коля». И замолчала. Навсегда. Старик по привычке продолжал с ней шёпотом говорить, за жизнь на селе рассказывать. Думал, отзовётся жена. Но та ушла насовсем.

Зато с водкой Егоров Николай Иванович распрощался окончательно и бесповоротно.

А потом война началась. И вскоре украинские войска в село зашли. Другая жизнь пошла. На жизнь совсем непохожая. Потому что днём надо было дров попытаться нарубить, под пулю «освободителя»-снайпера не попав, потом на край села за хлебом добрести и на «нациков» пьяных не нарваться, а ночью в погреб лезть, потому что ополченцы попыток занять село не прекращали, а к зиме 2015-го похоже всерьёз что-то задумали, потому что взаимные обстрелы продолжались и днём, и ночью. Но ни та, ни другая сторона, как думал Егоров, в расчёт остатки населения не принимали.

* * *

Ходики как раз полдень пробили, когда в дверь Егорова постучали. Старик удивился даже: к ним и по мирному времени гости без предварительного уведомления редко-редко захаживали, а уж сейчас, когда на улицу и по делу выйти опасно...

– Открыто! – крикнул Егоров.

Зашёл на десять лет младше его Мазей Максим Николаевич. Когда-то, в казавшейся такой нереальной нынче мирной жизни, любили Егоров и Николаевич посидеть на лавке, за жизнь повспоминать. Тем более что вспомнить было чего.

– Иваныч, ты сам? – тихонько спросил Мазей.

– Не, женился вчера, вон жена огурцы закрывает! – ворчливо пошутил Егоров.

– Да не, я про военных, не видно?

– Максим Николаевич, они ж тут все заминували и сами уже не помнят, где что ставили! Ты огородами шёл?

– Огородами, по-над посадкой, да... – растерялся Мазей.

– А шёл бы улицей, я б тебя услышал, только мы б уже с тобой не тут говорили, а потом, на том уже свете! – веско уточнил Егоров.

– Ну, слава Богу! – выдохнул Мазей. – Я к тебе, Иваныч, вот зачем пришёл. Помощь твоя нужна.

– Кажи!

– Да Борьку надо похоронить! – помявшись, выронил Мазей.

Егоров положил на пол щепу, которую готовил для печи, и поднялся.

– Нашего Борю? – тихонько спросил.

– Нашего, Иваныч, нашего. Только выходить тебе сейчас нужно, потому как скоро эти засранцы могут обстрел начать, а потом в погреба и окопы попрячутся от «ответки». И, значит, нас с тобой не заметят.

Егоров схватил тулуп, накинул ушанку и направился к выходу.

– Побрели, что ли, по дороге расскажешь, – бросил он.

* * *

Однако толком обо всём Николаевич рассказал, когда они Борьку из посадки волокли. Пока к дому Мазея брели, и вправду обстрел начался. В морозном воздухе миномёты грохотали раскатисто. И хотя оба и не такое слыхали, а всё равно головы в плечи вжимали, да то и дело приседали, потому что хрен поймёшь, откуда выстрел и куда «пошелестело». К моменту, когда всё поутихло, уже от дома Мазея к посадке двинулись.

В общем, по словам Максима Мазея, он утром за дровами потащился. А так как поблизости сушняк уже весь поломал, то вглубь поплёлся. А когда груду валежника разбирал, нога босая показалась. Николаевич хотел было дёру дать, до больно дровеняка хорошая была. Потому потянул он её настойчивей, и всё тело показалось.

– Присмотрелся, на руке левой наколка Борькина, помнишь, он всё стеснялся её, – рассказывал Мазей тихонько, когда они с Егоровым Борьку на большую ветвь положили и во двор Мазея волокли.

По молодости Борька в Луганске себе татуировку сделал, было тогда модное поветрие – «иероглифы» китайские писать на обратной стороне руки. Бориса даже одно время «китайцем» за это звали. Он всё собирался свести татуировку, но что-то не сложилось.

– Если б не наколка, сразу б не признал, – рассказал Мазей, – потому как лица на нём что не было, всё измочаленное.

Егоров молча согласился. Он долго в Борькино лицо вглядывался, всё пытался соотнести увиденное с тем молодым парнем, который ему «контрреволюцией» грозил.

– Кто ж его тут бросил-то? – спросил Егоров, когда они на две минуты перекур устроили. Перекур, понятное дело, условный, ибо сам Егоров никогда не дымил, а Мазей по состоянию здоровья ещё лет десять назад бросил.

– Да эти ж твари и запытали, – тяжело дыша, прошептал Николаевич, указав взглядом на расположение военных за селом.

– Думаешь, в плен Борька попал? – уточнил Егоров.

– К гадалке не ходи! – отрезал Мазей. – Не зря шептались, что у нас тут ополченцы партизанят.

В общем, кое-как дотащили они тело до двора Мазея. Потом ещё часа три дрова разбирали с поленницы, потом поочерёдно яму рыли, туда тело положили и снова дровами прикрыли.

– Вот скажи, Николаевич, может, я что-то в этой жизни так и не понял? – обратился Егоров к Мазею.

Они в доме сидели, Мазей пытался печь запалить, а Егоров безучастно сидел рядом, пытаясь сложить свою мысленную таблицу умножения.

Мазей со второй попытки дрова поджёг, те загудели, потянуло первыми струйками тепла.

– Что непонятно-то, Иваныч? – отозвался он наконец.

– Не могу я Борькину смерть понять, – нехотя признался Егоров. – Ведь жил себе парень, не дурак какой был, а с чего на смерть пошёл?

– Так ведь он Родину защищать пошёл, Иваныч. Что ж тут непонятного?..

– Ты мне чушь пропагандную не неси, – возмутился Егоров. – Родину мы в Великую Отечественную защищали, а сейчас паны холопов лбами сбивают.

– Это на «майдане» они сбивали народ, Иваныч, а теперь уже другая ситуация. Теперь уже не холопы дерутся, а пацанва ради нас жизнью рискует, – мрачно ответил Мазей, ставя на печь литровую кружку с водой.

– А за что рискует?! – взбеленился Егоров. – Или ты тоже в «эленерию» веришь?

– Да мало ли во что я верю, Иваныч! Но только никому не дано право народ гнобить только за то, что мы здесь живём и на «майдан» не ездили, – угрюмо ответил Мазей и протянул Егорову кусок хлеба. – На, подкрепись, тебе ещё назад брести. Проводить?

– Сам дойду, – буркнул старик.

И ведь дошёл же! Хотя вечерний обстрел был особенно громок. А когда в 200 метрах в развалины ФАПа мина прилетела, Егоров выматерился и глубоко в снег вжался. А когда утихло вокруг, доплёлся до хаты.

* * *

После «майдана» старик уже только на себя полагался. Поэтому НЗ, пусть и скудный, но сделал. Понятно, почему НЗ скудный: пока две пенсии в доме было да сын помогал, дышалось легче. А с одной пенсией – уже иная картина. И сын последний раз деньги матери на похороны передавал.

Тем не менее скрепя сердце старик спичками, солью и водкой запасся. Запасы пришлось в райцентре делать – нечего односельчанам повод для слухов давать. Еле допёр потом «кравчучку» до хаты. Так что печку было чем растопить.

На улице разгар дня был, когда на дворе хруст снега послышался, а за ним – стук в дверь. Старик не запирал ни ворота, ни дверь входную. Да и от кого прятаться: местных в селе и без того сотни две осталось, да и те из дому без повода не высовывались. А «гости»... Так эти и стучаться не станут, ежели приспичит.

Вообще он после вчерашних событий никак в себя не мог прийти. Кое-как утром поднялся, кряхтя дочапал до кухни, облил лицо мёрзлой водой, силой заставил себя пойти за дровами.

И вот час назад вязанку сухостоя приволок. Всё печку пытался растопить, но с мороза руки не могли отойти, тряслись, как с перепою. Сидел возле печки, на ладони дышал.

– Открыто! – крикнул Егоров.

Пришла, оказывается, Настя, внучка Марии Павловны. Раньше-то они через два дома соседями были, но когда украинцы всё вокруг минировать начали, перебрались к родственникам на другой конец села.

Зашла девчонка крадучись, словно к чужим. С собой принесла пакет «регионовский» – с эмблемой партии, которая столько лет при власти была, а вот, глядишь, при первых же ударах рухнула. Собственно, даже с пакетом таким опасно на глаза показываться, но, видать, огородами шла...

– Дедушка, здравствуйте! Что вы тут, как?

Мигом оценила ситуацию, взяла из стариковских рук спички, умело, по-хозяйски, растопила печку. Дрова загудели ровно, пошло тепло в хату.

– Спасибо, доча, – поблагодарил старик. Кряхтя, встал, схватил клюку, уселся на стоящий рядом табурет. – Ты мне что, гостинцев принесла? Да ну перестаньте, что я – не знаю, как вы сами живёте?..

– Дедушка, мы уходим!

– Куда? – в груди старика что-то ухнуло. Задавая вопрос, он в принципе уже знал ответ.

– В райцентр попытаемся прорваться, – продолжила девчушка. Впрочем, какая она «девчушка»? Если года два назад школу заканчивала, теперь, значит, и вовсе девица на выданье. Хоть и выглядит устало. А кто сейчас в селе из местных за собой следит? День бы пережить – и славно.

Помолчали. Девушка показала на пакеты:

– Здесь гречка, пол-литра масла, перловка. Что-то ещё бабушка положила. Я не знаю. Нам-то оно ни к чему, если прорвёмся, голодными не останемся, а если не выйдет, будем к вам кушать ходить.

«Господи, да она и шутит ещё!»

– Что вы надумали! – проворчал Егоров. – Как пройдёте, эти ж (он кивнул головой в сторону улицы) не пропустят!

– По-тёмному пойдём, главное – по-над центральной улицей аккуратно пройти, чтобы мину не поймать. И до «камня» быстренько успеть, а там нас ополченцы и спасатели вывезут. В райцентре место для беженцев есть – в школе-интернате все живут, – уверенно сообщила она.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Соседей наших вчера встретила, они, оказывается, связь поймали, со своими из райцентра давеча говорили. Те им всё рассказали.

– Ох, опасно же!

– Да не опасней, чем здесь, дедушка! – горячилась девушка.

Старик кивнул. За истекшие полгода он о действиях украинских военных в селе прознал немало. И про то, что центральную улицу они заминировали, а никого из местных не предупредили, и люди погибли. И про то, что если видят – дом подходит для обороны, выгоняют жителей, загоняют свою технику. Сам слыхал, как один военный другому бахвалился, мол, на квартиру уже заработал, теперь на машину зарабатывает.

Ещё с полгода назад шёл он по улице и видел, как прицепились пьяные «нацики» к Александровне, что хлеб домой несла. Что она там им сказала, Егоров не расслышал, но отлично видел, как один молодой пустил очередь Александровне под ноги. Женщина с испугу на спину упала, а пьянь громко ржала, глядя на неё.

Он-то, дурак старый, возьми да и подойди к ним. Попытался было мозги вставить, да заслышав: «Мы вас, сепаров сраных, ещё в Россию отправим!» – понял: говорить там не с кем. Подошёл к Александровне, кое-как помог ей на ноги встать. На том всё и закончилось. Спасибо, что не пристрелили тогда обоих.

Знал Егоров обо всём. Знал и молчал. Потому что рухнуло в одночасье всё, что казалось таким конкретным, очевидным.

– А вы знаете, как людей из соседнего, «эленеровского» посёлка украинцы на блок-посту встречают, когда те приезжают на фабрику на смену? – продолжала тем временем Настя. – «Пропустите, смертники едут!» – говорят. Нет сил больше здесь сидеть, будем уходить. Дедушка, пойдёмте с нами.

– И что, вы на улицу не можете реже выходить? – ворчливо спросил Егоров.

– Так не бабушку же на улицу выпускать, дедушка! А мне тут одна тварь проходу не даёт. Слова всякие говорит, одной на улице показаться страшно! Так что уходить нам нужно.

Старик отчётливо понимал: зовут его просто потому, что иначе нельзя. Не по-людски это. Понимал и то, что для них он будет балластом. Поэтому жёстко рубанул:

– Нет. Нет, и не зовите! Куда мне, с клюкой-то? Да я сто метров час идти буду. Выбирайтесь уже сами. Я здесь останусь...

Она обняла старика и собралась было выходить.

– А, дедушка, я ж вам забыла сказать: в райцентре Генку вашего видели!

Генкой сына их звали, который ещё четыре года назад в Тюмень на заработки уехал. Как война началась, связь с ним прервалась.

– Точно Генка? – не веря, уточнил Егоров.

– Точно! В этой форме ополченской. С «калашом» таким громадным. Всё, дедушка, надо мне бежать, а то бабушка там с ума сойдёт.

И ушла. Захрустел снег во дворе.

* * *

По мыслям старика, соседи уже к «камню» должны были выйти, когда в той стороне раздалось несколько десятков одиночных выстрелов. Потом всё затихло. Ближе к ночи в стороне «камня» рвалось и гремело что-то серьёзное. В перерывах слышались автоматные очереди. Потом наступила тишина.

Егоров понял, что никто уже не придёт. Печка догорела ещё часа три назад, в хате ощутимо похолодало. Он затащил своё тело на кровать. Укутался одеялом, а сверху – двумя тулупами. И осознал, что остался совсем один.

* * *

«И что, так и будешь валяться?!»

Он вырвался из старческих неясных сновидений, отбросил с лица тулуп, вгляделся в темноту. Тишина. Только тикали ходики, что достались ему от отца. Старик ходики берёг. Оттого и часы никогда не опаздывали, не останавливались. Когда знакомые хвастались техническими новинками, Егоров про свои ходики напоминал.

– Царя пережили, Союз пережили и меня переживут! – добавлял он.

Он отчаянно напрягал слух. Но на улице было тихо. И в доме.

– Кто здесь?! – прошептал он.

«И что, так и будешь валяться?!» – повторила жена.

– О Господи! Ты ж перепугала меня! – воскликнул старик.

«А как до тебя добудиться? Ты ж скоро с кровати слезать перестанешь...» – веско аргументировала та.

– Ох, да что ты несёшь?! Вот посплю маленько, а там печку растоплю...

«И что дальше? Соседей нет, улица пустая, кто поможет?»

– До весны продержусь!

«Не продержишься! Давай собирайся! Уходить тебе нужно!»

– Куда?!

«В райцентр пойдёшь. Слыхал, что девчонка говорила?»

– Да как я туда сам доберусь? Я ж из села даже не выйду!

«Захочешь – выйдешь!»

Старик окончательно проснулся. Тот факт, что жена вернулась, конечно, хорошо. Но то, ЧТО она говорила...

А, с другой стороны, каковы действительно шансы, что он до весны протянет? И права жена – помощи ждать не от кого. Всем сейчас хреново, в положение каждого не войдёшь, самим о себе думать надо... Он начал натягивать брюки.

«Спортивные сперва надень! На улице мороз под 15 градусов», – осадила жена.

Старик вздохнул. А потом... улыбнулся: всё-таки хорошо, когда она рядом!

«Тулуп не надевай, тяжёлый он. Сперва рубашку, потом два свитера, сверху – ватник».

– Да понял я! Просто в темноте сложно наряжаться, – проворчал старик.

«Понял он, гляди ж ты! А документы?!»

Старик залез в сервант, там в шкатулке лежали все документы.

– А что брать-то? – спросил он.

«Да ты ж всё знаешь! Чего спрашиваешь?»

– Советуюсь я!

«Паспорт возьми и пенсионное».

– А пенсионное-то зачем? Мне что, «элинер» пенсию платить станет?

«Станет – не станет, потом узнаешь, а всё равно возьми! И ещё – в пакете соседском буханка хлеба есть и шмат сала. Сделай себе пару бутербродов».

Всё так и было. Он засунул бутерброды во внутренний карман ватника. Напоследок натянул валенки. Потом подошёл к ходикам и подтянул гири. Взял стоящую в углу у выхода клюку, служившую ему верой и правдой третью зиму. Осторожно, стараясь не заскрипеть, открыл входную дверь. А ведь не так уж и темно, даже очень светло – снег да полнолуние своё дело сделали!

Он вздохнул и тихонько, словно нащупывая ногами дно, побрёл к калитке. Приподнял её, чтобы не разбудить скрипом всю улицу.

«Да кого ты разбудишь? Один же на всю улицу!» – снова влезла со своим мнением жена.

– Всё равно осторожно надо! – ответил Егоров.

«Так если хочешь осторожно, то не говори вслух!»

– Что, и так можно? – изумился он.

«Нужно! Ладно, давай пойдём потихоньку!»

Он не спеша дошёл до поворота на центральную улицу. Луна светила в спину, поэтому даже со своим стариковским зрением Егоров неплохо ориентировался на местности.

«Возьми левей, по-над домами», – жена явно не спускала с него глаз.

Он приставными шагами добрался до ближайшего забора. Одной рукой держал-

ся за штакетник, другой с помощью клюки ощупывал дорогу. Дальше была стена дома. Затем опять забор. Так дошёл до первой воронки. Дальше по дороге их было ещё несколько. Возле одной валялся перевёрнутый набок остов обгоревшего «жигулёнка». Егоров слышал, что тут произошло, но упорно гнал от себя это знание.

Затем был ровный участок.

«Здесь очень внимательно!» – предупредила жена.

Он и вовсе перешёл на черепаший шаг. С одной стороны, это позволяло экономить силы. С другой – увеличивало время пребывания на улице. Какая судьба ждёт одинокого человека, который ночью ходит по селу, было известно. И это знание тоже приходилось отгонять от себя.

«Много думаешь, под ноги смотри лучше!» – подала голос жена.

«Ты, может, и умеешь не думать, я – нет!» – отрезал старик. И продолжил передвигать ноги.

Внезапно левая рука нащупала пустоту – очередной забор резко оборвался. Впрочем, и от стоящего рядом дома практически ничего не сталось, кроме кусков угловых стен. Дальше, насколько хватало взгляда, заборов тоже не было. Пришлось рассчитывать только на палку.

А потом, через десяток шагов, клюка скользнула по обледеневшему камню в сторону дороги, и Егорова по инерции вынесло вслед за ней. Он больно упал на бок, в движении перевернулся на спину, кусок камня сковырнул кожу на щеке, он перевернулся на другой бок и на живот. В общем, сейчас лежал прямо на дороге.

«Говорила же тебе, осторожно!» – вздохнула жена.

– Да клюка же!.. – прошипел он.

«Подтяни к себе палку. Тихонько. Прижми палку к себе. Хорошо. Теперь осторожно перевернись на левый бок. На спину. Ещё перевернись разок. Теперь можешь встать. Только не спеши! Хорошо, пронесло!»

Егоров поднялся. Ноги ощутимо дрожали. Он нащупал палкой твёрдый участок, оперся на клюку двумя руками.

«А что пронесло-то?» – спросил.

«Всё, теперь иди дальше. Только палкой потише стучи, ладно?!»

Он послушно двинулся вперёд, но всё думал: «А что пронесло-то?»

Через час он был у «камня».

* * *

Когда-то, ещё по мирному времени, власти села намеревались поставить здесь памятник советским воинам, погибшим в Великую Отечественную при освобождении их населённого пункта. А до тех пор на выбранном месте стоял памятный знак, или «камень», как говорили сами сельчане.

«Кажись, тут ополченцы должны быть», – сообщил Егоров.

Он огляделся, но никакого движения не заметил. Разве что дымились с полдюжины воронок, ещё столько же успели за ночь остыть.

– Может, они не постоянно дежурят? – размышлял он вслух.

«Нечего гадать, надо дальше идти, – оборвала его размышления жена. – Передохнул?»

«Да я и не устал особо».

«И хорошо, потому что до трассы километра два, а луна уже почти зашла. Наугад тебе идти придётся».

«Может, всё-таки имеет смысл подождать?» – вяло запротестовал Егоров.

«Ну жди!..»

Старик вздохнул: живая жена или не живая, а присущий ей периодический сарказм никуда не делся.

Он побрёл по просёлочной дороге в сторону трассы. Рассуждал: «Два километра – это не двадцать километров, дойду потихоньку».

* * *

Может, когда-то это и была трасса, а сейчас вся дорога была усыпана комьями мёрзлой земли и осколками. Асфальт во многих местах зиял «прорехами», то тут, то там можно было заметить следы от траков.

Егоров сидел на бревне у дороги. Кажущиеся такими простыми два километра он одолел с большим трудом. Луна зашла ещё на половине пути к трассе, и каждую рытвину, каждую ямку или бугорок приходилось нащупывать ногами. По пути он снова упал и крепко приложился коленкой об землю. Колено ныло, но в целом было терпимо.

Он настраивал себя на большой путь. Если повезёт и он встретит ополченцев, то тогда нечего печалиться. Но жена, источая типично женский скепсис, напомнила, что до райцентра тридцать с гаком километров.

«Я ж не дойду!» – ужаснулся он.

«Дойдёшь! – резко оборвала его жена. – Трасса – это ведь не наша центральная улица, мин нет, а ямы на асфальте разве что слепой не увидит...»

Так что пришлось идти. Старик предварительно отошёл в кусты, потому как путь предстоял неблизкий, а обмочиться по дороге в его возрасте – плёвое дело. Вот повозиться, расстегивая ширинку, пришлось, это да.

А идти действительно было легче. Где-то через час он снова сел передохнуть. Как раз возле трассы лежало поваленное дерево.

Потом снова двинулся вперёд.

– Вот скажи, ты почему так долго молчала? – в голос спросил он жену.

«Повода говорить не было – ты ж со всем справлялся».

«А ты только по поводу говоришь?»

«Это ж ты у нас любитель впустую поболтать, особенно с женщинами, особенно – с незамужними».

Старик опешил.

– Да что ты несёшь?! На что намекаешь?

Он настолько был ошарашен, что снова начал говорить вслух.

«В семьдесят шестом чего вдруг в райцентр зачастил?» – неожиданно спросила жена.

– Не частил, по надобности ездил, по работе! – запротестовал он.

«А надобность как звали, не напомнишь?»

– Та не было у нас ничего! Просто женщина знакомая, с нашего же села, а то ты её не знаешь!

«Я-то знаю, а вот ты, видать, забыл, как я тебя просила не ездить туда!»

– Не было у нас ничего! И быть не могло! Если уж на то пошло, и ты глазками тогда стреляла по сторонам. Думаешь, я не видел?!

«Сам же первым начал!..»

– А я тебе ещё раз говорю – никогда я тебе не изменял. Вот ты – вопрос!

Ранним морозным февральским утром на трассе село – райцентр выясняли отношения два старых человека. Живой и умерший.

* * *

Уже час, как жена снова замолчала. Старик не на шутку испугался: самому-то в одиночку плестись!

Устал он чертовски. Всё чаще останавливался, всё дольше отдыхал. Ни сзади, ни по встречной не наблюдалось ни одной машины. Он отчётливо понимал, что до райцентра не добредёт. Даже со всем своим оптимизмом. Потому что 76 лет – это 76 лет, и даже по молодости 30 километров пройти – из ряда вон выходящий случай. А сейчас?

Он сидел у дороги и неспешно ел первый бутерброд. С едой не спешил: во-первых, в его возрасте с едой вообще не торопятся, во-вторых, дольше ешь – дольше отдыхаешь. И хотя от всех его падений бутерброд помялся, он всё равно был безумно вкусен.

Доел, натянул варежки. Потом снял одну, зачерпнул горсть снега, осторожно начал его жевать. Со снегом шутки плохи – ещё простудиться не хватало.

Подобрал клюку и побрёл дальше. Вообще по ровной дороге идти было не так тяжко, как подниматься на бугор. Через несколько часов и чёрт его знает сколько километров он понял, что сил больше нет. Да ещё и сильно ныло колено, которым давеча ударился. Впереди виднелось какое-то строение. Приглядевшись, Егоров ахнул – это ж заправка перед Н-ском! То есть мало-помалу, а половину трассы сделал! Он ускорил шаги, намереваясь отдохнуть на развалинах заправки.

«Ну и ладно, что 76 лет, зато 15 километров уже отшагал!» – гордясь собой, подумал он.

...Стая обнаружила его не сразу. Собаки спали в маленьком сарае, позади заправки. Спали они плохо, потому что голод не давал покоя. Две ночи назад в поле они набрели на пять трупов. Четыре трупа промёрзли и одеревенели, а вот пятый скончался недавно. Ещё тёплый даже был. Человек прижимал окровавленную руку к животу. Но одежда на нём заскорузла от крови и мороза, разорвать её было практически невозможно. Нетерпеливо подвывая, то одна, то другая собаки пытались достать до раны на животе умершего. В результате пришлось довольствоваться лишь внутренностями. Драка за делёж останков едва не закончилась общей грызнёй. В итоге эту ночь они спали, сбившись тесной кучкой, видя во сне свои летние прекрасные дни, когда человечины хватало на всех.

Вожак первым чутко приподнял уши: на улице что-то постукивало. Постукивало ритмично. Пёс осторожно высунул морду в проём сарая, принюхался. Сзади зашевелилась тоже почуявшая добычу стая.

Вскоре показался человек. Старый человек. А старый – это беспомощный. Опыт охоты на стариков у стаи имелся приличный.

Они осторожно двинулись в сторону Егорова.

Заправка хоть и частично сгорела, но в остальном уцелела. На улице начал дуть ветер, и старик решил зайти вовнутрь.

«Съем бутерброд, отдохну и пойду дальше», – решил он. Он присел спиной к стойке и уже достал «тормозок», когда услышал рычание.

Собак Егоров не боялся. Поэтому он не сразу осознал опасность, завидя пять здоровенных псов. Вели они себя нетипично для обычных собак, старик не сразу сообразил – у этих нет боязни человека. И тут же пришло понимание: их привлёк не запах сала, их привлёк он сам.

Он бросил в собак бутерброд, надеясь, что животные отстанут. Одна псина, самая малорослая, и вправду бросилась за едой. Остальные, не отрывая взгляда, приближались к старику.

Он встал, крепче схватил клюку и угрожающе размахнулся ею:

– А ну пошли на хер!

Собаки сделали ещё два шага. Егоров посмотрел вниз, у ног лежал кирпич. Он схватил его, понимая, что успеет в лучшем случае проломить голову только одной собаке. Бросил кирпич, целясь в морду самому здоровому псу. Но 15 километров и 76 лет даром не прошли – бросок получился вялый, кирпич лишь скользнул по морде пса и только ещё больше раззадорил того. Крайняя левая собака бросилась на Егорова, он двумя руками ухватил клюку и со всей мочи шарахнул по собаке. Палка не выдержала удара и переломилась. Подвывая, ежесекундно облизываясь, собака отскочила в сторону.

«Господи, да я же обмочился!» – поразился он.

– Ну, где же ты?! Неужели не поможешь?! – крикнул он жене.

Внезапно собаки остановились, потом сбились в кучу и, подвывая, попятились вон. Старик смотрел, как они выходят из здания заправки, и не верил во всё происходящее.

– Как ты это сделала? – спросил он у жены.

«Я им сказала, что ты старый и описанный, что, съев тебя, они могут заболеть и умереть», – мурлыкнула жена.

– Спасибо! – прошептал Егоров и потерял сознание.

Очнулся он от холода. Сколько был в отключке, сказать сложно. Судя по положению солнца, явно была вторая половина дня. По зданию гулял ветер, и Иванович понял – он насквозь продрог. К тому же обмоченные штаны... Однако надо было вставать.

– Не знаю, что теперь и делать... – растерянно произнёс он.

«Возьми клюку и иди дальше. Половина пути осталась».

– Да я ж сломал клюку...

«Назад посмотри!»

Егоров оглянулся. За стойкой, прислонённая к пустому холодильнику, стояла добротная трость. Как он её раньше не заметил?! Из-за собак, наверное. Впрочем, куда вероятнее то, что её раньше там не было. Или всё-таки из-за собак?

– Совсем из ума выжил, – прошептал он.

Ходьба разогнала кровь по старому телу. Он усердно дышал через нос, как видел в одном документальном фильме. Тамошний диктор утверждал, что глубокое дыхание позволяет возобновлять внутреннюю энергию. А энергия ему сейчас очень нужна.

«Специалист, – усмехнулась жена. – Это ж о бегунах фильм был, а не о семидесятилетних стариках, которые в собак кирпичи швыряют!»

В этот раз Николай Иванович решил не спорить. Пусть говорит, что хочет. Лишь бы не молчала. Лишь бы не оставляла его одного.

* * *

Солнце клонилось к закату, когда стало ясно, что больше он не сделает ни шага. Колено превратилось в сгусток боли. Каждое движение причиняло неимоверные страдания. К тому же он поистёр об асфальт без того старые валенки. Да и постоянный голос жены, до того успокаивающий, внушающий оптимизм, теперь нервировал.

– Всё, не могу больше... – прохрипел он.

«Надо идти!», – упорствовала жена.

– Да не дойду я, понимаешь! – закричал Егоров. – Просто не дойду!

«Вон камень у дороги, сядь, передохни», – предложила она.

Он кое-как добрёл до камня и фактически шлёпнулся о его поверхность задом. Ноги гудели, в голове творилось что-то невообразимое, перед глазами плавали круги.

– Посижу, отдохну, ладно? – умоляюще попросил он жену.

«Только недолго!» – предупредила та.

– Конечно, минут десять – и дальше, – прошептал измученный годами человек.

...Он лежал на спине. Смотрел в звёздное небо и не мог понять, где находится и что ему пытается донести голос жены. «Она же умерла...» – лениво подумал Егоров.

«Сейчас ты подохнешь, старый хрен! – донеслось до него сквозь затуманенное сознание. – Вставай быстро!»

«Никогда она ко мне так не обращалась!» – удивился Егоров. Повернул голову и увидел, что лежит на жухлой траве. Память вернулась. А с ней – боль в ногах и всём теле.

«Поднимись, пожалуйста! Я тебя очень прошу!» – вновь замолила жена.

«То-то же, а то "старый хрен", "старый хрен"», – довольно подумал старый хрен и попытался встать. Получилось только на четвереньки. Но голова всё равно закружилась. То ли от резкого подъёма, то ли от увиденных вдали на трассе горящих фар.

До трассы он полз, ноги просто отказывались подчиняться. А ещё он страшно замёрз. Старик кое-как поднялся на колени и принялся махать клюкой. Фары приближались, вскоре послышался шум мотора. А ещё через полминуты возле него остановился старый добрый «газик», из которого выскочили два человека в форме.

– Отец, ты откуда тут взялся? – раздался весёлый молодой голос.

– Вас жду, кого ж ещё, – прошептал старик, пытаясь подняться. Его подхватили две пары заботливых рук. В кабине его начало трясти. Он пытался заговорить, но ничего членораздельного не получалось.

С переднего сиденья к нему обернулся седой, явно в годах военный.

– Отец, ты, главное, не волнуйся. Главное, что мы тебя увидели!

«Да вы бы мимо проехали, не заметив меня, если бы жена не вернула в сознание», – подумал Егоров.

Похоже, тепло кабины всё-таки успокоило его. Он назвался, объяснил откуда. Потянулся за документами.

– Да ну что ты, отец, верим мы тебе! – остановил его седовласый. – Это что же получается, ты 25 с лишним километров пешком отмахал?! Да в твоём возрасте – это подвиг! Куда тебе нужно?

– В райцентр, в школу-интернат, туда, где беженцы, – уточнил старик.

– Давай сперва в интернат, а потом уже на базу, – обратился седой к водителю. Тот кивнул головой и тронул машину с места.

– Как там обстановка в селе, батя? – спросил сидящий рядом молодой ополченец.

– Было бы хорошо, он бы здесь не сидел, – не оборачиваясь обронил седой. – Дима, не мучай старика!

Остаток пути они преодолели за десять минут. Причём половину времени потратили, пытаясь проехать по разбитой напрочь дороге к интернату. Возле металлических ворот остановились.

– Отец, давай поможем дойти! – предложил Дима.

– Спасибо, мужики, но я сам добреду, вы и так из-за меня какой крюк сделали, – решил старик и начал выбираться из машины.

– Ладно, батя, ты только береги себя! – раздалось из кабины.

Он стоял у ворот и не мог заставить себя пройти во двор. А вдруг неправильно его соседям сказали место? Или нет здесь теперь никого и придётся снова искать ночлег?

«Хватит голову ломать, иди уже – здесь это», – внезапно подала голос жена.

Егоров решительно вошёл во двор. Подошёл к центральному входу. Постучал. Потом постучал решительнее. Потом «добавил» клюкой.

– Сейчас, сейчас открою! – раздалось из-за двери.

Створки распахнулись, оттуда хлынул сноп света – не казённого, а явно домашнего.

– Здравствуйте, – обратился он к открывшей двери полной женщине. И вдруг понял, что от волнения сипит. – Здесь беженцев принимают?

* * *

Глава района рассказывал сгрудившимся возле него журналистам:

– Сейчас в этом доме-интернате проживает порядка тридцати семей, в основном беженцы из зоны боевых действий. Мы ежедневно вывозим людей, но многие добираются самостоятельно. Кстати, на днях сюда пришёл 76-летний старик. Верите – своим ходом пришёл!

– А можно с ним сейчас пообщаться? – спросил кто-то из прессы.

– Я сейчас уточню, – улыбнулся глава и обратился к заведующей: – Есть такая возможность?

Заведующая не сразу нашлась с ответом, ей помогла дежурная:

– Этот человек сейчас отдыхает, поймите правильно – в его возрасте и такие нагрузки...

...Старик действительно спал. Его дыхание было ровным и спокойным. Ему снилась жена. Она улыбалась. И муж улыбался ей.

Андрей КУЗНЕЦОВ,
тележурналист, г. Луганск

Алина БАШТА,
журналист, г. Луганск

* * *

Одни спешили на работу,
Другие просто по делам.
А где-то били самолёты,
И где-то шла своя война.
Одни мечтали, глядя в небо,
Ночные слыша голоса,
Другим же не хватало хлеба
И тишины, чтобы поспать.
Одни себе просили злато,
Другие – просто чтобы жить,
И чтобы мир настал когда-то,
И чтобы кончили бомбить...
Одни смотрели телевизор
И, съев свой ужин, шли дремать.
А кто-то был готов с карниза
Ступить, чтобы семье не голодать.
Одни молчат, другие плачут,
Одним в метро, другим в подвал.
Кто жизнь свою не звал удачей,
Тот просто жизни не видал.

Держи меня за руку – крепко-крепко...

Держи меня за руку – крепко-крепко,
Пусть ночью у нас не звучит канонада,
Пусть летние шорохи, дождь и ветки,
Пусть только не взрывы, не залпы «Града»!
Луганск – моя боль, в небе бьют самолёты,
Отпустит и снова... То громче, то тише.
«Как жаль стало песен, – мне скажет
вдруг кто-то, –
Которых никто никогда не услышит».

* * *

Не прячьте глаз, Бог знает ваши души.
Оставьте лгать, ведь нет на то нужды.
Покажет час, кто искренне был нужен...
И тех, кому вы были бы нужны.

Оставьте страх, он прошлого не лечит,
Оставьте боль, что было – не вернёшь.
С собой лишь то, с чем жить вам станет легче,
В один рюкзак сложить, не пропадёшь!

И верьте, люди, верьте! Доверяйте!
Узнать своё возможно только так.
Сказал старик: «Вот церковь, а вот паперть,
Не разменяй же злато на медяк!»

Двадцать-четырнадцать, двадцать-пятнадцать...

Не страшно в бою умереть,
А страшно домой не вернуться,
«Двухсотым» оставшись в рядах
Погибших в гражданской войне.
А страшно в чужой стороне
К чужому кресту прикоснуться,
Не встретив родные глаза,
Принять на себя свою смерть.

Не страшно под пулями лечь,
Бьёт пуля не всех, только лучших!
Улыбки оставив печаль
На вечно сомкнутых губах.
А страшно её не сберечь –
Я отдал бы всё, даже душу,
За ту, что и жизни не жаль,
Что в память приходит лишь в снах...

Не страшно быть в двадцать седым,
Не страшно молчать, когда спорят,
Кто прав был и кто виноват,
Лишь Богу дано это знать.
Но страшно уйти молодым
И видеть, как братьев хоронят,
Кто мог песни звонкие петь
И Родину мог защищать...

Александр СИГИДА-младший

Солнцеворот-2014

Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.
Те, кто не спился в девяностых,
Кто не сторчался в нулевых,
Не сгинул в наркохолокосте
От огнестрельных, ножевых –
Сегодня здесь. Их шеи тонки,
Они приходят прямиком
Из старых выпусков «Лимонки»,
Вам этот дискурс был знаком.
Сейчас лимонки – в дефиците,
Но есть четыре РГД...
Задумавшись о геноциде,
Не забывай о Сигиде.

Зов Атамановки

Ночные улицы таят
Невыразимую угрозу
Прохожего, чей пьяный взгляд
Напоминает о Ломброзо.
Здесь не выходят без ножа
На остановку или в гости,
Безликий остов гаража
Как образ склепа на погосте.
Угрюмый сумрак тех минут,
Забытых копанок провалы
Иной реальностью живут,
Водою наполняясь талой.
В глазницах брошенных домов
И саркофагах терриконов
Мне ясно слышен древний зов
Богов индустриальной зоны.

В поисках неведомого Ворошиловграда

В краю степном, угрюмом, ледяном,
Воспетом в «Мельпомене» Геродота,
Хребты и бездны над голодным дном
Откроют лабиринты для кого-то.
Таинственный, неведомый Кадат,
Индустриальный Ворошиловград.
Стигийская вода грунтовых вод
Размыла известь меловых пород;
Сломив сопротивление камней,
Река ушла, сухое русло – с ней.
Колодец времени, неведомый Кадат,
Где ураган, неистовый Адад.
В краю степном, угрюмом, ледяном,
Воспетом в «Мельпомене» Геродота,
Тебя отстроят в облике другом
Разумные рабочие – шогготы.
И там, где плющ и дикий виноград,
Появится неведомый Кадат,
В подземных галереях и хребтах,
Забытых штольнях и стальных путях...

Манифест национал-толкиенизма

1

Как правоверный толкиенист,
Я ненавижу трактовки.
Только увижу Перумова лист –
Тянутся пальцы к винтовке.
Прихвостни Моргота нам твердят,
Свидетели Саурона,
Зря нолдоры орков били, ребят,
В порядке самообороны.
Когда-то Мордор был на земле,
Царство гаремов, плетей;
Кровь белых рабов они пили во мгле,
Кастрировали детей.
Но Рохана сила в степи пришла,
И турков изгнали мы,
Империю крови, спермы и зла,

Разбили сынов тьмы.
Расширили мы свой ареал
От моря до самых гор.
Но мы возгордились, и блеск потерял
И рухнул наш Нуменор...

2

Тёмноволосые люди холмов,
Дунландцев злая орда
Алчет наших жён и домов;
Хотят захватить стада.
Темные люди дунгарской земли
Орков тербаты с собой привели;
Северский Изен вот-вот перейдут,
Наши потери всё больше растут.
Наместник Гондора, Денетор,
Твердит, что нам нужен мир;
Он переговоры ведёт до сих пор,
Используя палантир.
И если до вас не дошло, господа,
Ещё повторю разок:
Не будет мира у нас никогда
С батальоном «Азог».
Харада сброд и наёмных вастак
Отряды, так вашу мать растак,
Инструкторы-харадримы
И чёрный пиарщик Грима;
Плоть вашу вороны расклюют –
История неумолима!
Я – правоверный толкиенист
И ненавижу трактовки.
Только услышу орочий визг –
Сразу хватаю винтовку.

Мой крест(ник)

Как крёстный отец
И крестоносец
Тебе, Саня,
Крестом, и текстом,
И огнём перекрёстным
Реконкисты
Русской,
Что неизбежно грядёт.
Грядущее скрыто
Туманом войны,
Глаза сыновей
Слезятся от дыма.
В братоубийственных
Сагах и песнях
Старшей и Младшей
Эдды, мой крестник,
Правду найдёшь.
Пламя идёт
С далекого Юга,
Люди щадить
Не станут друг друга.
Меньше ресурсов
И меньше воды,
Под яростью турсов
Треснут льды.
Это война – не последняя, крестник,
Когда придёт чёрный наместник.
Пылающий юг,
Юные страны,
Тени империи оттоманов,
Албания, Сирия, ересей клад,
Сельджуков натиск и халифат.
Новый средневековый мир,
Войны за деньги и войны за веру,
Фанатики, викинги, кондотьеры.
Падение буржуазной химеры.
Век двадцать первый – мечей и секир,
И достижений, и поражений,
Готы и гунны – ориентир
Перезагрузок и новых вторжений.
Будет ещё революции шторм,
Новой системы перезагрузки.
Знай, что молился об одном:
Саня, будь Сильным, Умным, Русским.

Пираты Азовского моря

Дмитрию Михайловичу Куценко

Подует тёплый ветер, ветер с Юга,
Моя республика, моя Тортуга;
Античных полисов на дне морском следы,
Да, что-то было в нём от Чёрной Бороды;
Понтийские пираты и наёмники,
Работорговцы, все мы чьи-то кровники.

Антонина ВОЛОБУЕВА

* * *

Наши розы поросли крапивой,
Каждый шип остёр и ядовит.
Кай сказал мне, улыбаясь криво:
«Ледяное сердце не болит».

Добрый Боже, как темно, как снежно!
Страшно, страшно, как в кошмарном сне!
Королева Каю дарит нежность,
Чтобы он не вспомнил обо мне.

Там, в высоком призрачном чертоге,
Там, где Королевы реет тень,
Кай под взором пристальным и строгим
С Вечностью играет целый день.

Стихло всё, не слышно птиц небесных
В равнодушном царстве января.
Кай молчит. Ему неинтересны
Розы, зеркала... и даже я.

В злой метели тает постепенно
Замка Королевы монолит.
Кай был прав, когда сказал надменно:
«Ледяное сердце не болит».

* * *

На поле, перепаханном войной,
Алеют маки, как следы от пули.
Гляжу на них, а за моей спиной
Безмолвной, бестелесною стеной
Встают друзья, погибшие в июле.

Я слышу, слышу, будто наяву,
Знакомых голосов нестройный гомон.
Я вижу кровь, упавшую в траву.
Они мертвы, а я пока живу,
Хоть памятью измят и переломан.

Качает ветер красные цветки,
Тревожит облаков густую пену.
Друзья уходят. Их шаги легки,
Тела бесплотны, жизни коротки.
Я скоро с ними встречусь. Непременно.

* * *

Солнечный лучик лежит в одеяльных
складках,
На подоконнике пляшут резные тени.
Окна открыты, и пахнут легко и сладко
Белые букли цветущей в саду сирени.

Вечное лето. Спешить никуда не надо.
День постепенно тает в лиловой дымке.
Август-фавнёнок – зелёного лета чадо –
Бродит один по заросшей глухой тропинке.

Август. Суббота. Огромного неба парус
В ветках запутался и сиротливо замер.
Вечное лето. Ночного дождя стеклярус
Имя моё простучит по оконной раме.

* * *

Живи впотьмах и делай мне назло –
Безжалостно, бездумно, оголтело.
Твоей души, завязанной узлом,
Не потревожу словом или делом.

Твоя душа закручена в спираль,
С неё, скупой, сам чёрт добра не взыщет.
Живи как знаешь. Никому не жаль
Бесплодного пустого пепелища.

Твоя душа запуталась в силке.
И я, к мольбам глухая и чужая,
К тебе, висящему на волоске,
Не подойду, тебе же подражая.

* * *

В какую-то холодную весну
В каком-то доме, под какой-то крышей
Устану, успокоюсь и усну,
И мир большой об этом не услышит.

Несрочно в номер – краткий некролог:
Плохое фото и сухие даты.
Как будто можно в пять коротких строк
Вместить того, кто жил навзрыд когда-то.

Как будто можно подвести итог,
Отдать себя на отповедь скорбящим
И неостановимый монолог
Прервать и спрятать в самый долгий ящик.

В какую-нибудь раннюю весну –
В последний снег ли, в звонкие капели –
Я свою песню заново начну
И закричу в какой-то колыбели.

* * *

В старом парке, стихшем до весны,
Снегом занесённые по пояс,
Старые деревья видят сны,
Дремлют, ни о чём не беспокоясь.

Дремлют, обернувшись в снежный тюль.
Что им снится – ясеням и клёнам?
Солнцем зацелованный июль,
Птичьи гнёзда на плечах зелёных.

На скамейке, спрятавшись от глаз,
Юные влюблённые смеются,
За углом ансамбль играет джаз,
Небо – можно веткой дотянуться...

В старом парке, стихшем до весны,
Свет фонарный зыбок и печален.
Старые деревья смотрят сны,
Ожидая нового начала.

* * *

В комнате, как в консерве, –
Вечность идёт по кругу,
Мажется, будто дёготь.
Щёлкает райский сервер.
Ангел, скрестивший руки, –
Лучше б его не трогать.

Кто-то ворчит строптиво,
Хочет с резьбы сорваться,
Трогает спинки клавиш.
Ты уж молчи, ретивый, –
Может такое статься,
Хуже не пожелаешь.
И на пределе нервы –
В комнате, как в коробке,
Мы ожидаем чуда.
«Ты далеко не первый», –
Ветер прошепчет робкий,
Пришлый из ниоткуда.

* * *

Сухие листья – прошлого приметы –
Ко мне на подоконник бросил ветер,
Качнул калитку в сад и был таков.

И время мушкой в янтаре застыло...
Как тихо! Лишь шумят автомобили
Да форточка скрипит на сквозняке.

Ко мне, шурша муаром, входит Память –
Бессонницы бессменная подруга,
Былые раны бередит, смеясь.

И чувствую я: голова кружится,
Мятущееся сердце наполняет
Воспоминаний терпкое вино.

Как хорошо, как странно жить на свете!
Мои воспоминанья, точно листья,
К ногам моим, неслышные, легли.

* * *

Кем бы ты ни был – героем ли, подлецом, –
Где бы ты ни был – Милан ли, Париж ли, Лондон, –
Тёплые ветры ударят тебе в лицо –
Здравствуй, Макондо.

Здравствуй, Макондо. Струится полдневный зной,
Смотрят в затылок ленивые игуаны.
Влажная сельва вздохнёт за моей спиной
Сладко и пряно.

Здесь всё – как прежде. Всё те же идут дожди,
Те же бегонии в вазах гниют от влаги...
Гулкое сердце застынет в твоей груди
На полушаге.

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 6 (21) июнь 2018

ОДИН ДЕНЬ

Быть строителем дома –
значит быть в состоянии строить дом.
Аристотель

Будильник изобрели садисты. Андрей всегда был в этом уверен, а в последнее время убеждался в этом каждое утро. И немудрено – он забыл, что такое ранний подъём, немало лет проработав на дому, где рабочее место было в двух шагах от спального – какой тут мог быть будильник? Никогда в жизни. Проснулся, глазки раскрыл, поднялся, нажал на кнопку и пошёл умываться. Вернулся, а компьютер уже загрузился – всё, вот ты и работаешь. А в последние недели всё сломалось. В город пришла война.

Сначала эту войну лицемерно называли АТО. Антитеррористическая операция. И в первые дни это казалось нелепым и смешным. Все говорили: ну какие здесь террористы? Хотят их найти – пусть поищут, побегают по полям и успокоятся. И действительно, пришедшие войска поначалу бегали по полям. А потом стали заходить в города. На первый раз люди вышли навстречу танкам, встали у них на пути и остановили. И разжалобились при виде голодных, грязных и уставших пацанов. Накормили их, напоили и отправили назад, в расположение. То же повторилось и на второй раз. А в третий раз по мирным людям был открыт огонь. И в одночасье пришло понимание того, что это уже не игрушки, что это уже война. Гражданская война.

Пару недель Андрей изумлённо смотрел по сторонам, впитывая в память всё происходящее, а потом сказал себе, что, когда начинают убивать твоих друзей и земляков, нельзя оставаться в стороне. Нужно что-то делать. И с этим он пришёл в здание исполкома, ставшее штабом народного ополчения. Пришёл просто так, без каких-то конкретных предложений, на общих основаниях. А войдя в кабинет коменданта города, оторопел – за столом сидел человек, которого он называл другом детства, с которым учился в одной школе. И ещё со школьных лет этот человек

имел репутацию надёжного и справедливого мужика.

«О как, – сказал себе Андрей. – Хорошие люди здесь обосновались. И главное, свои. А всякие козлы в Интернете кричат во всю глотку, что здесь исключительно заезжие российские наёмники. Засланные казачки. Пограбить приехали. А здесь свои. Будем знать».

В действительности Андрей давно не верил ни Интернету, ни городским слухам. Сказать, что они были сильно преувеличены, значило ничего не сказать. Поскромничать. Он верил только своим глазам и призывал к этому всех окружающих. К примеру, за пару дней до прихода в штаб, услышав сплетню о том, что по здешнему базару ходили чеченцы с автоматами, он насмешливо спросил говорившую:

– А что, у них было на лбу написано, что они чеченцы? Или ты их об этом спрашивала?

Вразумительного ответа не последовало, и тема была закрыта.

Поздоровавшись с комендантом, как со старым товарищем, Андрей сказал:

– Я не знаю, чем я могу быть здесь полезен. У меня болят ноги, поэтому я не боец. На войне быстро гибнет тот, кто медленно бегает. Но тем не менее... вот моя визитка с перечнем всех моих специальностей. Посмотри и скажи – нужен я тебе или нет.

Комендант заглянул в визитку и тут же ответил:

– Так ты помимо всего и компьютерщик? Конечно, нужен!

– И что от меня будет требоваться?

– Как что? Работа в штабе. Штаб, дорогой мой, это прежде всего куча бумаг. Очень важных и не очень важных. Но все они – нужные. Вот и будешь заниматься делопроизводством за компьютером. Здесь собрались сплошные бойцы, а мне нужен штатский человек, который отвечал бы за документацию. Никакой военной романтики, обычная рутина. К такой работе ты готов?

– А я что, так похож на романтика? – хмыкнул Андрей.

– Ну тогда завтра к девяти утра жду тебя здесь.

– Буду, – согласился Андрей и шагнул к двери.

– Постой, – задержал его комендант. – Давай определимся сразу с твоим позывным.

– А что определяться... Погремуху нужно принять?

– Это на зоне погремухи, – заметил комендант. – В войсках позывные. Говори, как называть тебя будем.

– А что меня называть, – не задумываясь, произнёс Андрей. – Вы тут все бойцы, военные, а я штатский. Вот тебе и позывной – «Штатский». Как Шостакович. Он тоже форму не носил.

– Годится, – одобрил комендант. – Моё имя тоже можешь забыть. Здесь я Якут.

– Очень приятно, – ехидно хмыкнул Андрей. – Похож... Значит, до завтра?

– Да, к девяти добирайся.

Вот тут Андрей поневоле завёл на утро будильник. Впервые за много лет.

Будильник действительно изобрели садисты. Оторвавшись от сна в непривычную рань, Андрей умылся (спасибо, что опять появилась вода), оделся, наскоро выпил кружку чая и вышел на улицу.

Улица была пугающе пустынной – транспорт который день подряд не ходил, да и частники предпочитали лишний раз не выезжать. После нескольких попаданий снарядов в маршрутки люди старались не высовываться из домов без дела. На работу – и с работы. Если была работа.

Не проявляя никаких эмоций, Андрей зашагал по проезжей части в нужном ему направлении.

Через несколько минут за спиной послышался шум одинокого мотора. Андрей не отвернул в сторону и не обернулся, машина остановилась сама.

– Куда идёшь, браток? – послышался вопрос водителя.

– На площадь, к исполкому.

– Заходи, подвезу.

Андрей сел в салон и спросил водителя:

– Что нового?

– Да ничего. С утра тихо, а ночью – сам слышал.

– Да уж слышал...

Дорога за беседой обо всём и ни о чём заняла минут пятнадцать. Выходя из машины, Андрей сунул было руку в карман, спросив, сколько с него причитается, и услышал в ответ:

– Ничего мне не нужно. Останься жив.

Это могло бы показаться странным или невероятным только тому, кто не видел войны. В осаждённом городе произошло смещение ценностей. И на первом месте оказалась ценность человеческой жизни. А деньги... да что деньги... Самого ценного на них не купишь. Так стоит ли пытаться урвать лишнюю копейку? У великого русского поэта Геннадия Жукова была строчка, как будто к этому времени и написанная:

А сколько скопить нужно денег, чтоб выстелить гроб?

Я не думаю, чтоб эта строчка была прочитана всеми жителями осаждённого города, но люди жили именно по такому принципу. Это война.

Зайдя в кабинет, Андрей поздоровался с комендантом здания штаба, носившим позывной «Шериф», с которым они делили кабинет на двоих, и спросил:

– Что хорошего?

– Да всё то же, – ответил Шериф. – Задержанных всех успеешь оформить?

– Много принято? – поинтересовался Андрей.

– Достаточно, – вздохнул Шериф с огорчением.

Его огорчение можно было понять. До войны он работал в милиции, имел звание капитана, а во время осады пришёл в штаб ополчения и сказал: «Большая часть моих ребят уже здесь, и мне без дела сидеть негоже. Я к вам». И был назначен комендантом здания штаба. У него было множество обязанностей, и одна из них – содержание арестованных. А это непросто даже на первый взгляд, ибо каждый арестованный – как дитя малое. Каждому нужно отвести место, каждого нужно накормить, напоить, вывести на работу, встретить с работы, пересчитать и не дать возможности скрыться или улизнуть от исполнения наказания. Каждый задержанный становился его личной головной болью. Не говоря уже о том, что он отвечал за жизнь и здоровье каждого. Это работа нелёгкая и неблагодарная. Андрей мог только посочувствовать ему, что он мысленно и сделал, после чего включил компьютер и занялся первоочередными делами.

Одной из обязанностей Андрея было составление реестра арестованных. А их прибывало каждый день. В самом начале осады в ополчении был организован отдел военной полиции, и первое, что было сделано, – люди с оружием пришли в милицейский горотдел и сказали, что все его функции они берут на себя. Задача милиционеров – сидеть в дежурной части и переадресовывать все звонки и сообщения во вновь образованный отдел. Затем в городе были жёстко прикрыты все известные по милицейской картотеке наркопритоны и самогонные точки. После чего такие же люди с оружием прошли по всем злачным местам – кафе, ресторанам, пивнякам, крупным магазинам, – оставили там свои визитные карточки и попросили в случае любых нарушений порядка звонить по указанным там телефонам, пообещав реагировать на звонки незамедлительно. И в самом деле, работали оперативно. Нарушители задерживались и доставлялись в штаб. Не помогали ни угрозы, ни посулы, ни попытки откупиться. Все ночевали в штабе, а утром представали пред ясны очи коменданта, который единолично творил суд и расправу. Суд был скорым, приговоры не отличались разнообразием – пять суток общественно-полезных работ. В эту категорию работ входило всё: рытьё окопов, подметание улиц, уборка помещений в штабе, да и мало ли что ещё могло понадобиться. И это действовало – попробуй порыть окопы под обстрелами хотя бы день, больше не захочешь. И это было справедливо – каждый, каким бы статусом он ни обладал, отвечал сполна за свои проступки. И так было нужно. Как ни крути, а политика, не подтверждённая хорошей полицейской службой, – это миф. И по каждому случаю задержания обязательно поднимались реестры. И если обнару-

живалось, что кто-либо задержан не впервые, к нему уже было другое отношение, да и срок работ ему давался побольше. Вот потому-то в городе, несмотря на тяжелейшее осадное положение, было спокойно. До того спокойно, что юные девицы не боялись гулять в одиночку по ночам. И что за этим стояло? Постоянная готовность военной полиции выехать в любую точку города и кропотливая учётная работа штабных. Рутина.

Сводка была составлена быстро и вовремя – к приезду коменданта в штаб. Пока Шериф отчитывался перед комендантом, Андрей успел втихомолку покурить в открытое окошко. Хоть курение в штабе и было запрещено, Андрей предпочитал не бегать лишний раз с четвёртого этажа на улицу и обратно. Это был единственный запрет, который он нарушал. Запрет на употребление алкоголя он соблюдал свято с тех пор, как однажды на его глазах комендант на подворье перед входом в штаб подошёл к ополченцу и спросил:

– Ты почему нетрезв? – И, не слушая оправданий, добавил: – Немедленно сдай оружие и иди под арест, завтра будем с тобой разбираться.

Боец попытался было возразить. Напрасно он это сделал, ибо тут же получил хлёсткий удар по печени, а автомат его словно сам собой оказался в руках коменданта. После чего Якут так же негромко приказал:

– Бегом в кутузку – и до утра. Сам, добровольно. Если я отведу – хуже будет.

Боец взглянул коменданту в глаза и увидел в них такое, что у него моментально опустились руки. Он произнёс: «Понял», развернулся и отправился под арест. Добровольно, как и было приказано.

Андрей это увидел, услышал и взял на заметку. С тех пор у него даже в помыслах не было выпить на рабочем месте или прийти с утра с запахом перегара. На войне не злоупотребляют.

Перекурив, Андрей вернулся за стол к компьютеру – и совершенно вовремя. У дверей в кабинет уже стояли освобождённые, и Андрею нужно было поставить в электронном реестре отметки об освобождении и вернуть каждому изъятые при задержании личные вещи. Всё – начиная от сигарет и зажигалок, заканчивая деньгами, документами и ключами от машины. Рутина...

Можно было бы сказать: зачем эту рутину описывать? Кому это интересно? Но только те, кто не видел этой рутины, смеют заявлять, что ополчение грабит простых людей, «отжимает» (словечко-то какое подленькое придумали) у них машины, квартиры, бизнес и всё на свете. Конечно, этим товарищам из Киева виднее, что на Донбассе происходит. Они всё знают. А Андрей видел, видел ежедневно, как всё изъятое возвращается владельцам. Он прекрасно знал, что те же машины могут использоваться на нужды ополчения в то время, как их хозяева, задержанные пьяными за рулём, проходят трудотерапию. Но на момент освобождения их машины стоят на пятачке возле штаба, заправленные, целые и невредимые, и ждут своих хозяев. И это справедливо. И об этом нужно говорить. Имеющий уши да услышит. Хотя кроме ушей нужно иметь ещё и желание услышать, а оно есть не у каждого.

Покончив с преступным прошлым освобождённых, Андрей поднялся и таки вышел покурить на улицу – не столько соблюдая запрет на курение, сколько потому, что возле входа в штаб в любое время дня был горячий чай. Для всех. А это стимул.

На подворье его увидел комендант, подозвал к себе и спросил:

– Штатский, ты почему так легко одет?

Действительно, на улице сегодня было нежарко, дул довольно сильный ветер, а Андрей спросонья выскочил из дома в одной лишь лёгкой футболке, а когда понял, что одет не по погоде, попросту не стал возвращаться. Ни слова не говоря, он молча развёл руками.

– Простудиться хочешь? – ехидно поинтересовался комендант. – А оно тебе надо?

– Да как сказать... – вздохнул Андрей.

– Никак не сказать, – последовал ответ. – Оно мне не надо. Вы все нужны мне живыми и по возможности здоровыми.

С этими словами комендант снял со своих плеч куртку, набросил её на плечи Андрея и сказал:

– Сегодня ходи в моей куртке, а завтра чтоб я видел тебя нормально одетым. Понял?

– Так точно, – ответил Андрей, вспомнив армейский устав.

– Свободен. Занимайся делами.

Андрей был даже не впечатлён – он был просто ошарашен. Таких командиров, так заботящихся о своих подчинённых, он никогда ещё не встречал. На службе в армии таких не было. Впрочем, армией службу Андрея можно было назвать весьма условно – стройбат. И командиры там были соответствующие. Но всё же... Сегодня Андрей увидел совершенно новую схему взаимоотношений. Это было что-то из будущего. Это нужно было хорошо обдумать и осмыслить.

С этими раздумьями Андрей поднялся к себе наверх, где его уже ждали. Заплаканная женщина с двумя маленькими девочками. При виде их Андрей поневоле тяжело вздохнул. Наступила самая невесёлая из всех его обязанностей – приём заявлений от населения. От мирных людей, каким-то образом пострадавших на этой войне.

Это была уже его головная боль. Такая же, как и у Шерифа за арестантов. И непонятно, кому было больнее. Каждый день в штаб приходили люди. В слезах или без слёз, замкнувшиеся в молчании или, наоборот, быстро лепечущие что-то невнятное, каждый со своим горем – с радостью сюда не приходили. Не то место. И всё их горе проходило перед Андреем. Во всей красе. И взахлёб, давясь слезами, пришедшие рассказывали ему о своих бедах. Чаще всего о бесследно пропавших людях. И это не удивительно – под прикрытием войны происходит много страшного. Сводятся счёты, припоминаются какие-то обиды, и люди пропадают. Или умирают. Непонятно где, как и за что. Андрей часто попросту не понимал, как пришедшие к нему люди держатся на ногах и откуда у них берутся силы обо всём рассказывать. Потому он всегда держал в столе корвалол и валидол для взрослых и конфеты для детей. Но самым неприятным было просить людей, только что рассказавших ему о своей беде, ещё раз изложить всё это на бумаге. В письменной форме. Он был бы рад этого не делать, но заявления от пострадавших должны быть написаны собственноручно. С личной подписью на каждой странице заявления. Бюрократизм, но ничего не поделаешь. И Андрей, ежедневно пропуская через себя чужое горе, не раз ловил себя на мысли о том, что когда-нибудь ему самому понадобятся корвалол или валидол из ящика стола. И молил Бога, чтобы это случилось как можно позже. Вот и сейчас он внимательнейшим образом выслушал пришедших, дал им ручку и бумагу, принял от них написанные заявления и проводил до дверей. Заявления сложил в специальную папку. Каждый день ровно в 18:00 он относил всё собравшееся в этой папке за день коменданту, а тот, прочитав заявления, ставил на них резолюцию и передавал в отдел военной полиции. Рутина... Глаза бы не видели такую рутину.

Впрочем, хоть и не часто, но случались в этой работе и какие-то радостные моменты – когда решались вопросы, когда находились пропавшие люди, когда потерпевшие, уже с радостными лицами, приходили и говорили «спасибо». Несли деньги, несли коньяк, несли всё что угодно. Андрей от всех подношений отказывался, отвечая благодарным людям, что не ради этого они работают, а только ради справедливости. И если сегодня она восторжествовала хоть где-то, то для него это высшая награда. И люди уходили со словами благодарности.

Может быть, это и попахивало идеализмом, но Андрей не врал и не лукавил. Здесь просто невозможно было находиться без чувства сотворения справедливости. Когда Андрей это впервые понял, ему стало гораздо легче жить. И это не высокопарные слова. Это правда.

Во время очередного перекура с чаепитием на улице у входа на подворье резко затормозила машина. Изнутри выскочили трое и вытащили на свет божий ещё двоих. В наручниках. Одного с заднего сиденья, другого из багажника. Их согнули чуть ли не пополам (это называлось «упереть мордой в асфальт») и в такой позе потащили в штаб. Андрей тут же потушил сигарету и отправился было в кабинет, но на пороге его встретил Шериф.

– Штатский, – обратился он к Андрею, разминая кулак, – погуляй с полчасика. Покури, чаю попей или пива, чего хочешь. У меня тут беседа приватная намечается.

– С этими двумя орлами?

– Ага. Погуляй, тебе не нужно этого видеть.

А буквально через пару часов, когда Андрей уже успел вернуться, в кабинет вошли – нет, ворвались – сразу три женщины, совсем молодые, и с порога устроили групповой плач на грани истерики.

– Девушки, – растерянно произнёс Андрей, – прекратите этот сиротский вайдос и объясните толком, что произошло.

Толковых объяснений так и не последовало. Сквозь рыдания пробивались слова «арестовали», «увезли» и прочие, родственные по смыслу, но кого арестовали, куда увезли, разобрать в их речах было невозможно. И когда у Андрея всё начало путаться в голове, он решился на неординарный поступок – выглянув в коридор, попросил стоявшего там дневального:

– Кацо, сходи позови Якута. Похоже, без него здесь не разобраться. Слышишь, да? Вой какой стоит сплошной...

Комендант был человеком занятым, и его предпочитали лишний раз не беспокоить. У него могли быть более неотложные дела, но он пришёл. И понял ситуацию с порога.

Уточнив фамилии посетительниц, он кивнул головой и спросил Андрея:

– Посмотри, в реестре эти фамилии есть?

– Так точно, – ответил Андрей, бросив взгляд на монитор.

– Причина задержания?

– Шериф сказал, нарушение порядка.

– Понятно, – вздохнул комендант. – Это он мягко выразился...

После этих слов он обратился к женщинам:

– А теперь все замолчали и дружно слушаем меня. Ваши мужья задержаны за саботаж. – И Андрею: – Поправь причину задержания в реестре. – И, тщательно подбирая наиболее приличные слова, поскольку не любил матерной брани, тем более при женщинах, продолжил: – Так вот, в военное время за это мороженым не кормят. Если вы не в курсе, то могу объяснить: под вашим посёлком наша разведка обнаружила танки. Понимаете? Мы ждём оттуда танковую атаку. Ждём в любой момент. Именно поэтому было решено на мосту через речку поставить блокпост. А как иначе? Пропустить танки в город? Спасибо, это уже было. Потом выгоняли. С кровью. Так что лучше их задерживать на подступах к городу. А ваши умные мужья испугались того, что танки начнут стрелять и дома ваши разрушат. И кинулись блокпост разбирать. От большого ума, как я понимаю. Можно подумать, что не будь на мосту блокпоста, танки бы не стреляли... Там дорога узкая, а танку дорога не нужна, они просто проехали бы сквозь ваши дома, и не было бы там ни домов ваших, ни огородов, ни вас самих! Неужели непонятно? И что теперь? Арестовали, говорите? Да, я был вынужден отдать приказ утихомирить ваших мужиков, а в случае открытого неповиновения задержать. Именно задержать, хотя по законам военного времени имел полное право приказать открыть огонь на поражение, и никто бы мне не возразил, и никто бы меня за это не осудил. Потому что это саботаж. Понятно вам? И вы сейчас плакали бы не здесь, передо мной, а дома. Над гробами. Но мне не нужны лишние гробы, тем более гробы мирных жителей. Я сам здешний, я родился и вырос в этом городе, я отсюда ушёл в военное училище, и я категорически не хочу убивать своих земляков. Поэтому они и сидят здесь. Чтоб неповадно было. Ну что вы опять заревели? Хрен с вами, я не изверг, я их отпущу, но отпущу под вашу ответственность. Хотите, чтоб ваши мужья были живы и здоровы, – сделайте так, чтоб они ни во что больше не влезали. Хоть привязывайте их, хоть под юбку к себе прячьте. – И, опять обернувшись к Андрею, добавил: – Сделай в реестре против их фамилий особую пометку. И если они попадут к нам ещё раз, то не бегайте, не плачьте и не просите: будут под любым огнём рыть окопы бессрочно. До полной нашей победы.

– Господи... – вздохнула одна из женщин. – Будет ли она – полная победа?

– Обязательно будет, – ответил комендант. – Я вам обещаю.

Андрею повезло: он увидел своими глазами, как в военное время, невзирая ни на что, творятся справедливость и милосердие. Не каждому дано это увидеть, и тем более не каждый способен это прочувствовать.

Вот так, среди обычных рутинных дел, потихонечку подкрался и конец дня. Андрей уже подготовил и распечатал дневную сводку, открыл окно и с удовольствием закурил. Шериф тоже поднялся из-за своего стола.

– Пойду-ка я сегодня пораньше, – сказал он Андрею. – Семью собирать надо.

Куда собирать, зачем собирать – в уточнениях не нуждалось. Уже несколько дней возле входа висело объявление о том, что готовятся к отправке автобусы для эвакуации семей ополченцев. Людей должны были вывезти в Крым. Через Ростов, Краснодар – и на пароме через Керченский пролив. Дорога получалась очень длинная, автобус делал неимоверный крюк, но все знали, что этот маршрут безопасен, а как известно – самая короткая дорога та, которую знаешь.

– Отправляешь своих?

– Конечно. У меня же трое детей. Не здесь же их оставлять, под снарядами.

– Хорошо тебе. Есть кого отправить.

– А у тебя?

– А я в разводе.

– Один живёшь?

– С мамой.

– А маму почему не отправишь?

– А мама в одной эвакуации уже была. В Великую Отечественную. И ей хватило. Так что она категорически заявила мне, что не бросит ни дом, ни кота. Спорить с ней бесполезно.

– У тебя ещё и кот?

– Что ты! Красавчик!

Шериф ушёл, а Андрей, как и положено, ровно в 18:00 положил на стол коменданта «урожай» сегодняшнего горя – папку с накопившимися за день заявлениями, вернул ему позаимствованную на день куртку и уже было распрощался, но вдруг за окнами громыхнул сильный взрыв. Такой, что в окнах мелко задребезжали стёкла.

– Что-то рано сегодня, – заметил комендант, посмотрев на часы.

– Даже удивительно, – согласился с ним Андрей. – Обычно позже начинается. Часа на три позже. И на всю ночь.

– Домой как добираться будешь?

– Как всегда. Пешком, если никто не подвезёт.

– С разведкой поедешь. Они в твои края сегодня направляются.

Тут же раздался телефонный звонок. Комендант снял трубку, молча выслушал говорившего, ответил ему: «Добро, конец связи», после чего сказал Андрею:

– Какие скоты. В магазин попали. Спасибо, что закрыт магазин был. А будь там люди – сколько трупов было бы?

Андрей увидел в глазах коменданта боль и недоумение.

– А им-то что... – заметил он в ответ. – Мочись в глаза, скажут, что божья роса. А потом будут орать, что ополченцы в очередной раз сами себя обстреляли. По их просвещённому мнению, у нас ежедневно проходят утренний и вечерний самообстрелы. Весь Интернет загадили...

– Ну а что ты хочешь, – ответил комендант. – Это информационная война. Не менее тяжёлая и важная, чем позиционная. Кстати, вот тебе и ещё одно поручение. Каждый день выходи в соцсети и пиши о том, что у нас происходит в действительности. Это важно. Это нужно. Займись.

– Да я уж занялся на днях... Было дело.

– А что за дело?

Андрей ответил, стараясь избегать бранных слов:

– Да нашёлся один... орёл, скажем так, который заявлял, якобы со ссылкой на местные источники, что наш штаб находится не там, где он находится, а на первом этаже детского дома. На втором, соответственно, живут дети, и таким образом, мы здесь прикрываемся детьми от обстрелов. Пришлось ему ответить.

– И что же ты ему ответил? – живо заинтересовался комендант.

– Ну как тебе сказать помягче, чтоб особо не ругаться... Если не учитывать непристойные выражения, характеризующие моральный облик его родителей и его совершенно

нетрадиционную сексуальную ориентацию, то в сухом остатке я сожалел о личном знакомстве с ним, разрывал это знакомство и обещал, что при первой же встрече – а она состоится непременно! – вместо того чтобы пожать ему руку, я набью ему лицо. Собственноручно. И обосновывал это тем, что мне здесь, на месте, виднее, где находится наш штаб ополчения, нежели ему из Москвы.

– Из Москвы?

– Увы, и там козлов достаточно.

– Это точно...

В коридоре послышались шаги.

– А вот и разведка, – заметил комендант, вскочил с места, открыл дверь кабинета и крикнул в коридор: – Ребята, возьмите Штатского с собой! Как раз мимо его дома проезжать будете, заодно и подвезёте.

Андрей молча пожал коменданту руку и вышел из кабинета.

Минут через двадцать Андрей уже вышел из машины возле своего дома. Домой ему сразу не хотелось – он чувствовал себя неимоверно уставшим. Не от физической работы, нет, моральная усталость гораздо хуже, и от неё так просто не избавиться. Отдых и сон здесь малоэффективны, приходится прибегать к испытанному дедовскому средству – алкоголю, при этом отдавая себе отчёт в том, что завтра утром ты должен быть на месте, абсолютно здравомыслящим и без малейшего запаха перегара. И вся сегодняшняя рутина вновь повторится. И то же будет и послезавтра, и потом, и выходных он не увидит очень долго. До полной победы.

Пройдя мимо своего подъезда, Андрей прошагал ещё метров пятьдесят к ближайшему пивняку и дошёл до стоявших на улице столиков, за которыми завсегдатаи пили пиво и по звукам недалёких разрывов довольно точно определяли, куда именно упал снаряд – на заводы, на посёлки или ближе к центру. Ни у кого из них и в мыслях не было устраивать панику и бежать в какое-то укрытие. Ни к чему. Они привыкли.

– Здравствуй, Андрюша! – радушно сказали ему. – Заходи, попей пивка.

– Зайду, – отозвался Андрей. – Но ненадолго.

– А что так?

– До Светы дойду.

Светой звали хозяйку питейного заведения, до которого нужно было пройти ещё метров тридцать. У неё в продаже была водка, потому Андрей, опрокинув в себя кружку пива, поднялся и направился туда – известно, что пивом голову не обманешь. После штабной повседневной рутины ему была просто необходима нервная разрядка. Хотя бы такая.

Заведение Светы, как всегда, было открыто, а сама хозяйка, завидев Андрея, воскликнула:

– Андрюшенька, заходи, дорогой! Выпить водочки пришёл?

– Водочки выпить, точно. И отдохнуть немного.

– Так садись за столик, отдыхай! Я тебе сейчас всё принесу – и выпить, и поесть.

– Спасибо, Света. У тебя здесь хорошо. Уютно. И я заметил – ты никогда не закрываешься раньше времени.

– А зачем мне раньше закрываться? Обстрелы? Да наплевать мне на них. Если снаряд сюда прилетит, так мне всё равно, где меня убьёт, на улице или здесь. А если другие под обстрел попадут, так они хотя бы сюда забегут, здесь укрыться смогут. А я им и водочки налью. И мне всё равно, есть у них деньги или нет. Будут живы – придут и отдадут.

Света не лукавила – она так и поступала. Да и не она одна. На этой же улице под любыми обстрелами работали и магазины, и частники – сапожная и часовая мастерские. Все работники тоже привыкли ко всему. Точно так же, как привыкли коммунальщики, ремонтировавшие электросети и водопровод под огнём, как привыкли заводские рабочие, не прекращавшие работать ни на один день, как привыкли все жители этого осаждённого города, каждый из которых ежедневно совершал свой незримый подвиг. А все вместе эти подвиги складывались в один, единый подвиг. Подвиг города-героя. И не считайте это преувеличением.

Дома мама не спала. Увидев не совсем трезвого Андрея, она вздохнула, но никаких претензий по этому поводу не выразила – и так было ясно, что сын неимоверно устал и потому позволил себе немного расслабиться.

– Сынок, – сказала мама Андрею с порога. – Нам бы с тобой все документы в одно место сложить надо.

– Зачем?

– Как зачем? Ну а вдруг нас разбомбят? Так хоть документы под рукой будут.

Трудно было с этим не согласиться. Мама, как уже было сказано, помнила ещё Великую Отечественную и хорошо знала, что говорит. Тем более, к документам она всегда относилась с пиететом. Но Андрею, вымотанному всей дневной рутиной, было не до сборов и не до документов. Алкогольную разрядку нужно было подкрепить крепким сном, и чем скорее, тем лучше.

– Мама, – вздохнул Андрей, – поверь мне, старому дураку: если нас с тобой разбомбят, то наши документы никому и на хрен не будут нужны.

– Что ж, может быть, ты и прав, – согласилась мама после паузы. – Есть будешь?

– Буду.

Наскоро перекусив, Андрей разделся, рухнул в постель, покосился нехорошим взглядом на изобретение садистов – будильник – и минуту спустя уже крепко спал. Звуки обстрела ему не мешали. Он привык. Такая же рутина.

Он спал тяжело, без сновидений. Да и вообще – какие могут быть сны на войне? Самые разнообразные, могут мне ответить. Согласен. Но лучше бы их не видеть. Как и войну.

А назавтра он опять вскочил по будильнику – и всё повторилось. С небольшими вариациями.

Андрей не носил военную форму, не брал в руки оружие и не воевал на передовой. Но он и ему подобные люди делали не менее важное дело, чем бойцы ополчения, вышедшие против карателей с оружием в руках. Ведь именно там, в считаных сотнях метров от окопов, люди героически пытались воплотить в жизнь мечту Томмазо Кампанеллы о Городе Солнца. Городе справедливости. Конечно же, вокруг было достаточно грязи и крови – даже с избытком. В этой грязи невозможно не запачкаться. Конечно же, они и сами были не ангелами – на войне ангелов не бывает. Но по крайней мере, они попытались. Может быть, что-то у них плохо получалось, может быть, они в чём-то и ошибались, но у них не было времени на повторную попытку – они строили свою жизнь сразу набело.

А сейчас этот город находится под оккупацией. Так случилось, что ополчение было вынуждено отступить. Пришли каратели. Город Солнца был разрушен, не успев до конца достроиться. Но очень хотелось бы туда вернуться и довести начатое до конца. И я на это надеюсь.

Александр СУРНИН

Младшая сестра

В углу у самого входа на табуретке сидела ровненько, дисциплинированно худенькая девочка, от силы лет одиннадцати. Голову укутывал большущий клетчатый платок с обтрёпанными в бахрому концами. Из-под платка строго вперёд смотрели прозрачные серые глаза. В пальчиках она цепко держала сильно потёртую, до белой основы, старую сумку с остатками логотипа DG.

Настроение у Ивана было вполне сносное для этого утра, поэтому столь необычный для полевого блиндажа персонаж не вызвал ни удивления, ни раздражения. Продолжая шагать, он вытащил сигарету из пачки и прикурил, уже откидывая рукой плащ-палатку на выходе. Девочка не шевельнулась, когда он проходил мимо. Как будто даже не заметила, как он протопал вплотную к ней.

Сквозь отвал земли упорно пробивались светлые травинки. Небо было низким и серым. Дымок сигаретный очень органично вписывался в летучий облачный фон над головой. Где-то дальше по линии выясняли отношения на повышенных тонах и, кажется, тяжёлое и мягкое сбрасывали на землю из урчащего вхолостую грузовика.

Иван аккуратно присыпал бычок пригоршней земли. Потом упёрся ладонями в края траншеи и выскочил наверх.

Над позициями дул лёгкий прохладный ветерок. У паукообразного станка «утёса» с философским видом кушали чай с повидлом пулемётчики. Повидло они выдавливали прямо в рот из сухпаёвских пакетиков. Чай прихлёбывали из одной кружки, передавая друг другу обеими руками. Ивана они заметили, но никак не отреагировали, продолжая таращиться вдаль. Он перебрался через задний отвал и побрёл к складу напрямик, чтобы получить свой собственный паёк.

На складе сидел Евгений и смотрел на планшете не то порнуху, не то триллер. Во всяком случае, там надрывно кричали. Не отрываясь от занятия, каптёр сунул Ивану тетрадь. Тот расписался, взял с полки свою коробку с пайком и, так и не произнеся ни слова, вышел.

«Какой-то день всеобщей осознанности, – подумалось ему, – всё делается, как в буддийском монастыре. Все пребывают в точке "здесь и сейчас", сосредоточенны и углублены в постижение сущего. Хотя нет. Грузовик разгружали – ругались. Но, может, это такая духовная практика изживания из себя гневливости через погружение в гнев? Девочка эта опять же сидит неизвестно чья... Похожа на Катьку. Или непохожа? Разве что возрастом. Не разглядел совсем».

Катька была дочерью одной его непутёвой подружки, с которой он пытался соорудить семейное гнездо года два назад. С гнездом, при его образе жизни, не срослось. Они потрепали друг другу нервы, после чего дама с дочкой укатили в свой город, а он остался в своём. Тем не менее за эти несколько месяцев дочь её к Ивану прониклась. Возможно, потому, что он воспринимал её не как вечно мешающее всем существо, а как вполне полноценную личность. Разговаривал, обсуждал её немудрёные проблемы, выслушивал, не обрывая на полуслове. Но она уехала вместе с матерью. Без прощаний и напутствий. Просто собрались, пока его не было, и уехали.

Сегодня у него был законный выходной. Ну как выходной... Просто отделение убыло в город получать ракеты к ПТУРам, а его оставили на тот случай, если вдруг привезут какие-то ништяки из бригады или, может, заблудшие гуманитарщики явят миру неожиданную щедрость. Так что можно было просто ничего не делать, валяться на спальнике и слушать музыку.

С пакетом наперевес он вошёл в темноту и сразу посмотрел в левый угол. Девочки в блиндаже не было. Табуретка была пустой. На лежаках тоже никого. Пахло, как обычно, – лежалым сукном, железом и землёй. На всякий случай вытащил фонарик, посветил в ниши, оставшиеся под потолком при настилке крыши. Там привычно выпирали торцы цинков и старое тряпьё на подменку. Он свалился на своё место, закинул руки за голову, попытался заснуть – не получилось. Заскучал. Решил сделать кофе. Раскрыл пакет с сухпаем, достал упаковки с таблетками сухого спирта, пристроил их на доске, сверху снарядил сиротскую кружку с водой. Когда пошло мелкими пузырями – всыпал два пакетика кофе, размешал широким лезвием ножа. Потом вытащил пайковую же шоколадку, бросил сигарету в зубы и, бережно неся кружку с горячей бурдой, снова выбрался на воздух. По дороге снова мельком глянул в угол – табуретка была пуста.

«Утёсники» в своём «аппендиците» суетились и что-то там мирно скребли лопатой. Уже вторую неделю царило дремотное затишье. Нет, где-то периодически бабахали, но именно на их участке было тихо. Только доносилось гулкое эхо то с одной, то с другой стороны.

Единственное, что было хорошего в кофе, – оно было горячим. И эта бурда была – оно. Называть эту безвкусную, горьковатую жидкость в мужском роде язык не поворачивался. «Откуда ж мелкая-то взялась утром?.. Когда Горыныч со всеми уходил, они вместе и ушли. И никого с утра не приводили. – Эта мысль стала его донимать. – Они меня разбудили, когда собирались, потом я снова уснул...» Он уже жалел, что не остановился, не спросил, кто она такая, что здесь делает. Её пребывание в тот момент казалось столь естественным, что даже в голову не пришло поинтересоваться.

Стараясь не расплескать кофе, он прошёл в сторону пулемёта.

– Артур, а ты не видел здесь девчонку мелкую? Утром.

«Утёсник» с безразличным видом снимал штыком лопаты осыпавшуюся землю. Глянул на него, сделал движение плечами, долженствующее показать, что даже не понимает, о чём идёт речь. Второй номер, жилистый, со сбитым носом, масляной тряпочкой начищал маленькую чёрную деталь, то и дело отводя руку и примеривая её к большой чёрной детали. Он был чуть поживее:

– А чо, кто такая? Мамашу бросил разродиться, тебе дитё подкинули?

– Ну видел – нет?

– Да чо видел? Детский сад на прогулке, чо ли? Какие девочки? Не кури с утра каку всякую, мерещиться не будет.

Понятно, что никого он не видел, но готов от души постебаться. Не ввязываясь в дискуссию, Иван сделал изрядный глоток и побрёл дальше по траншее. В конце зигзага хлебнул ещё пару раз и без сожаления выплеснул коричневое пойло под ноги. Потом выкарабкался наверх и направился к Евгению. Тот снова был занят, на этот раз делом. Шуршал пакетами в углах и что-то себе записывал в блокнот.

– Жень, ты девочку не видел маленькую?

– Не сбивай меня. Какую, к хренам, девочку?

– Ну... такая. Лет одиннадцать, с сумкой. Платок на голове.

– Откуда здесь девочки? Где ты её успел увидеть? Ты был у меня вон полчаса назад всего.

– Да утром выходил, а она сидела на табурете у входа.

– Шо, одна? У нас, здесь?

– Ну а я тебе чего...

Женя остановился, сосредоточенно вписал в блокнот искомые цифры. Потом перевёл взгляд на Ивана.

– Ты шо, курить начал?

– Женя, я никогда не изменял опиумной трубке в хорошем шанхайском притоне. Но здесь не тот климат, не тот антураж и не та страна.

– Да пошёл ты...

– Не, ну, может, видел?

– Не видел я никаких девочек тут. Ни больших, ни маленьких. Ты не проснулся толком, вот оно и примарилось. Обратно шёл – была она?

– Когда от тебя вернулся, не было никого. И мимо «утёса» не проходила.

– Ну, а я шо говорю. Галлюны у тебя, Ваня. Думаешь сильно много про свои шанхаи, оттого и глюки. Кто много думает – у того волосы выпадают.

Иван непроизвольно оглядел обширные залысины на Жениной шарообразной голове. Что-то сократовское было в этом мясистом носе, в мощных щеках, в маленьких светлых глазках, выглядывающих из-под почти брежневских бровей.

«В конце концов, не обязательно много думать о категориях бытия и нравственном, – примирил он свой внутренний протест. – Можно ведь много думать о количестве мыльно-рыльных принадлежностей, исподнем и бабах. От этого волосы не только на голове должны выпадать. У меня бы – точно выпали. С гарантией».

Вернулся в блиндаж. Когда входил, опять покосился на табурет в углу. Там никого не было. На всякий случай ещё раз прошёлся по невеликому их жилищу, оглядел висящие на вколоченных в земляные стены кольях сумки, разгрузки, сваленные в кучу рюкзаки... На первый взгляд всё лежало, как обычно. Даже забытая пачка сигарет всё так же валялась поверх куртки Горыныча. Снова улёгся и на этот раз заснул.

Расслабляться удалось не очень долго – разбудили через пару часов, стали орать на разные голоса прямо в ухо, толкнули, навоняли каким-то жутким парфюмом, уронили железо на печку. Потом все вместе перетаскивали сваленные под складом ракеты. Опять была суматоха и разбор подарков. Потом его как самого отдохнувшего отправили на пост, где он жевал бутерброд с салом и внимательно наблюдал за движением вялых муравьёв между веточек. Когда совсем завечерело, на блокпосту у укропов началась пальба, беспо-

рядочная, как лай деревенских собак. «Утёсники» даже не напряглись. Во всяком случае, плащ-палатка над их лежбищем не шевельнулась. Пальба возникала периодически, пару-тройку раз на неделе, и никакой системы не имела.

Как обычно, поменять вовремя никто не удосужился, поэтому он бросил пост и пошёл искать сменщика. В блиндаже пили чай и громогласно смеялись. В закутке, где раньше пытались сделать что-то типа бани, до самой кромки окопа лежали длинные зелёные ящики с контейнерами ракет. Сверху их успели кокетливо прикрыть сеткой, воткнув в неё несколько облезлых веток от шиповника. Назвать это маскировкой было нельзя, но если воспринимать как вариант ландшафтного дизайна, выглядело довольно сносно.

Взводный Мифаныч травил анекдоты. По позывному его почти никогда не называли, потому что при отсутствии образного мышления Аркадий Михайлович, поступая в ополчение, назвался без лишних затей, согласно своей последней гражданской специальности – Грузчиком. У некоторых, мнящих себя военспецами, позывной вызывал ассоциативный ряд, связывающий Мифаныча с важным государственным ведомством, однако до того, как сделаться грузчиком, он служил контрактником в инженерно-понтонном батальоне. Это был большой мужчина с животом и головой, приплюснутой, как башня танка. Сейчас интонации его были проникновенны, как если бы он пересказывал сюжет «Поющих в терновнике»:

– ...Представляешь, Петька, раздвигает она ночью ноги, а там – Лас-Вегас...

Грохнули ещё более раскатисто, чем обычно. Дядя Миша с чудовищным позывным «Педро», которому на той неделе резали аппендицит, стонал, всхлипывал, держался за живот, но гоготать не переставал. Иван свалил разгрузку с автоматом на свой спальник, присел возле героев на корточки, выискивая руками в полутьме кусок чего-нибудь вкусного. Нащупал половинку помидора, цапнул, отправил в рот. Когда все отсмеялись, предъявил обществу претензию.

Какое-то время, отчаянно увиливая и переводя стрелки, искали ему сменщика. Определили Педро, которому следовало успокоиться и перевести дух, на что тот согласился и, повесив свой автомат за спину, как двухстволку, бережно поддерживая свой порезанный хирургами живот, ушёл наверх.

– Вы утром уезжали, никого не оставляли здесь? – Иван склонился к Мифанычу, который отвлёкся и потянулся налить себе чаю.

– Так, а тебя мы не оставляли, что ли?

– Да не... тут утром девочка была. Маленькая. В платке такая.

– Ваня, ты ж не пьёшь вроде? – Взводный лихо приподнял густую бровь, изобразив командирскую отеческую подозрительность.

– Мифаныч, утром вон там, на табуретке, сидела девочка. Лет одиннадцати. В платке старом. С сумкой.

– А дальше куда она делась?

– Не знаю. Я на склад пошёл к Жене, за пайком. Вернулся – её не было. И не видел никто.

Взводный принял вид сосредоточенной печали:

– Пропало что?

– Да ничего не пропало. Хотя хрен знает, я ж вещи не проверял. Так вроде всё на месте.

– А ну, бойцы, осмотритесь, у кого там что... всё ли на месте.

Наступил лёгкий приступ хаоса и мельтешения. Горыныч, как обычно, не смог найти свою счастливую ложку. Сразу запаниковал, начал обрывать карманы собственного рюкзака, потом полез в соседний, но был остановлен. Ложка вскоре нашлась на столе. Перед поисками он как раз начал есть ею разогретую перловку с говядиной. Других пропаж не обнаружилось.

Иван снова, на этот раз уже всем, припоминая все подробности, рассказал про девочку, сидевшую на табурете. Вспомнил даже, что ноги у неё были голые, но, кажется, она была обута. Не то сапожки, не то босоножки. Ноги голые, и в платье, что ли... Ноги как спички. Глаза серые. Лицо тоже серое. Волос не видно.

Обсуждение, не успев даже разгореться,

как-то быстро свернулось и затухло. Ну девочка. Ну отдохнуть зашла. По дороге. По дороге куда? Бог весть куда. Шла ведь она куда-то. Ничего не пропало, ничего не случилось. Война, тут всякое бывает. В прошлом месяце, когда каждую ночь горизонт рвало сполохами и в ушах стоял непрерывный гул, к блокпосту за полночь подъехал белоснежный джип с двумя невозмутимыми типчиками.

Типчики молча вышли из машины, оставив ключи зажигания, и ушли прямо в поле, в глухую темноту, в чём были. Им вслед поорали, но те будто растворились в чернильном мраке. Машину потом забрали разведчики, размалевали зелёными и чёрными пятнами и некоторое время успешно убивали её на местных безобразных колдобинах. Куда и зачем ушли типчики, откуда у них была машина... Кто знает?

Под нудный и уже слышанный рассказ, как потом разведчики отдали джип миномётчикам, а те подорвались на мине, Иван и уснул.

И неудивительно, что приснилась ему именно эта девочка.

В этот раз смог увидеть, что глаза у неё не серые, а с светло-карие, с прозеленью. Волосы светлые, тонкие – из-под уродливого платка выбивались. Она так же тихонько сидела в комнате с единственным заколоченным окном. Корявые, занозистые доски, утыканные большими ржавыми гвоздями, были набиты как попало, внахлёст и вразнобой. Сквозь щели неярко лился ровный безвкусный свет. В комнате был только стол, совершенно пустой, и скамейки. Некрашеные грубые скамейки вдоль стен. Комната, правда, была так мала, что «вдоль стен» означало одновременно и «возле стола».

Она смотрела в стену перед собой. Молчала.

Иван осторожно подошёл, сел подле неё на корточки, взял за руку.

– Ты кто? Куда идёшь?

Не глядя в его сторону, принялась рассказывать, почти не размыкая губ. Он и слов-то не разобрал никаких. Просто история сама складывалась, сама собой возникала перед ним, слова ложились к словам, образуя незатейливые конструкции.

– Я – Катя.

– Катя? – Он вгляделся в неё пристальнее. Нет. Похожа, но всё-таки... Протянул руку, коснулся платка. В несколько движений размотал, и он тут же исчез, будто его и не было. Ничего не почувствовал – во сне это был чисто технический жест. В снах редко присутствует ощущение материальности. Волосы у неё оказались тонкими, слежавшимися. Похожа, но у той волосы были с заметной рыжиной. А у этой – почти белые. Она не пошевелилась. Потом продолжила:

– Папа умер, потому что его завалило в шахте и он потом долго болел. А мама после этого уехала в Сочи работать на набережной. Давно уехала, ещё года два назад, наверное. А меня отдала бабе Саше, маминой мачехе. И она меня кормила. А потом началась война. И бабу Сашу убило, когда она ехала в маршрутке с рынка. А соседи все уехали ещё раньше, когда только украинцы к нам пришли в город и стали стрелять по нам. А есть было нечего уже. Я собрала сумку тогда, бабы Сашину, и ушла. И шла до самой ночи из города, но заблудилась, потому что я на этих улицах не ходила. Там были развалины и горелые дома. Ночью стали стрелять из пушек, и я спряталась в чей-то пустой дом, на котором крыши не было. Пол в комнате был уже проломлен, но я не заметила и упала в подвал через эту дырку. Наверное, сильно ударилась, поэтому ничего не помню. Вылезти я оттуда никак не могла. Позвала кого-нибудь, только никто не пришёл. У меня с собой была банка с вареньем абрикосовым, которая разбилась вся. Я вынимала варенье со стеклом из сумки, выбирала осколки и ела, пока оно не кончилось. Потом есть стало нечего. Когда был день, через дыру светило солнце. А ночью я ложилась в самый угол, где тряпки, и грелась в них, потому что ночью было очень холодно. А потом стала искать что-нибудь поесть и нашла в углу какие-то грибы, как на картинках, красивые, белые. Я их совсем чуть-чуть поела и сразу заснула, прямо днём. И мне приснилось, что я теперь тоже буду грибом, потому что они волшебные. И мне теперь не надо никуда уходить, а я могу остаться здесь,

вместе с остальными грибами, и жить с ними всё время, потому что грибы никогда не умирают. Вечно живут. Они мне так сказали.

– А как же ты здесь оказалась?

Девочка повернула к нему неподвижное лицо и посмотрела. Это казалось, что она посмотрела. На самом деле взгляд не сфокусировался, хотя и был завораживающе внимательным.

– А я всё равно ушла от них. Они хорошие, но после того, как я стала грибом, мне стало можно выйти из подвала. Даже откуда угодно стало можно выйти. И прийти куда угодно. Поэтому я вышла оттуда и пошла. Мне мама говорила, что у папы раньше другая семья была, и у него сын был, взрослый. Наверное, как ты. И я хотела найти его, потому что он же мне, получается, брат. Раз я маме не нужна, то, может, брату я понравлюсь и он возьмёт меня к себе жить?

Иван стал лихорадочно вспоминать, уходил ли от них отец, и понял, что это совершенная чушь. Куда он мог уйти, в какой шахте его завалило, если он до сих пор жив и спокойно живёт с матерью у себя на Урале. И в шахте он никогда в жизни не работал, потому что всю жизнь был военным. Да и из семьи он никогда не уходил.

– А ты не мой брат? – Она снова смотрела в стену. Вопрос был задан тем же равнодушным тоном, и могло показаться, что ей совершенно безразлично, если бы не напряжённые пальцы, которыми она вцепилась в свою сумку.

Можно было сказать ей, что да, он и есть тот самый её брат. Но это было бы абсолютной ложью. Он ведь и не жил никогда здесь, среди этих бурых терриконов. Просто снялся с места и приехал, когда всё началось. Что ей сказать...

– Нет.

Она не огорчилась. Это даже нельзя было назвать «не отреагировала». Вообще не проявила ничего. Пальцы на мгновение дрогнули и медленно разжались. За щелястым оконным проёмом кто-то быстро прошёл, кинув тень в светлые полосы.

– Катя, ну мы можем вместе поискать твоего брата. Он ведь...

– За тобой пришли. Пора. – Голос у неё всё так же не звучал никак, звуки просто складывались вместе, как в конструкторе. Иван оглядел комнату, но не нашёл дверей. Только окно. Окно, заколоченное досками.

– Катя, ты же не гриб на самом деле. Ты ведь умерла там? Мы где с тобой сейчас?

– Тебе пора, там ждут. – Ни малейшего внимания к его вопросам.

– Да кто ждёт-то?

Снаружи сильно ударили в окно. Громко лопнула рама. Доски вырывали грубо, со скрежетом и хрустом. Шляпка от одного гвоздя отскочила и упала на стол вместе с жёлтыми щепками. Свет хлынул в комнату неожиданно, широким потоком, ослепил. Мгновенно скрыл в своём сиянии девочку. Иван закрыл лицо обеими руками и почувствовал, как этот световой поток уносит его из комнаты, будто сильное течение.

Его разбудили ночью, на пост. Ветер усилился. В придачу полил дождь. В лицо били капли, хаотично, со всех сторон, как попало. В общем, это даже было хорошо. Он несколько раз энергично растёр дождь по щекам, прочистил глаза. Запахнул плащ-палатку плотнее. Сон не выходил из головы.

«Она ведь где-то так и лежит в том подвале. Где это может быть? Семёновка? Марьинка? Я даже не спросил, когда это было. Мать в Сочи... И ни слуху ни духу... Не спросил, как её звали. Где её найдёшь теперь, небось уже бульдозерами с землёй сровняли. И брат. Был у неё вообще этот брат?»

Он изводил этими ломкими мыслями себя всю оставшуюся ночь, даже не заметил, что его не сменили. А утром дали команду сниматься, забирать всё имущество и перебираться южнее. Носил вместе со всеми тяжёлые ящики, швырял в кузов мягкую рухлядь, выколачивал топором деревянный настил, разбирал и бросал в кузов «КамАЗа». Потом они ехали, откинув тент, «любуясь» донельзя унылым пейзажем, состоящим из седой стерни на бурых полях, красно-коричневых терриконов и серого влажного неба. На пролетающей мимо типовой остановке с полусбитой надписью, ему показалось, – она.

Девочка стояла, держа за руку высокого парня в неброской куртке. Старая сумка лежала на бордюре, прислонённая к стенке. Иван вскочил, сунулся к борту, всматриваясь в удаляющиеся фигурки, чуть не упал, запнувшись о зелёное железо. Там, под бетонным навесом, явно стояли два человека. Две фигуры. Одна высокая, чуть сутулая. Вторая маленькая, чуть выше пояса первой.

– Куда ты ломишься?! – Горыныч успел ухватить его за бушлат, не давая вывалиться.

– Кто там стоял, на остановке?

Тот оглянулся назад, на дорогу, потом снова на Ивана:

– На какой остановке?

Дорога поворачивала, и теперь сзади видны были только голые придорожные деревья.

– Где ты там остановку увидал, Ваня?

На ухабе машину дёрнуло, он почти упал кому-то на плечи, вызвав тычки и раздражённый мат. Видел он её? Или просто люди? Совсем другие?

Она больше никогда не снилась ему. Ни в одном сне. Сны снились разные. Яркие, иногда тупые, рождённые убогой матрицей просмотренного вечером фильма. Девочка не снилась никогда, хотя он очень хорошо всё запомнил, даже цвет кожи на её руках, как она говорила, как смотрела. Искать? Искать кого? Он не искал.

Через несколько месяцев они ехали назад, на север, по той же дороге. На этот раз это был не раздолбанный, гремящий «КамАЗ», а вполне приличный «уазик», в котором их сидело всего трое. Все остановки похожи одна на другую, но на этой, заметил в тот раз, вместо названия были только три железные буквы. Вначале «Р», потом длинный пробел и две подряд «АЙ». Когда миновали поворот и взгляд наткнулся на эти куски профиля, сваренные в буквы, попросил остановить.

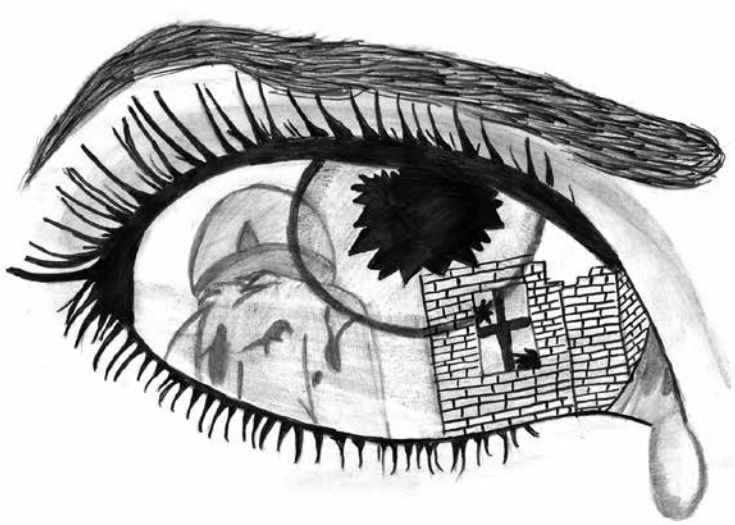
Что там можно было найти спустя столько времени? Вот тут стояли они. Тут лежала сумка с логотипом DG. А может, и без логотипа, может, это он только внушил себе, что видел.

Слежавшийся мусор. Острая зелёная травка, которая пробивается сквозь него. Битые бутылки. Несколько гильз, уже ржавых и рыжих от сырости. Наскальные надписи местной полудикой фауны, нанесённые ещё в мирные времена, почти стёршиеся. Там ничего не было. Никаких следов. Он повернулся к машине, потому что оттуда ему уже махали и корили за задержку, сделал шаг и... замер.

В углу, на остатках жёлтой краски, была карандашная надпись печатными буквами.

«Я тебя люблю. Катя» А

Кирилл ЧАСОВСКИХ,
военнослужащий, г. Луганск



МЫ ВОЙНЫ НИКОГДА НЕ ПРОСТИМ ВАМ...

Ксения РАСПОРСКАЯ

Где смертельная чёрная вспышка
На востоке громит города,
Засыпала седая малышка,
Слыша взрывы в окне иногда.

Засыпала она и, руками
Книжку красную крепко прижав,
Думала о братишке, о Ване,
Что вчера погулять убежал.

Убежал, ту простую книжонку
Не успев дочитать до конца,
И в последний раз видел мальчонка
Тогда мать, и сестру, и отца.

Ведь никто никогда не узнает,
Кого смерть в свой поставила ряд.
Пуля-дура в живых не оставит,
А особенно если снаряд.

И уже не ждёт его мама,
Повернувшись спиною к свечам.
Лишь сестрёнка всё верит упрямо,
Видя брата во сне по ночам.

Снится ей на широкой поляне
Целый строй «сине-жёлтых» солдат,
А напротив стоит смирно Ваня,
Как бесстрашно стоял Сталинград.

Вдруг один, спешно выйдя из строя,
Опускает стальную скобу
И холодное чёрное дуло
Приставляет мальчонке ко лбу.

– Да за что?! – вдруг кричит им девчонка, –
Чем он перед тобой виноват?!

Но солдат лишь прицела наводку
Дал, рывком зарядив автомат.

Через долю секунды мальчишка
Падал к чёрной холодной земле,
И летела с рук красная книжка,
Оставляя листки на траве.

И стояла малышка, от боли
Опустив глаза, полные слёз,
И блестели солёные капли
На концах её белых волос.

Просыпалась седая девчонка
Этой ночью в холодном поту,
Понимая, что больше братишка
Не возьмёт в руки книжицу ту.

Больше он ничего не увидит,
Больше он никогда не придёт,
Потому что вчерашний осколок
Его жизнь навсегда оборвёт.

За какие грехи гибнут дети?
Не за то ль, что родились на свет?
Что мы сделали, люди, ответьте?!
Или всё же ответа и нет?

На минуту хотя б нас услышьте!
Посмотрите в наши глаза!
Они гаснут, как тусклые вспышки,
Замедляя наши сердца.

Мы войны никогда не простим вам.
Вам, всем взрослым, что предали нас.
Никогда не простим той могилы,
Где мальчонка без книжки сейчас.

Анна ВЕЧКАСОВА

Фельдшер по образованию. Член литературного объединения «Радуга» (Краснодон). Участник Первого открытого республиканского фестиваля «Муза Новороссии». Печаталась в альманахах ТО «СТАН» и «Радуга», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса».

* * *

О нет, мы не дойдём до Палестины,
Земли обетованной рубежа.
Мешает вера тоньше хворостины,
Боязнь под сердцем острого ножа,
Возможность в чай подсыпанного яда,
Разрезанной подпруги у коня,
И вероятно, будто так и надо,
Спокойно со скалы столкнёшь меня.
И даже на край света можно было,
Когда б не вера – тоньше хворостины.
О, если б не боялась, а любила,
Давным-давно дошли б до Палестины.

* * *

Ты в далёком живёшь занебесье.
Ни дойти, ни доехать – доплакать.
Не укажешь мне тайного знака,
Даже если Христос и воскресе.
Красит солнце окрестности шири,
Рассыпаются прахом надежды.
Оставляешь меня, как и прежде,
В перевёрнутом маленьком мире.
Появляешься раз в многолетье
Очертаньем немых сновидений.
Пред Тобой преклоняю колени,
В запланетье готова лететь я.

* * *

Где ты, стая моя, стая белая,
Моя дерзкая, гордая, смелая?
Где следы твои, вёрстами меряны?
Неужели навеки потеряны?
Голоса будто струны звенящие,
За игривой луной уводящие –
Всё бежали на зов оголтелые
По весенней земле волки белые...

* * *

Назначьте встречу мне на Патриарших,
В безумный день невиданного мая,
Когда, обшивку чёрных туч взрывая,
Вода прольётся к мостовым, пропавшим
В свирепой пляске грозовых теней,
В слепящих бликах мечущихся линий,
Исполнит фугу разъярённый ливень
На до смерти испуганном окне.

И в дикий час, когда другой дороги нет
И мир проявится забытый и незримый,
Навстречу выйдут те же пилигримы...
Знакомый профиль, чёрный силуэт...

Сергей ПРАСОЛОВ

* * *

Когда события очерчивают круг,
Когда свершенья горестней лишений,
Когда нераздвоимы враг и друг,
Когда пугают собственные тени
И мятежи сменяются смятеньем,
Несносный и глухой,
Молчит мой дух.

Не минул день-деньской, но канул
долгий год.
Вчерашний хам смиренно служит Богу,
Клеймённый тать опять ведёт народ
В грядущее испытанной дорогой.
Надзор всё тот же, тщательный и строгий,
И вождь привычно разевает рот.

Чего же ищешь ты, и друг, и брат?
Глянь – в лавровом венке
из собственных заветов
Идеализм неистовой планеты
Материальных требует затрат.
Кому какой отсчитано монетой –
О том споёт седоголосый бард
На склоне лет или на склоне лета.

Энтузиасты гонят время вскачь.
Не различить потешных наших братьев:
Где в штатское одетый демократик,
Где ряженный в спасителя палач.
В усердии, по-бычьи выгнув выи,
Всему свободы пишут роковые.
Молчи, моя душа, молчи, не плачь!

Не мудрствовать. Не славить. Не стенать.
Жить по себе, своей достойно воли.
Ни хлеба этого, ни этой горькой соли,
Ни неба, ни земли
Не отнимать.
Вселенную, прозренную ночами,
Нести без оправданья
За плечами
Туда, где ждут уже отец и мать.

* * *

Босой,
В коротеньких штанишках
(их мама шила давними ночами),
Осиянный
Вихрастым солнцем,
Пропитавшим сны,
В свой дом я возвращаюсь по стерне
Неутолимой памяти.

Мир создан был вчера.
И неизменны
И суть вещей, и вещи,
И ветреные боги
Благосклонно
Внимают не молитве и не жертве,
А только шёпоту
Ещё бессмертных душ.

Ещё в карманах хлеб
На целый день,
И камешек проворный по воде
Ещё скользит,
И голоса друзей ещё подобны птичьим,
И девочки ещё полумальчишки,
И соседи (ещё никто не умер)
Собираются под вечер
Играть в лото.

И городок прилёг одноэтажно
В языческой степи,
И оседает пылью седина дороги,
По которой
Кочуют судьбы тех,
Кто поля
Ещё не перешёл.

А в безбрежье лета –
Безбрежье трав и лет,
И нет ещё
Пустой стерни
От скошенных надежд.

– Сыночек, бегай босиком!
Сначала больно,
А потом привыкнешь.

И было так. Но стало вдруг больней.

Людмила ГОНТАРЕВА

Филолог по образованию. Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской Народной Республики, Восточноукраинской писательской общественной организации имени В. И. Даля Союза писателей России, Межрегионального союза писателей.
Печаталась в альманахах ТО «СТАН» и «Свой вариант» (Луганск); журналах «Склянка Часу» (Канев), «Российский колокол» (Москва), «Родная Ладога» и «Невский альманах» (Санкт-Петербург); коллективных сборниках «Час мужества», «За други своя», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса» и др.
Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009».
Лауреат премии имени «Молодой гвардии» (2011 г.).
Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова (2015 г.).

* * *

Кто-то новые с радостью носит ботинки,
Кто-то упорно копит на пальто...
У Донбасса в сердце сегодня льдинки,
Наш Донбасс уютный уже не тот.

От ночного бденья устали веки.
Мы теряем в спорах своих друзей.
Если это истории новой вехи,
Значит, каждое утро – большой музей,

Где ещё находим по телефону
Самые близкие голоса,
Где молиться нужно родному дому,
Что от слёз вытирает тебе глаза...

Кто-то очень жестоко размазал кашу
По тарелке времени и в умах.
Наш донбасский уголь – это не сажа.
Здесь суров характер и велик размах!

Здесь степное поле и свободный ветер.
Здесь крепка и водка, и надежды нить...
Мы с тобой, товарищ, за беду в ответе,
И за счастье тоже по счетам платить...

Только будет утро, и наступит вечер.
Сосчитает небо всех своих бойцов.
Но уже не верим фразе «время лечит»,
Ведь над степью радуга ранена свинцом...

* * *

Это словно кино, как в больном сне,
Опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звёзды в ряд
В карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы – шрамом на лицо...
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имён лежат.

Танки в интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего», вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
В самом безопасном месте он живёт.

Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать надрывно мы обречены
Хронику ненужной, непростой войны.

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы – живы,
Пошли на землю свой конвой
Гуманитарный. Тянет жилы
Сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
За всех солдат молиться будем
На той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
И сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
Мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
От миномётного огня,
Стрельбы и ненасытных «Градов»
Мы сами не спасём себя...

* * *

Мне снился сон: зима, босые ноги,
Расхристанный ветрами Петербург;
Там вечный снег разлёгся на дороге...
Дом, лестница, перила, небо... Вдруг –
Я вниз смотрю. А там – дворы-колодцы;
И стук копыт, и Невский – за углом...
Который год – январь, и нету солнца.
И в битве столько наших полегло
За золото сентябрьского разлива,
За звонкую весеннюю капель...
Я календарь листаю торопливо:
Зима, зима, зима... забыт апрель –
Расстрелян был в Октябрьском переулке.
Я вниз смотрю. Я вижу сон: разбит
Весь механизм часов. И только гулкий
На колокольне звон... Спас – на крови...
Легчайшим пёрышком на землю – время...
Морозный воздух чист и невесом...
Слова молитвы снегопад прогрели –
Возможно, будет март... Мне снился сон.

* * *

Боже, раскрой над домом моим синий
зонт небосвода
И слёзы смахни с окон-глаз радуги полотенцем.
Тот материк, где я есмь, открыто
встречает восходы
И провожает беспечно составы со станции
детства.

А писем не стоит ждать: листовками листопада
Кружится моя печаль, чтобы заполнить сцену.
Есть вечера светлый час, когда ничего не надо.
Над миром царит покой – тих, одинок, бесценен...

До Вечности только миг. Качаются занавески.
Негромкий огонь свечи ещё вдыхает мой голос.
И беспокоит лишь взгляд мальчика
с древней фрески,
Что под прессом времён морщинами
раскололась.

* * *

Свой угол в коробке города.
Чёрный байховый чай. Кофе молотый,
Аромат которого щекочет тонко ноздри,
Как до восхода солнца, так и после.
Свой угол... Но и там порою паутина
Жеманно в складках прячется картины.
Настенные часы ведут борьбу с глаголом:
Иди, спеши, лети... И всё это на голом,
Столетий мхом не утеплённом месте.
Ещё понятия любви, заботы, чести...
Объятья пиджака со спинкой стула.
Пузатый самовар с пометкой «Тула».
Предметов незатейливых детали
По стенкам растеклись горячей сталью
В ленивом фокусе зрачка. Прикрылись вежды.
А за окном стремительно одежды
Сменил на наготу осенний сад!
Он удивлён, пристыжен и не рад
Как будто бы безумной перемене.
Но чрез какой-то миг ему на сцене
Царить и поражать убранством пёстрым,
Все чувства до краёв свои заполнив остро!
...Нам ближе неподвижные предметы:

Комод, сервант, диван и кресла – это
Несостоявшегося блага атрибуты,
Когда, накормленный, подстриженный, обутый,
Ты мечешься в углах своей квартиры,
Ты – пуля и мишень в пространстве тира,
Способная пронзить себя собою!
...Но как удачно ведь подобраны обои.
И мебель – в тон, и даже выключатель,
Листы бумаги с фирменной печатью.
И струн извечная тугая напряжённость.
И фикуса в окне вечнозелёность.

* * *

В двадцать ноль-ноль вымирает город,
Тишиной напрягая случайных прохожих.
А за стеной невидимый ворог
Разводит костры прямо у подножий
Гор и домов, окутанных в мрамор
Недолгих столетий и вечных мгновений.
Тонкие пальцы растений за рамой
Касаются стёкол мужей откровенней.
В двадцать пятнадцать усталая кожа
Примет черты целлюлитного воска.
Скрипка минорные крылья сложит,
Переместившись в футляра повозку.
В двадцать с немногим ещё есть время
Перемыть после ужина чашки и ложки.
Месяц младой в фиолетовом небе,
Как сексапильный герой с обложки,
Смотрит в окно немигающим оком:
«Как?! Вы не приняли анабиоза
Порцию?» Пятимся в темень боком,
Наконец принимая обмякшую позу.
В двадцать, три четверти, ждём на диване
Заставку привычную передачи
«На добраніч, діти!». И в сна кармане
Ещё надеемся на раздачу
Осколков утра. Кому – побольше,
Кому – поярче, кому – в стакане.
И так по кругу в рутинной толще
Бредём годами, летами, веками...

* * *

Я была три тысячи лет вперёд.
Я вернусь, чтобы стать, может, Жанною д`Арк.
А про смерть перевозчик бесстыдно врёт,
Особенно подле девятых врат.
Бесконечность свернулась змеёй во мне.
У фантазии сотни причудливых веток.
Я растворяюсь огнём в огне –
Отыщите меня в лабиринте клеток.
Я тянусь к земле через толщу небес:
Только сверху крест – словно крыльев взмах.
Моё поколение вечных невест
Нарушает привычного хаоса крах.
Я – непридуманных кладезь цитат
Из книг ненаписанных, изгнанных, лишних
О героях из Римов, Парижей, Итак
(Время в утиль ваши подвиги спишет)...
Но песок бережёт все ничьи следы,
Верность ветрам перемен храня,
Чтобы, выйдя однажды водой из воды,
В нём осталась незримо и моя ступня.

* * *

Будет холодно первые двести лет.
После – боль и разлука войдут в привычку.
На ресницах – иней, в ладонях – снег,
Только каждое утро на перекличку
Ты торопишься, словно уже вот-вот,
Не сегодня-завтра наступит лето,
И нежданным гостем рассвет придёт,
И своё откроешь кому-то небо.
Время новой сказке напишет речь:
«Это – пудинг, Алиса, а это – сердце...»
От него нельзя ничего разжечь
(Я – не Данко) – можно слегка погреться.
Будет холодно первые двести лет.
Сохраняйте спокойствие в катакомбах.
Да пребудет в тёмном тоннеле свет,
Пусть река застыла недугом в тромбах.

Береги себя на крутых виражах.
Двести лет – подумаешь – разве много?!
...На ресницах неба дожди дрожат,
Да пугают вздохи единорога.

Ирина ЧЕРНИЕНКО
г. Краснодон, пос. Урало-Кавказ

Руководитель литературного объединения «Радуга» (Краснодон).
Участник Всеукраинского фестиваля поэзии «Элита-2006» (г. Луганск). Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009».
Печаталась в альманахах ТО «СТАН» и «Радуга», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса».

Дневник необъявленной войны

Я не ставлю дат над тихой строчкой.
Дни безлики в сущности своей.
Только время властвует над точкой.
Только время делает людей.
Начинает там, где всё созрело,
Возвращает то, что ждут давно,
И уходит, если надоело,
Накрывая беспробудным сном.
В этом мире я его частица.
Мой отсчёт на мне и для меня.
Если время вырвало страницу,
Если время выбрало страницу,
Значит, время истово молиться,
Даты убирая в свете дня.

Краснодонский район, пос. Урало-Кавказ, 3 км до границы с РФ, июнь, 2014 г.

До восхода солнца, пока тело ещё обнимает прохладный воздух, я, моя соседка и двоюродная сестра Татьяна хозяйничаем на огороде. Борясь с сорняками и рыхля грядки, мы умудряемся обсудить и наши житейские проблемы, и дела мирового значения, в то время как где-то гремят орудия, гибнут люди, рушатся здания и судьбы. Это утро по-особенному врезалось в память. Разговор не получался. Фраза «...мы тут как ни в чём не бывало огородничаем, а в Славянске проливается кровь невинных людей...» тревожила душу. Вечером, после работы, после разговора о положении на Украине, сестра предложила послушать песню «Вставай, Донбасс».

Во второй половине следующего дня с востока послышались раскаты грома. Я убирала после обеда со стола, мы всей семьёй находились в доме. Кто-то радостно воскликнул: «Кажется, сегодня день не поливочный – будет дождь». Запыхавшись, во двор вбежала сестра.

– Послушай, это стреляют пушки. Ты что, не слышишь автоматные очереди? Это не гром! Смотри, за посадкой дым от снарядов!

Побелевшие, плотно сжатые губы скрывали разбуженный страх. А оттуда, где по осени мы встречаем утреннее солнце, ветер гнал клубы дыма с ещё незнакомым и непривычным запахом разрушительного пороха. В этот день мы познакомились с войной, которая для нас началась 20 июня 2014 года.

Кто обстреливал таможенный пункт у Изварино, мы не знали. Забравшись на крышу садового душа, я пыталась что-либо рассмотреть за посадками на горизонте, из-за которых доносились звуки, раскатистые, глухие, металлически-резкие, от них ощущалось содрогание земли. В душу проникало ещё не осознанное беспокойство. Я не замечала, как в какофонию грохота боя вплеталось пение птиц, жужжание пчёл, тихий шелест листвы.

Я пришла в непривычное состояние. Находиться в доме не было сил: внешние звуки смешивались, и казалось, что грохочет со всех сторон, что ты в окружении опасности и выхода нет. Появилась необходимость слышать, далеко или близко идёт бой, что приравнивалось к «будем жить или...» – вторая часть не озвучивалась, но подразумевалась. И только теперь стало понятно, что действительно «страх – дитя неизвестности». И только в этот день я осознала, что я дочь Божья и он меня любит.

Бой продолжался до глубокой ночи. Домашние тихо разошлись по комнатам. Уснуть не получалось. Воображение рисовало разнообразные картины. Я знала: там, где шли бои, в ожидании оформления документов находилось много легковых машин с людьми, детьми. Уезжали в Россию. Рядом с пропускным пунктом – домостроения жителей посёлка. Вспомнилась собака на цепи у будки, её забыли во время августовского пожара в нашем посёлке. И вдруг яркие вспышки света располосовали темноту комнаты. Над домом загрохотал гром. Дочь тревожно выкрикнула: «Стреляют!» – «Нет, нет. Спи. Это пришёл дождь». Он всё-таки пришёл. Пришёл неистово, надрывно швыряя потоки воды в стёкла, в стены, мне казалось, он закрывал, защищал нас от разрушающей силы войны, а может, хотел сказать что-то очень важное.

Утром мы обнаружили, что для нас началась новая жизнь. С этого дня время разделилось на «до» и «после». И то, что ранее, «до», было незаметным, малозначительным, приобрело вес и значимость. Целый мир со своими задачами, сносками, допущениями и ожиданиями стал другим. По переулку в направлении государственной границы на большой скорости проносились легковые машины. К полудню меня пригласили во двор сестры, и я узнала, что «*Донбасс встал*» и она спешно уезжает в Белгород (РФ) к дочери. Эта новость была ошеломительной. Я видела заплаканные глаза сестры, слова племянника ввергали в бездну безысходности и отчаяния. Он говорил, что границу минируют, что утром расстреляли автобус с пассажирами у рынка, что к городу подходит колонна украинских танков и в первую очередь будут ставить шестнадцатикилометровую буферную зону с Россией, посёлок входит в неё. «Не может быть, – шептала я сухими губами. – Хорошо, я присмотрю за подворьем, но сохранить огородные грядки не обещаю». На прощанье сестра обняла меня и скороговоркой пробормотала: «Заберите себе холодильник, он же новый...» Я ревела весь вечер, да простит меня Всевышний, и проклинала тех, кто развязал эту войну. Меня не зацепили слова племянника, они мне показались пошлыми, как компьютерные игры, которые далеки от реальной жизни, жизни, в которой действуют другие законы, неподвластные уму человека. Меня озадачила реакция сестры и возмутила наглая самоуверенность лиц, развязавших криминальную кампанию на уровне государства. Всё-таки успокоила меня мысль, что она уехала на время военного положения, вроде бы как в гости. Стало легче дышать.

Последующие три дня мы слушали отголоски бушующей кровожадной стихии за посадками, холмами на трассе Изварино – Краснодон. Угрожающий звук то приближался, то удалялся. «Кто победит?!» – вопрос стал основой дня. Мир медленно делился на «наших» и «чужих». Промежутки заполнялись работой. Именно работа отвлекала и лечила.

2 июля канонада поставила точку и начала с нового абзаца новый сюжет моей жизни. На работу я ехала в автобусе в непривычной тишине. Пассажиры были хмуры и молчаливы. Ближе к обеду вновь началась канонада. Поползли слухи о тяжёлых боях на урало-кавказском повороте по трассе Краснодон – Изварино. Из города выехать в посёлок привычным маршрутом и рейсом не представлялось возможным. В районе «девятки» вооружённые ополченцы остановили рабочий автобус в связи с опасностью на дороге. Говорили, что идёт обстрел машин снайперами. Услышав, что мы всё-таки хотим вернуться в посёлок, ополченцы пошутили: «Ну тогда жарко вам будет там. Прогноз погоды, что, не слышали?» Пешком идти через посадки моя спутница отказалась, и мы наняли за приличную сумму такси. Знакомый таксист, держась за баранку, с жаром убеждал нас в безвыходности положения, необходимости собирать вещи и уезжать в Россию. Рассказывал о том, что за таможней развёрнуты лагеря для беженцев и там помогают всем, а тут скоро установит свои ракеты НАТО, что нас давно слили американцам и всё такое. Я не соглашалась, спорила, доказывала. Мой главный аргумент звучал, конечно, наивно на фоне реальной ситуации, но именно он давал мне силы и веру, что всё будет хорошо. «Здесь могилы моих отцов, дедов. Эти шахты строил мой дед. Землю обрабатывала бабка. Отец добавил себе два года и ушёл на фронт во время Великой Отечественной. Я не имею права их предавать!» Бросилась в глаза пустынность дорог. Ехали через Суходольск, по объездной. У гончаровского переезда нас встретила машина с военными, готовыми к бою. На нас смотрели дула автоматов, экипировка... «киношный сценарий» в реальности. Кажется, «свои». Высадив меня на поселковой остановке, машина резко развернулась и, взметнув мелкий гравий, бросилась по пустынной дороге к спасительному переезду.

Две недели посёлок был отрезан от большой земли. Возвышаясь над Большой Каменкой, лесопосадки, терриконы представляли для противника удобную огневую позицию. С урало-кавказских холмов хорошо видна южная и восточная панорама степей. Рядом граница РФ. Сюда «они» и рвались. Кто «они»? «Укропы», «нацики», «бандерлоги» и ещё разная обзываловка. СМИ напрягали недосказанностью и изобиловали натуралистичными описаниями разрухи и боли. XXI век цинично попирал законы общежития. Во главе создавшейся идеологии стоял культ войны. Она пропитала, как плесень, каждый уголок жизни и вынудила даже отъявленных атеистов воскликнуть: «Боже, как ты можешь такое допускать!»

Подвал превратился в уголок земли обетованной. Как-то сами собой у двери появились лопата, лом, баклажки с водой. У стены, на кирпичах, сложились деревянные нары с барской периной, и видавшая всякое в своей жизни шуба заняла соседний гвоздь рядом с фуфайкой. В восточном углу на перевёрнутом ведре устроилась свеча. Ее спутница – спичечная коробка, тщательно завёрнутая в пластиковый пакет, – была рядом. И уж совсем, казалось бы, неуместная, здесь находилась икона. Старенькая, она чувствовала сырость и всем своим видом доказывала необходимость выхода на свет, к теплу. Наши желания были общими.

Когда часы показывали, что скоро полдень, я начинала злиться. Каждое утро полностью было подчинено войне. Сколько пролетело снарядов надо мной, я уже не считала. Подумалось, что когда я выйду из подвала – если выйду, – то увижу вокруг одни развалины. Тут же, громко выругавшись, прогнала мрачное видение от себя. Как же, во дворе у сестры некормленые собака Пират, кот Тимофей, петух и пять курочек, ещё пять приблудившихся разномастных котов, брошенных беженцами. Своя четвероногая лохматая жив-

ность в составе собаки Данки, кошаков Мурки и Маньки. И старая соседка тётка Надя. Вредная старуха вернулась от сына на такси во время бомбёжки домой – умирать. А грядки с огурцами? А многообещающие морковь, капуста, подрастающие для детей и внуков? Все ждали внимания и заботы. Так что моя жизнь была насыщенной и востребованной.

А в доме царила непривычная отстранённость. У входа – сумка, набитая самыми необходимыми вещами и продуктами. Этакий дежурный багаж. Как хотелось мне, чтоб он не пригодился! И каждый раз, глядя на неё, я вдруг вспоминала, что надо что-то добавить, а что-то выложить. Сознание оттачивалось и приспосабливалось к реальности. Именно в этой ситуации понимаешь свою сопричастность ко всему, даже к запредельному. Я стала разговаривать с домовыми. Ухожу из своего двора в соседний – прошу, чтоб мой домовой охранял усадьбу, ведь это же и его крыша, комфорт, ухожу из соседнего – прошу соседского домового о соблюдении заботы и порядка во дворе сестры. А что мне оставалось? И они меня слышали! Слушали! И мы молились вместе и делили вместе и беду, и радость. Радости, конечно, были. Простые радости мирного бытия.

Мыть посуду с перерывами на обстрел – знаете, это испытание не для меня. Но я достойно его выдержала. На пятый раз я уже вытирала мойку и отжимала посудную губку. Меня словно разделили на несколько частей. Я слушаю шелест пролетающих снарядов, ориентируюсь в бомбёжке. Далеко-близко-опасно. Я слежу за сохранностью продуктов (поскольку снарядами нарушили электросеть и холодильник оказался в вынужденном отпуске) и своевременными обедами и ужинами. Я ежеминутно удерживаю сознание в молитве, чтоб не скатиться в злость и отчаянье. Я излучаю веру в благополучное завершение бомбёжки. Я слежу за наличием всего необходимого в подвалах. Да, да, подвалах. Пригодился и подвал сестры. Он всего-то в 100 метрах дальше нашего, а слышимость взрывов и вибрация всё-таки меньше. Скрашивали наше смутное время соседи. Вдруг для меня (начинающего психолога) обнаружилось, что организация психики у людей действительно разная. Соседка, закутавшись в одеяло, втиснувшись в угол, сидела неподвижно. Её присутствие осознавалось, когда пролетал очередной снаряд. Она произносила: «Это далеко?» – и мы её уверяли, что это далеко. Мужчины говорили о политике, о военной технике. Иногда о работе. Сидеть всё время в подвале было невыносимо. И как только затихал грохот, мы принимались за домашние дела. Сбор огурцов, закупорка, прополка, полив... Как-то при разговоре знакомая обронила: «Кому, нацикам заготавливаете?» Я ответила: «А что, они тоже кушать хотят».

То, что *нацики* (так мы называли пришедших к нам с оружием) тоже хотят кушать, стало очевидным, когда заходившие в посёлок стали говорить, что из «Южного котла» (бои для «наших» складывались успешно), а *нацики* ходили по частному сектору и просили еду. Кто даст хлеба, а кто и прогонит. С этого времени «чужие» разделились на *«нациков»* и бандитов. Чисто по-бабски стало жалко *нациков*. Из СМИ выходило, что призывают молодых *западенцев*, наобещают денег, наврут с три короба, что будут они защищать мирных людей от сепаратистов, террористов, – и отправят в пасть смерти. Сколько их погибло на холмах Краснодонщины, знают только те, кто их сюда отправил. Забирать погибших и раненых не спешат, короче, «пропали без вести». Во время одной из встреч с командиром батареи увидела на его мобилке фото захоронения, мародёрства и чудовищного кощунства по отношению к погибшим со стороны своих же военных ВСУ. Сколько же матерей и жён никогда не узнают, где и как погибли их родные. Насколько же должны быть бесчеловечны командиры, которым безразлична судьба, да что там – жизнь подчинённого солдата. И как же безропотны, бездумны солдаты!.. Эта война станет в истории позором для украинской нации.

Собаки встречали начало бомбёжек скулежом и завыванием, песня не для слабонервных. Свою мы отпустили с цепи, а вот соседского пса Пирата побоялись (ещё не знали его

Мемориал памяти погибших краснодонских ополченцев, Краснодон

темперамента), и видеть его отчаянное положение было трудно. Как точно собаки определяли начало обстрела! Данка собиралась и быстрее нас оказывалась в подвале. Один раз в подвале, привыкшая прислушиваться к любому звуку, я определила незнакомые звукосочетания. Когда я поняла, что это, то смеялась так, что разбудила храпящую собаку. Пират же каким-то неведомым чутьём определял начало обстрела. Он начинал рваться с цепи, неистово лаять и за мгновение до смертоносного звука забивался в будку. А как повышалась их бдительность, когда на улице появлялись люди! По лаю дворовых собак я определяла направление движения человека или группы людей (что теперь редчайшее явление в нашей местности).

Как-то утром, воспользовавшись неожиданной тишиной, я собирала огурцы. Ведро уже было наполнено, когда я услышала тяжёлые шаги большой группы людей. Осторожно выглянув из-за дома, увидела колонну военных. Это были в основном молодые ребята. Непривычная для глаз военная одежда, экипировка, оружие вызвали всплеск эмоций, но, овладев собой, я заметила, как тяжело они шли. Несмотря на предупреждение не выходить со двора ни под каким предлогом, я отворила калитку. Наши глаза встретились. Некоторые ребята отвернулись. Что-то толкнуло меня, и я дрогнувшим голосом сказала: «Храни вас Бог. Ребята, скажите, когда же это всё кончится?» От колонны отошёл средних лет мужчина с чёрной банданой на голове, улыбнулся устало и ответил: «Скоро, дивчина, скоро! А огурцы у тебя не горькие?» Я молча протянула ему ведро. Через несколько минут солдаты улеглись под деревом вповалку, кто как примостился, и тут же уснули, оставив на волю судьбы свою жизнь. Я смотрела на их измазанные лица, руки и боялась потревожить, возможно, короткий сон. Сколько разных чувств я ощутила! Жалость, гордость, умиление, презрение, радость и... боль. Кто мог подумать, что придёт сюда война! Что вот эти мальчики возьмут оружие в руки и будут защищать нас и убивать... А кто враг? Свои же славяне! Боже, неужто мир ослеп, оглох – не

слышит и не видит слёз и проклятий матерей?! Люди!!! Кто вас сюда прислал... умирать, сгорать в страшном аду «Градов»?

Мир жил своей жизнью вопреки военному сценарию. Парочка диких голубей-горлиц поселилась в наших местах давно. Сначала они жили на старом дубе. Потом перебрались на грецкий орех. Раскидистое дерево давало им приют. Нежное воркование неразлучных горлиц удивило во время очередного обстрела. Когда звучал шелест пролетающего снаряда, они сидели и ворковали, как будто всё в мире спокойно, и только во время взрыва они замирали на мгновение. Никакой суеты, паники, нервозности. Мгновение недоумения – и всё! Потом перелетали на другое место и продолжали свой разговор. Курочка Принцесса, привязанная за ногу у стола, удивляла не меньше. Я намеренно вышла из подвала, чтоб посмотреть, как она реагирует на взрывы. К счастью, во время моего эксперимента я была одна на все четыре стороны, не считая соседки, тётки Нади, которой я давала команды, когда обязательно надо прятаться в подвал, а когда не обязательно. И вот череда наших холмов стала принимать огненные передачи. От кого? А бог их знает. То приближающийся, то удаляющийся рокот тяжёлой техники привязывал мой слух к южной стороне посёлка. И оттуда к нам летали «обратки», низко, злобно шурша, разрезая воздух один за одним. Тяжёлое «ух» приводило курицу лишь к приседанию, а потом она вновь принималась клевать пищу из перегнойной кучи. Это надо было видеть. Взрыв – курочка присела, не двигаясь, настороженно обвела своими круглыми глазами территорию вокруг и, наверное, не обнаружив ничего опасного, – вновь принялась за своё. И так всё время! Эх! Как я ей завидовала! Вот так запросто переключать внимание – это же спасение. А я в минуты тишины – как натянутый канат, хоть играй «Реквием».

С начала войны я отметила, как нарастала мощь военной техники. А ещё я отметила, что Богу было угодно, чтоб я только слушала войну. Где-то, разрывая тишину, двигались колонны тяжёлой техники. Вписывались в злобу дня танки, самоходки, зенитки вместе с самолётами-«сушками», потом появились системы «Град», «Тайфун» и даже баллистические ракеты. Сила их звука невольно сжимала тело, и со временем стали болеть почки. Психосоматика работала на все 150%. Приходилось брать себя в руки ради сохранения остатков здоровья. Но за время осады посёлка я похудела на семь килограммов. Заметила, когда стала наступать на подол длинной любимой юбки. Что-то она стала длиннее? Надо сказать, что и моё зверьё нелегко перенесло бомбёжки. По непонятной причине околели две курицы. Приблудные коты, несмотря на нормальную кормёжку, стремительно худели, просматривались признаки расстройства желудка, и, скрывая факты от домашних, мне пришлось потом похоронить с разбежкой во времени четырёх котов. Мне, верующей, но глубоко сентиментальной, это далось тяжело. Потом пришлось приложить немало усилий, чтоб вылечить остальных. Самым действенным лекарством оказались тёплое доброе внимание и забота, возвращавшие им веру, что всё будет хорошо.

14 июля 2014 года ополченцы оттеснили от Краснодона *киевскую рать*. Можно было бы вздохнуть с облегчением, но начались обстрелы Луганска и Донецка. Я поняла, что теперь боль за жизнь людей, городов и посёлков стала неотъемлемой частью моей жизни.

И ещё я поняла, что жить в частном секторе всё-таки чуть лучше, проще. Во время налётов «сушек» не надо бежать по лестничным площадкам, сбивая колени от страха, в бомбоубежище, которое может быть за квартал от дома. Между боями можно заняться огородными делами, в принципе овощи, фрукты, зелень – под рукой. Снята зависимость от магазинов, рынка. И работа на земле успокаивает. Зона контроля пространства, воздуха здесь шире, значит, и больше возможности избежать опасности. Моя неосведомлённость в военном деле рисовала в воображении полёт-траекторию бомб с самолётов, как во время Великой Отечественной войны, как показывали кинохроники. Но в современной реальности методы убийства оказались изощрённей. Сосед в своё время служил на аэродроме и, коротая

часы вынужденного подвального жития, объяснил мне, как происходит бомбёжка с «сушек». А их мы узнавали уже по звуку.

Первая встреча запомнилась. Самолёт пошёл на третий круг (значит, определена цель). Снижая высоту, пилот готов нажать на гашетку и отпустить смерть. В этот момент эта кровожадная машина издаёт такой отвратительный, нарастающий звук, как будто ищет и зовёт только тебя. Дважды в день «сушки» тревожили наше небо и ранили, убивали нас. Почему-то посёлок заинтересовал ВСУ. И ранним утром, после двух кругов, «сушка» сделала «подарок» к 100-летию посёлка, разрушив два двухэтажных дома. К счастью, никто не пострадал. Но репутация украинской авиации умерла для меня навсегда. После того как снаряды попали в охранный домик РМЗ и погибли люди, возмутилась и сама Природа. С востока, грозно вздыбливаясь, пошли грозовые тучи. Раскаты грома вытеснили бешеных пилотов из нашего неба на запад. Дождь лил два дня, то стихал, то усиливался. А я, припадая лбом к пахнущей жизнью земле, благодарила Небо за то, что оно дало нам шанс ещё раз понять, что только Оно знает, как, когда, кому и сколько жить. В небе над Краснодоном стальные вороны не раз кружили, выискивая добычу, но сами находили смерть. Когда я всмотрелась в подбитый самолёт на западной стороне, я вздохнула с облегчением. Всё! На южной стороне – сбит, на северной – сбит, этот подлец – последний. Снижаясь, неуверенной «походкой» подбитое тело «сушки» планировало к посёлку Краснодону, где его, думаю, достойно встретили. Действительно, налёты прекратились, то ли украинские самолёты все посбивали, то ли деньги на их полёты кончились. При любом раскладе мы были благодарны Богу за это. «Лётчик-налётчик»... Я не представляю, с какой совестью за штурвал садится мужчина-воин, получивший образование в мирное время, и бомбит мирных людей, их дома.... Как он спокойно спит дома и что он рассказывает своим детям, жене о своей страшной работе? Я ему даже не сочувствую, мне его искренне жаль... Какую судьбу он готовит себе, своей семье?..

Город наш оживлён только по утрам: беготня по магазинам, закупка остатков продуктов, исчезающих с прилавков, и неполная загруженность на работе. После двух часов город замирает, лишь изредка машины с беженцами да военный транспорт напоминают своим присутствием о реальности происходящего. И ещё я поняла, как влияет на состояние коллективный настрой, как много упаднических слухов и сплетен. Слухи – это удивительная способность человеческого общества изменять окружающий мир. «Всё закончится в первых числах августа...» «В сентябре мы проснёмся в новом государстве...» Ах, как хотелось верить, что мир придёт и уже никто не будет прятаться в подвалах. Но сроки смещались, и смещались границы войны. Всё глуше и глуше слышны раскаты орудий. Вот уже отбит у *нациков* луганский аэродром, который получил смертельную дозу разрушения.

Когда, проведя успешное наступление, ополченцы зачищали освобождённые посёлки, вдруг в Минске после переговоров объявили перемирие. Я не спец в политике и тем более в военном деле. Возможно, перемирие сохранило жизнь многим мирным людям. Возможно?! Украинская сторона использует перемирие, стягивает технику и копит силу уж явно не для благополучия жителей, которые живут на стыке необъявленных фронтов.

...Мы живём в глубоком тылу. Когда шли бои, «Дебальцевский котёл» или «мешок» доносил до нас эхо канонады жарких боёв. Сейчас уже ничто не нарушает тишину наших холмов. Город живёт и работает вполсилы, потому что его мирный труд пока никому не нужен. Мир воюет. Политического решения конфликта пока нет. И теперь даже мне, не сведущей в военном деле, стало понятно, что слишком много заинтересованных в продолжении войны. Пока перевес на их стороне. Но это дело времени. Моя молитва о благоразумии услышана, она влилась в широкую реку Жизни так же, как молитвы тысяч других людей. Эта необъявленная молитва свершит своё благое дело. Время делает из нас людей.

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

Историк по образованию. Поэт. Член Межрегионального союза писателей и Союза писателей ЛНР. Автор книг «Мы Одиссеи в жизни и любви», «Мы всё же достигаем высоты...», «Танго смерти», постоянный автор альманахов и сайта «Свой вариант». Печатался в сборниках ТО СТАН. Лауреат фестиваля «Пушкинское кольцо-2010» (Черкассы). Призёр VIII Международного фестиваля в Дюссельдорфе, победитель в нескольких номинациях Международного фестиваля «Пристань менестрелей» (Балаклава, 2010) и др. Стихи последних лет, посвящённые событиям на Донбассе, опубликованы в сборниках «Ожог», «Час мужества», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Строки мужества и боли» и др. В 2015 году в Ханты-Мансийске на сцене «Югра-классик» по мотивам поэмы «Танго смерти» была поставлена театрально-музыкальная постановка «Последнее танго».

СЕПАР

ОТРЫВОК

«Кто не скаче, тот москаль, кто не скаче, тот москаль...» И все скакали. Все, кто стоял на майдане Незалежности, вне зависимости от возраста, пола или здоровья. Скакали так, как будто от этих прыжков зависела судьба Украины. Геннадий прыгал вместе со всеми: раз он тут, то выделяться нельзя – чужака разорвут на части. Геннадий помнил, что именно так и с такими же лозунгами прыгали кубинцы Фиделя – «кто не прыгает, тот янки». История развивается по спирали, правда, кубинцы ещё бросали в сторону Соединённых Штатов камни. Камни падали в океан, не причиняя врагу никакого ущерба, но смысл ясен: побитие дьявола – вот что сближает народ и освящает действия власти. Добро против зла. Воины света и воины тьмы. Хорошая идея. Надо её запатентовать и получать за это деньги. Ведь можно собрать народ в Мариуполе и кидать в сторону Таганрога гравий. Это покруче километрового флага Украины или таких же рушников. Правда, прыгали кубинцы в середине прошлого века, когда только освободились от «братских» объятий США. Куба под американцами – страна богатых отдыхающих из США и нищего неграмотного коренного населения. Поэтому и использовали психологию толпы. Но это только в начале строительства новой Кубы – потом пытались достучаться до разума и совести каждого кубинца. А Украина – страна поголовной грамотности, да и на дворе XXI век, а эти прыжки на главной площади Украины... никого это не шокирует. «Козье болото» – вдруг выплыло из памяти старое название майдана. Да нет, не козье, а баранье. Только баран может тратить так бездарно свою жизнь. Ведь цель всего этого балагана – сделать бедных ещё беднее, а богатых ещё богаче. Хотя и козлиное не в меньшей степени. Только козлы – это «вожди» Незалежной, недаром в старые времена, когда пастухам надо было перегнать отару на бой-

ню, к баранам запускали козла. Козёл становился бараньим вожаком. У козлов это получается легко – наглые и напористые. И когда наступало время, козёл, не мучаясь совестью (какая у козлов совесть?), вёл привычным маршрутом всю отару на бойню. Наконец прыгать перестали, и один из толпы «козлов», стоявших на трибуне, начал рассказывать о тяжёлой доле «неньки» Украины, о её внешних и внутренних врагах. В это время сосед Геннадия – пузатый мужик в вышиванке и с висячими украинскими усами, до этого прыгавший энергичней всех, – внезапно захрипел и упал на брусчатку. Судя по быстроте явившихся медбратьев и врача, майдан строго контролировался теми, кому надо. Врач прикоснулся к шее лежащего и сказал сам себе: «Ещё один… И зачем он прыгал? И так видно, что не москаль». Труп унесли, и Геннадий сосредоточил своё внимание на выступающем. Как он здесь оказался? Ведь говорили, что после премьерства он стал миллионером и бегает в красных трусах по пляжам Нью-Йорка. И на тебе! Опять лезет в политику. Может, деньги кончились? Не может быть! Украл он столько, что и правнукам должно хватить. У французов была линия Мажино, а у нас линия обороны имени Кролика, защищающая страну разве что от кроликов. И заметьте – построенная за те же деньги. После пламенной речи сумасшедшего кролика толпа скандировала лозунги «Путин х…ло, Путин х…ло», «Украина превыше всего…». Затем вышел «козёл» в шикарном дизайнерском платье и туфлях на высоком каблуке – нет, это был не Ляшко, но назвать «козой» Юльку Геннадий не решился. Из всех украинских политиков она, пожалуй, была единственным «мужиком». Решительная, жёсткая, идущая к цели по трупам врагов и бывших «друзей». Говорила она опять же о «гибридной» войне и о врагах, но вся её речь свелась, пожалуй, к одному – победы не будет, пока президентом не станет пани Юля. После выступления Юльки пели гимн: «Ще не вмерла України, ні слава, ні воля…» Пела вся площадь. Песня и чувство локтя превратили толпу в единый организм, и каждый поющий верил, что Украина не умерла и не умрёт, и что «сгинуть вороженьки», и будет Украина «от Сяна до Дону». Дон пока ещё принадлежит России, но настанет день, и Дон, и Кубань, и Белгородская область, и Воронежская – всё будет украинским. Пели, забывая о гражданской войне, которую стыдливо называли антитеррористической операцией, о страшной инфляции и растущих коммунальных тарифах, о нищете и безработице, о неработающих законах и растущем бандитском беспределе. Геннадий пел вместе со всеми и громче всех, чтоб никто и не подумал, что он не «щирий» украинец. Тем более с его биографией: Геннадий родился и жил до войны в Луганске. И только тогда, когда первые дальнобойные снаряды стали падать на город, он собрал семью и вещи и переехал в столицу Украины. А к дончанам и луганчанам отношение сейчас особое. Потенциальные «зрадники». К моменту, когда гимн был спет, толпа уже была на взводе: скажи – и прямо с майдана пойдут бить внешних и внутренних врагов. И в это мгновение к микрофону подошёл главный «козёл» страны. Хотя он больше был похож на хряка, жирного и злоупотребляющего спиртным. Он же «пан президент». «Любі друзі. Братья и сёстры. Родина в опасности», – произнёс президент с дрожью в голосе и сделал паузу. «"Любі друзі" – это он украл у Ющенко, «братья и сёстры» и «Родина в опасности» у Сталина, – подумал Геннадий. – Значит, когда надо, и коммунистическим прошлым не побрезговал. Россия – главный враг, а фабрику свою в Липецке так и не закрыл. Такие, как он, за прибыль не только Родину, но и мать родную продадут, брата зарежут». Президент продолжил свою речь о соседе-агрессоре, которого при помощи НАТО и Соединённых Штатов Америки обязательно Украина победит. «Санкции и летальное оружие! Санкции и летальное оружие!» – как заклинание, вновь и вновь повторял президент. Затем он сделал паузу и перешёл к «внутренним» врагам. «Сепаратисты – вот главное зло. Истребим их и одержим победу. Они везде. Они даже здесь, с нами. Поют наш гимн и готовят теракты. Готовят «зраду». Оглянитесь, и вы поймёте, кто предатель!»

Продолжение следует

ОТ УВЛЕЧЕНИЯ — К БИЗНЕСУ

С МНОГООБРАЗИЕМ МОЛОДЁЖНЫХ БИЗНЕС-ПРОЕКТОВ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ И КОММЕНТАРИЯМИ К НИМ МОЖНО БЫЛО ОЗНАКОМИТЬСЯ В СТЕНАХ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА (ДАЛЕЕ УГГУ). В ЦАРСКОМ ЗАЛЕ ПРОШЁЛ ФИНАЛ КОНКУРСА «МОЛОДЁЖЬ УРАЛА – ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ». ВТОРОЙ ГОД ПОДРЯД НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ КОНКУРСА ПРИНИМАЮТ МИЧУРИНЦЫ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» АНАТОЛИЙ ТРУБА И НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР АЛЕКСАНДР СЁМИН.

Как сообщил академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор Александр Сёмин, конкурсная комиссия рассмотрела сто заявок, из которых к очной защите было допущено тридцать шесть. Заявки пришли не только из городов Свердловской области, но также из Челябинской, Тамбовской областей и других регионов страны. В составе жюри были академики, доктора наук и профессора различных вузов.

Конкурсанты были самого различного возраста: начиная с 11-летних (4-й класс) и заканчивая выпускниками вузов, что давало возможность младшему поколению получить неоценимый опыт. Занимаясь проектной деятельностью со столь раннего возраста, ребята открывали перед собой увлекательные перспективы. Стоит отметить, что проектная деятельность в современной системе образования для большинства школ России становится обязательным условием обучения.

Наиболее эффектными были выступления участников, которые сопровождались демонстрацией конкретного продукта. Так, школьники Нурай и Садай Агабабаевы, брат и сестра, разработали бизнес-проект по открытию музыкальной студии для детей. Они наглядно показали, что уже есть из инструментов и оборудования, а что необходимо добавить и на какую сумму. Но самое главное, при защите своих идей они сыграли несколько коротких композиций на фортепьяно и скрипке, тем самым уже на этом уровне доказав своё право на реализацию проекта.

В силу того что мы живём в условиях жёсткой конкуренции, попытки ребят коммерциализировать свои способности увеличивают их шансы найти себя во взрослой

жизни. Самоидентификация в современном мире – достаточно сложный процесс и требует от участников более ранней профессиональной ориентации.

Студент первого курса УГГУ Виталий Адас на своём личном примере показал и рассказал, как можно студенту заработать на площадке вуза, не отрываясь от процесса обучения. Он абсолютно правильно отметил, что решить задачу совмещения учёбы и работы по силам далеко не всем студентам. Но вариант трудоустройства в вузе с первого курса при очном обучении вполне возможен.

Немало было проектов из малых городов. Ребята привезли свои бизнес-идеи, которые, на их взгляд, помогут улучшить социально-экономическое положение земляков. Так, например, школьники из Артёмовского городского округа (далее АГО) привезли на конкурс четыре бизнес-проекта, которые они хотели бы реализовать на территории своего округа.

Анастасия Сандалова, ученица 11-го класса, также посещающая курсы швейного дела в Центре образования и профессиональной ориентации, рассказала участникам о бизнес-идее организации предприятия по пошиву спецодежды. Причём в качестве сотрудников Анастасия видит в первую очередь молодёжь, которая заинтересована в высококвалифицированном труде и достойном заработке. Работая на предприятии, ребята смогут получить высшее образование по заочной форме или дистанционно, если у кого-то будет такая потребность.

Идея открытия фотостудии в городе принадлежит Светлане Орловой, ученице 9-го класса школы № 6. Потребность в таких услугах есть как у молодёжи, так и у старшего поколения. Превратить хобби в бизнес сегодня посильно каждому, даже если ты школьник.

Контактные зоопарки интересны не только детям. О такой бизнес-идее рассказала Дарья Фатеева, ученица школы № 8. Проведя опрос учащихся и проанализировав результаты, Дарья убедилась в актуальности своей идеи. Практически сто процентов респондентов обязательно посетили бы контактный зоопарк, если бы он был в городе. С учётом того,

что сегодня и во многих деревнях перестали разводить сельхозживотных, посетить контактный зоопарк желает не только городское население.

Как можно заработать школьнику на приусадебном участке в статусе ЛПХ, рассказала ученица школы № 4 Виктория Шагалиева. Её идея примечательна тем, что не требует значительных капитальных вложений, а реализация вполне посильна школьнику или группе школьников. Производственный цикл имеет сезонный характер, а цикл реализации товара и его производных – круглогодичный. Например, вырастили морковку, часть реализовали в натуральном виде, другую часть высушили. Преимущества хранения сушёного продукта очевидны, а полезные свойства как у свежего.

Бизнес-идеи школьников и студентов затрагивают практически все сферы жизнедеятельности человека. И все они идут от проблемы. Последнее десятилетие детские магазины до самых потолков забиты игрушками из пластика низкого качества. Многие родители и не подозревают, что их ребёнок вдыхает ядовитые вещества, выделяющиеся от таких предметов. Неравнодушные Сергей Дербышев и Кристина Берестова, обрисовав эту проблему, предложили игрушки из дерева, материала экологически чистого и безопасного для нашей жизни.

Ученица 5-го класса Дарья Шурыгина интересуется минералами и рассказала участникам о минеральном поясе, который проходит через Режевской район в сторону станции Мурзинка. Эта информация стала открытием для большинства ребят. Песня об уральских самоцветах в её исполнении вызвала в зале бурные овации. Да, здесь не было как таковой бизнес-идеи, но её смелость выйти к трибуне и рассказать о своём увлечении выше всякой похвалы.

Каждый из участников, защищая свой проект, идею или хобби, отрабатывает комплекс практических навыков, которые усиливают его личностные и профессиональные задатки. Сегодня это просто хобби или увлечение, а завтра может стать бизнес-идеей. И здесь задача взрослого человека видится в том, чтобы дать ребёнку правильную навигацию.

Современные телекоммуникационные системы и поддержка журнала «Александръ» позволили двум школьницам из города Мичуринска Тамбовской области защитить свои проекты посредством видеотрансляции. Так, ученицы 10-го класса МБОУ СОШ № 18 им. Э. Д. Потапова Эллина Кириллова и Софья Манаенкова защитили проекты «Солнечный берег» и «Фитобар "Полезно для здоровья"». Таким образом, организаторы показали ребятам, как можно участвовать в аналогичных мероприятиях, находясь в любой точке мира.

Завершился конкурс награждением всех участников и общей фотосессией. Все финалисты получили дипломы и ценные подарки.

Анатолий ТРУБА,
доктор экономических наук, профессор

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 6 (21) июнь 2018

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

НА ПОЛЕ МЕЖДУ ХРАМОМ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ В ЗВЁЗДНОМ ГОРОДКЕ И СПОРТИВНЫМ КОМПЛЕКСОМ ЦЕНТРА ПОДГОТОВКИ КОСМОНАВТОВ (ЦПК) ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЗАЦВЕТЁТ КРАСИВЫЙ ЯБЛОНЕВО-ГРУШЕВЫЙ САД И РАСКИНЕТСЯ ЖИВОПИСНЫЙ ДЕНДРАРИЙ С САМЫМИ РАЗНООБРАЗНЫМИ РАСТЕНИЯМИ. ДЛЯ ЭТОГО В РАМКАХ ПРОДОЛЖЕНИЯ ПРОЕКТА «МЕЖДУНАРОДНЫЙ САД МИРА «БЛАГОДАТНОЕ КОЛЬЦО»» НА УПОМЯНУТОЙ ТЕРРИТОРИИ БЫЛИ ПОСАЖЕНЫ САЖЕНЦЫ АНТОНОВКИ, МАНЬЧЖУРСКОГО ОРЕХА, ЭЛИТНЫХ СОРТОВ МАЛИНЫ И СИРЕНИ, ПРИВЕЗЁННЫЕ ИЗ ГОРОДА МИЧУРИНСКА.

В акции, состоявшейся 11 мая, приняли участие сотрудники ЦПК, космонавты, общественные организации «Ветераны Звёздного городка», «Святые Лавры Руси Православной», учащиеся школы имени В. М. Комарова, жители Звёздного городка, делегации из Мичуринска (Центр патриотического воспитания им. Генерала армии Н. Е. Рогожкина), Переславля-Залесского, Королёва, Белгорода и других городов России. Организатором мероприятия является главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ» Анатолий Труба. Идея проекта заключается в том, чтобы посадить деревья в память о каждом из наших сограждан, погибших в Великую Отечественную войну.

Митинг, посвящённый продолжению посадки сада «Благодатное кольцо», заложенного 29 сентября прошлого года, открыл Герой Российской Федерации, лётчик-космонавт РФ, председатель Совета ветеранов общественной организации «Ветераны Звёздного городка» Валерий Корзун: «Эта акция – продолжение традиций "Бессмертного полка". У нас все саженцы именные. Растения посажены руками школьников, космонавтов, жи-

телей и гостей Звёздного городка, и каждый помнит своё дерево. Мы надеемся, что вскоре люди будут не только любоваться цветением яблонь в День Победы, но и собирать плоды на этом благословенном месте».

«Позвольте мне от лица Центра подготовки космонавтов сказать вам всем спасибо за то, что эта замечательная инициатива поддержана и развивается, – продолжил начальник ЦПК, Герой Российской Федерации, заслуженный лётчик-испытатель РФ Павел Власов. – Мы должны знать и помнить историю нашего государства. У нас во все времена был главным девиз: "Всем миром, всем народом!" Это единение двигало и двигает Россию вперёд. И сегодня мы все вместе также создаём историю, чтобы наша жизнь становилась красивее!»

Радостен тот факт, что высаженные прошлой осенью саженцы, о чём мы писали на страницах журнала «Александръ», благополучно перезимовали. К ним добавились новые редкие растения, для которых комфортны условия Подмосковья. Желающих оставить свой осязаемый живой след в истории и в дальнейшем нести ответственность за посаженное дерево оказалось немало среди космонавтов и сотрудников ЦПК. Сегодня на поле собрались люди, неравнодушные к единению за мирное будущее. И помимо посадки сада там же была открыта памятная доска, на которой содержится информация для потомков об этом значимом событии.

От главы Звёздного городка Героя России Валерия Токарева было получено заверение в том, что сад получит официальное название «Сад имени И. В. Мичурина». Вопрос об этом будет рассмотрен на ближайшем заседание Совета народных депутатов Звёздного городка.

А уже 12 мая село Бояркино Московской области присоединилось к масштабному проекту «Международный сад мира "Благодатное кольцо"». Возле храма Преображения Господня коломенцами и мичуринцами был заложен фруктовый сад как символ неразрывной связи поколений и сплочения народов.

После приветственных речей участники акции проследовали к мемориалу «Солдату – воину», расположенному рядом с храмом. На всём пути следования колонну возглавляли члены военно-патриотического движения «Юнармия», развернувшие в знак преемственности поколений большое полотно копии Знамени Победы.

В память о героическом подвиге советских воинов была объявлена минута молчания, к монументу возложили цветы. В храме прошла лития по погибшим бойцам Великой Отечественной войны.

В посадке деревьев приняли участие настоятель храма Ильи пророка протоирей Павел Медведев, директор Мичуринского краеведческого музея Олег Сазонов, учёный-селекционер Геннадий Щербенёв и главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба. Работа по посадке молодых деревьев объединила всех участников акции. За полчаса на небольшом участке земли были дружно высажены 60 яблонь, выделенных руководством Мичуринского аграрного университета. Теперь эти деревья будут расти, набираться сил и напоминать нам о том, какими сильными духом и любящими Родину были наши деды и прадеды, ценою своей жизни завоевавшие мир на земле.

СВЯТО-НИКОЛЬСКАЯ МАМОНТОВА ПУСТЫНЬ

село МАМОНТОВО

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Феодоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4 000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

Религиозная организация «Никольский женский монастырь»
с. Мамонтово Сосновского района Тамбовской области Мичуринской епархии Русской православной церкви (Московский Патриархат)».
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:
р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.